0 31/198

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА

1877—78 гг.

31/198
1-73
ф 12235

ОЧЕРКИ И ЭПИЗОДЫ

заимствованные изъ достовѣрныхъ источниковъ

В. А. Л.

ПУБЛ. ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА С. С. С. Р.
Ф.31-12979

Съ рисунками.

Изъ книгъ

~~ЗАСЛУЖЕННАГО~~ ПРОФЕССОРА

ПРОТОІЕРЕЯ

Д. Ѳ. КАСИЦЫНА.

МОСКВА.
Типогр. Н. Н. Булгакова, Солянка, д. Волкова.
1900.

Дозволено цензурою. Москва, 8 декабря, 1899 г.

2007111348

ПРИХОДСКАЯ БИБЛІОТЕКА
ИМЕНИ
ЛУКИ и МАТѲѢЯ
ВАСИЛЬЕВИЧЕЙ
ЛОСЕВЫХЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Причины войны.

Славянскія племена, подвластныя Турціи издревле страдали подъ игомъ своихъ властителей, стѣснявшихъ свободу исповѣданія христіанской религіи, грабившихъ ихъ имущества и съ необузданною яростію истязавшихъ христіанъ, которымъ было не подъ силу исполнять требованія турецкихъ губернаторовъ, которые самовластно распоряжались въ славянскихъ провинціяхъ. Уже не въ первый разъ приходилось Россіи явить свое заступничество угнетеннымъ братьямъ славянамъ.

Со временъ Императрицы Екатерины II много русской крови пролито на Балканскомъ полуостровѣ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1875 года вспыхнуло возстаніе въ Босніи, вызванное невыносимымъ гнетомъ турецкихъ властей, которыя приняли звѣрскія, безчеловѣчныя мѣры къ подавленію возстанія, что заставило герцеговинцевъ и отчасти болгаръ примкнуть къ рядамъ боснійскихъ и повстанцевъ. Это усмиреніе возстанія славянъ производилось турецкими войсками очень медленно, а безполезное кровопролитіе обратило на себя вниманіе великихъ европейскихъ державъ: Россіи, Германіи и Австріи, которыя предложили Турціи свое посредничество. Турція, повидимому, благосклонно отнеслась къ этому посредничеству, обѣщая различныя льготы своимъ христіанскимъ подданнымъ; но повстанцы не довѣряли обѣщаніямъ Турокъ и не оставляли оружія, а потому старанія трехъ державъ не имѣли желаемаго успѣха. Тѣмъ не менѣе Россія не переставала ни на минуту вести мирные переговоры съ Портою.

Въ маѣ 1876 года возстаніе славянъ вспыхнуло съ новою силою, а потому министръ иностранныхъ дѣлъ Горчаковъ сдѣлалъ Австріи предложеніе занять ея войсками воз-

ставшія славянскія провинціи, для прекращенія опаснаго кровопролитія, но оно было отвергнуто Австріей, Англія въ свою очередь отказалась отъ какого бы то ни было участія въ дѣлѣ Турціи со славянами.

Въ это самое время послѣдовало сверженіе съ престола султана Абдулъ-Азиса, покончившаго съ собою самоубійствомъ и провозглашеніе Мурада V. Эти происшествія произвели внутренній переворотъ и замѣшательство въ Портѣ, которымъ воспользовались Черногорія и Сербія и объявили Турціи войну. Все это въ совокупности усилило въ русскомъ народѣ помочь братьямъ славянамъ. Русскіе добровольцы тысячами поступали въ сербскія войска и всѣ сословія жертвовали и вещами и деньгами для помощи раненымъ на войнѣ. Но сербскія войска потерпѣли страшное пораженіе отъ турокъ при Алексинацѣ и Крагуевацѣ и по просьбѣ сербскаго князя Михаила Императоръ Александръ II уполномочилъ посланника своего при Константинопольскомъ дворѣ требовать перемирія, которое и состоялось, устранивъ лишнее кровопролитное столкновеніе между воюющими.

Въ первыхъ числахъ ноября государь на обратномъ пути изъ Ливадіи, заѣхалъ въ Москву и въ Георгіевской залѣ обратился къ представителямъ всѣхъ сословій съ рѣчью, въ которой высказалъ, что во все время своего царствованія онъ старался о пріобрѣтеніи правъ и правосудія для христіанъ подвластныхъ Турціи, но къ сожалѣнію его заботы не имѣли наго успѣха: что Россія на слѣдующей конференціи еще разъ предъявитъ свои требованія, и, если этотъ послѣдній шагъ не приведетъ къ желаемому результату, тогда Россія вынуждена будетъ взяться за оружіе, разсчитывая на поддержку русскихъ подданныхъ. Эти достопамятныя слова вызвали цѣлую бурю воодушевленія. Во всей Россіи раздался единодушный отголосокъ и множество городовъ, земствъ, ремесленниковъ и купечество публично заявили о своей готовности жертвовать для святой цѣли своимъ достояніемъ. 13 ноября Государь Императоръ прибылъ въ Царское Село и этимъ числомъ отмѣченъ Высочайшій приказъ о мобилизаціи войскъ въ Кіевскомъ, Харьковскомъ, Одесскомъ и частію въ Московскомъ округахъ.

Того же числа государственный канцлеръ князь Горчаковъ увѣдомилъ европейскія державы о мобилизаціи русскихъ войскъ. Въ этой циркулярной депешѣ между прочимъ было высказано, что русскій императоръ не желаетъ войны, но тѣмъ не менѣе не можетъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ кровавыхъ произшествій въ земляхъ славянскихъ.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1876 года въ Константинополѣ случилось новое, большой важности событіе. Султанъ Мурадъ V признанъ былъ своими пашами душевно-больнымъ и лишенъ престола, на который вступилъ братъ его Абдулъ-Гамидъ. При такихъ внутреннихъ неурядицахъ было не возможно добиться приведенія въ исполненіе тѣхъ требованій, которыя были предъявлены европейскими державами по отношенію къ Сербіи, какъ равно и другимъ славянамъ. Истощены были дипломатами всѣ усилія, чтобы устранить военное столкновеніе между Россіей и Турціей. Наконецъ съ половины декабря 1876 года собралась въ Константинополѣ конференція изъ посланниковъ Россіи, Англіи, Германіи, Австріи, Венгріи, Франціи и Италіи. Совѣща-

нія конференціи открылись 23-го декабря и выработанный ею проектъ былъ представленъ Портѣ. Великій совѣтъ единогласно отвергъ предложенія уполномоченныхъ отъ европейскихъ державъ.

21 января 1877 года представители европейскихъ державъ выѣхали изъ Константинополя. Въ февралѣ мѣсяцѣ возстаніе въ Босніи вспыхнуло съ новою силою и возобновилась война съ Сербіею и Черногоріею, принявши партизанскій характеръ.

Такимъ образомъ разбилась послѣдняя надежда на сохраніе мира и Россія вооружилась окончательно для рѣшительной войны.

Въ началѣ декабря началась отправка русскихъ войскъ въ Бессарабію и къ первымъ числамъ новаго года войска уже были на назначенныхъ имъ мѣстахъ. Главнокомандующимъ былъ назначенъ Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій. 1-го декабря онъ отправился въ главную квартиру, расположенную въ городѣ Кишиневѣ.

Однако до объявленія войны прошло цѣлыхъ четыре мѣсяца. Этимъ временемъ Россія хорошо воспользовалась для укрѣпленія

береговъ Черного моря береговыми баттареями, снабженными дальнобойными орудіями большого калибра и загражденіемъ гаванеи многочисленными минами, въ видѣ торпедъ. Изъ четырехъ дивизій сформированы были два новыхъ корпуса XIII и XIV, которые вмѣстѣ съ IV корпусомъ образовали первый резервъ южной армій.

10 апрѣля въ Кишиневѣ состоялся военный совѣтъ, задачею коего были условія наступательныхъ движеній къ границамъ Румыніи. Съ румынскимъ Королемъ Карломъ заключенъ былъ договоръ о безпрепятственномъ пропускѣ Русскихъ войскъ, какъ равно и о пользованіи желѣзными дорогами и Дунайскими пароходами.

Въ скоромъ времени Императоръ Александръ II, въ сопровожденіи Наслѣдника Цесаревича, выѣхалъ изъ Петербурга въ Кишиневъ, чтобы лично привѣтствовать свое воинство. По дорогѣ Его Величество дѣлалъ смотры Его присутствіе приводило въ неописанный восторгъ солдатъ. Являясь предъ фронтами Государь, обращаясь къ солдатамъ, говорилъ: „если сойдетесь лицомъ

къ лицу съ врагомъ, держитесь храбро и поддержите исконную славу вашихъ знаменъ. Я надѣюсь, что молодое войско, не бывшее еще въ огнѣ, не уступитъ старому и постарается сравняться съ нимъ. Рѣчь Государя встрѣчалась громкимъ, восторженным „ура“.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Объявленіе войны.

По Высочайшему повелѣнію 24-го апрѣля Турецкому послаппику Тевфикъ-Бею въ Петербургѣ вручено было объявленіе войны Портѣ и того же числа обнародованъ былъ въ Россіи Высочайшій манифестъ слѣдующаго содержанія:

Божіею милостію,

Мы Александръ вторый!

Императоръ и самодержецъ всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій и проч. и проч. и проч.

Всѣмъ нашимъ любезнымъ вѣрноподданнымъ извѣстно то живое участіе, которое Мы всегда принимали въ судьбахъ угни-

тѣннаго христіанскаго населенія Турціи желаніе улучшить и обезпечить положеніе его раздѣляетъ съ Нами и весь русскій народъ, нынѣ выражающій готовность свою на новыя жертвы для облегченія участи христіанъ Болканскаго полуострова. Кровь и достояніе Нашихъ вѣрноподданныхъ была всегда Намъ дорога; все Наше царствованіе свидѣтельствуетъ о постоянной заботливости Нашей сохранять Россіи благословенія мира. Эта заботливость оставалась Намъ присуща въ виду печальныхъ событій, совершившихся въ Герцеговинѣ, Босніи и Болгаріи. Мы первоначально поставили себя цѣлью достигнуть улучшеній въ положеніи восточныхъ христіанъ путемъ мирныхъ переговоровъ, и соглашенія съ союзными, дружественными Намъ, великими Европейскими державами. Мы не переставали стремиться, въ продолженіи двухъ лѣтъ, къ тому, что бы склонить Порту къ преобразованіямъ, которыя могли-бы оградить христіанъ Босніи, Герцеговины и Болгаріи отъ произвола мѣстныхъ властей. Совершеніе этихъ преобразованій всѣцѣло вытекало изъ прежнихъ обязательствъ,

торжественно принятыхъ Портою предъ лицемъ всей Европы. Усилія Наши поддержанныя совокупными дипломатическими настояніями другихъ правительствъ, не привели однакожъ къ желанной цѣли. Порта осталась не преклонною въ своемъ рѣшительномъ отказѣ отъ всякаго дѣйствительнаго обезпеченія своихъ христіанскихъ подданныхъ и отвергла постановленіе Константинопольской конференціи. Желая испытать, для убѣжденія Порты, всевозможныя способы соглашенія, Мы предложили другимъ кобинетамъ составить особый протоколъ совложеніемъ въ оный самыхъ существенныхъ постановленій константинопольской конференціи, и пригласить турецкое правительство присоединиться къ этому международному акту, выражающему крайній предѣлъ Нашихъ миролюбивыхъ настояній. Но ожиданія Наши не оправдались. Порта невняла единодушному желанію христіанской Европы и не присоединилась къ изложеннымъ въ протоколѣ заключеніямъ. Исчерпавъ до конца миролюбіе Наше, Мы вынуждены высокомѣрнымъ упорствомъ Порты приступить

къ дѣйствіямъ болѣе рѣшительнымъ. Того требуетъ и чувство справедливости и чувство собственнаго Нашего достоинства. Турція отказомъ своимъ поставляетъ Насъ въ необходимость обратиться къ силѣ оружія. Глубоко проникнутые убѣжденіемъ въ правотѣ Нашего дѣла, Мы, въ смиренномъ упованіи на помощь и милосердіе Всевышняго, объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ, что наступило время, предусмотренное въ тѣхъ словахъ Нашихъ, на которыя единодушно отозвалась вся Россія. Мы выразили намѣреніе дѣйствовать самостоятельно, когда Мы сочтемъ это нужнымъ и честь Россіи того требуетъ. Нынѣ, призывая благословеніе Божіе на доблестныя войска Наши, Мы повелѣли вступить въ предѣлы Турціи.

Данъ въ Кишиневѣ, Апрѣля 12 дня, лѣта отъ Рождества Христова въ тысяча восемьсотъ семьдесятъ седьмое, царствованія же Нашего въ двадесятъ третье.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано.

„Александръ“.

На другой день по выходѣ Высочайшаго манифеста въ большомъ Успѣнскомъ соборѣ въ Москвѣ и во всѣхъ церквахъ столицы онъ былъ торжественно прочитанъ и было совершено молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ о ниспосланіи благословенія Божія на доблестныя войска наши.

Вѣсть о войнѣ была встрѣчена населеніемъ Москвы съ неописаннымъ восторгомъ. Москва встрепенулась и ожила. Народъ почувствовалъ, что съ плечъ его свалилась тревожная неизвѣстность, столь долго томившая его и сковывавшая все экономическое развитіе страны. Неопредѣленность положенія обозначалась застоемъ торговли, сокращеніемъ промышленнаго производства, стѣсненіемъ кредита. Все это тяжело отзывалось на всѣхъ сословіяхъ. Война явилась кризисомъ этой тяжкой болѣзни, обѣщавшимъ скорый и благопріятный исходъ. Помимо этихъ соображеній радость народа объусловливалась искоинымъ его стремленіемъ идти на помощь угнетеннымъ христіанамъ, стонавшихъ подъ тяжкимъ игомъ мусуль-

манъ, звѣрство коихъ въ данный моментъ превосходило всякое вѣроятіе.

Въ день объявленія манифеста къ Государю-Императору послѣдовало отъ Черногорскаго князя Николая поздравительное письмо слѣдующаго содержанія. „Отъ имени моего народа и моего собственнаго желаю Вашему Величеству счастія въ исполненіи великодушнаго рѣшенія, принести въ жертву жизнь и достояніе великой русской націи для избавленія восточныхъ христіанъ отъ невыносимаго положенія, въ которомъ они находятся. Будьте увѣрены, Ваше Величество, что сердца всѣхъ христіанъ, населяющихъ Балканскій полуостровъ, пылаютъ любовію къ Вашей храброй арміи. Всѣ мы увѣрены, что Ваше величество исполните великую миссію Россіи и такимъ образомъ къ имени Освободителя столькихъ милліоновъ своихъ собственныхъ подданныхъ, прибавится еще имя избавителя многихъ милліоновъ несчастныхъ жертвъ христіанъ, живущихъ на востокѣ“.

Въ Кишеневѣ въ этотъ день происходило слѣдующее: въ началѣ девятаго часа утра

Молебствіе въ Кишиневѣ.

Государь прибылъ на поле близъ Кишенева, гдѣ были поставлены войска и передъ фронтомъ ихъ стояло духовенство въ полномъ облаченіи. Объѣхавъ войска и поздоровавшись съ ними, Онъ остановился неподалеку отъ духовенства. Преосвященный Павелъ епископъ Кишеневскій грамогласно прочиталъ манифестъ, объявляющій войну Портѣ, послѣ чего былъ соборне отслуженъ молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ. Преосвященный Павелъ сказалъ глубокопрочувствованное напутственное слово и благословилъ главнокомандующаго Великаго Князя Николая Николаевича образомъ Спаса, а войско иконою Богоматери. Минуты эти были въ высшей степени торжественны.

По войскамъ дѣйствующей арміи послѣдовалъ приказъ Главнокомандующаго такого содержанія, „Сотни лѣтъ тяготѣетъ иго турецкое надъ христіанами братьями нашими. Горька ихъ неволя! Все, что дорого человѣку: святая вѣра Христова, честное имя, потомъ и кровію добытое добро, все поругано, осквернено невѣрными; не выдержали несчастные, возстали противъ угнетателей и

вотъ уже два года льется кровь христіанская! Города и села выжжены; имущество разграблено; жены и дочери обезчещены; населеніе иныхъ мѣстъ поголовно вырѣзано. Всѣ представленія монарха нашего и иностранныхъ правительствъ объ улучшеніи быта христіанъ остались безъуспѣшными. Мѣра долготерпѣнія нашего Царя — Освободителя истощилась. Послѣдне слово царское сказано: война Турціи объявлена! Войска ввѣренной мнѣ арміи! Намъ выпала доля исполнить волю царскую и святой завѣтъ предковъ нашихъ. Не для завоеваній идемъ мы, а на защиту вѣры христовой. И такъ, впередъ! Дѣло наше святое и съ нами Богъ. Я увѣренъ, что каждый отъ генерала до рядоваго исполнитъ свой долгъ и не посрамитъ имени русскаго. Да будетъ оно и нынѣ также грозно, какъ и въ былые годы! Да не остановятъ насъ ни преграды, ни труды и лишенія, ни стойкость врага. Мирные же жители, къ какой бы вѣрѣ и къ какому бы народу они ни принадлежали, равно какъ и ихъ добро, да будутъ для насъ не при-

коснoвенны. Ничто не должно быть взято безвозмездно; никто не долженъ дозволять себѣ произвола. Въ этомъ отношеніи я требую отъ всѣхъ и каждаго самого строгаго порядка и дисциплины. Въ нихъ наша сила, залогъ успѣха, честь нашего имени. Напоминаю войскамъ, что по переходѣ границы нашей, мы вступаемъ въ издревне дружественную намъ Румынію, за освобожденіе которой пролито не мало русской крови. Я увѣренъ, что тамъ мы встрѣтимъ тоже гостепріимство, какъ и предки и отцы наши. Я требую, чтобы за то всѣ чины платили имъ братьямъ и друзьямъ нашимъ полной дружбой; охраной ихъ порядковъ и безотвѣтной помощію противъ Турокъ, а когда потребуется, то и защищали бы ихъ дома, также, какъ свою собственность.

Николай.

Послѣ царскаго смотра, войска, квартировавшіе въ Кишиневѣ отправились въ походъ, направляясь къ границамъ Румыніи, по

которой имѣли свободный пропускъ. Государь Императоръ оставался въ Кишиневѣ, встрѣчая и провожая войска подходившія изъ разныхъ мѣстъ своей зимней стоянки, которые тоже направлялись въ Румынію.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Болгары и ихъ положеніе при началѣ войны.

Имя Болгаръ впервые встрѣчается въ исторіи въ концѣ V вѣка. Перейдя черезъ Дунай и, разсѣявшись по мѣстамъ занятымъ уже славянскими племенами, они слились съ послѣдними и образовали сильное государство, не разъ заставлявшее трепетать одряхлѣвшую Византію. Гражданское развитіе страны шло рука объ руку съ военными успѣхами, а принятіе христіанства отъ Кирилла и Мефодія, указывало Болгаріи на ея счастливую будущность. Въ концѣ XIV столѣтія Турки наводнили Балканскій полуостровъ и совершенно поработили Болгаръ.

Подъ ужаснымъ гнетомъ своихъ побѣдителей они скорѣе прозябали, чѣмъ жили. Но тѣмъ не менѣе, благодаря упорству, столь свойственному славянскимъ племенамъ, они отъ времени до время пытались высвободиться отъ ненавистнаго ига Турокъ. Въ началѣ настоящаго столѣтія попытки эти принимали болѣе и болѣе настойчивый характеръ. Въ 1828 году во время войны между Россіей и Турціей попытка Болгаръ къ освобожденію приняла болѣе широкіе размѣры, но, заключенный въ скоромъ времени адріанопольскій миръ подавилъ самъ собою начавшееся ихъ возстаніе. Въ 1837 и 1841 годахъ возстанія Болгаръ вспыхивали съ новыми надеждами, но жестоко были подавляемы Турками и не принесли никакой пользы, не смотря на то, что Россія адріанопольскимъ договоромъ требовали отъ турокъ облегченія участи своихъ единовѣрцевъ. Въ 1862, 67 и 68 годахъ снова вспыхивали возстанія Болгаръ, которыя, не будучи прочно подготовлены, жестоко подавлялись Турками въ лицѣ кровожаднаго варвара Мидхата паши. Съ трудомъ добились Болгаръ въ 1871

году хоть того, что ихъ церковь была отдѣлена отъ греческой, такъ какъ греческое духовенство не выносимо угнетало и развращало народъ болгарскій.

Какъ мы уже сказали выше, баркары присоединили къ возставшимъ племенамъ Босніи, Герцеговины, Сербіи и Черногоріи. Вотъ въ какомъ положеніи были они при началѣ Русско-Турецкой войны. Черкесы и баши-бузуки были полными хозяевами во всей Болгаріи. У послѣднихъ было отобрано все, что только было возможно взять. По деревнямъ не оставалось ни лошадей, ни коровъ, словомъ, ничего изъ скота, которымъ столь богаты были всегда болгары. Грабителямъ никто не могъ, да и не думалъ сопротивляться, потому что, при первомъ попользновеніи со стороны обобранныхъ къ защитѣ своего имущества, ихъ ожидали звѣрскія истязанія, а нерѣдко и мучительная смерть. Прежде, хотя губернаторъ турецкій и жилъ въ Рущукѣ, но это не мѣшало совершенію безчисленныхъ злодѣйствъ въ его округѣ. Грабили церкви насиловали женщинъ и дѣвицъ, убивали лучшихъ людей, преимущественно священни-

ковъ и учителей, среди бѣлаго дня изъ села, въ виду всѣхъ, угоняли рабочій скотъ, похищали дѣтей, которыхъ ожидала печальная участь.

Съ объявленіемъ войны, когда губернаторъ перебрался въ крѣпость Шумну, въ Рущукскомъ округѣ злодѣянія увеличились до неимовѣрной степени. Постоянно находили зарѣзанныхъ дѣтей и разорванныхъ на двое младенцевъ. Около одного города, въ полѣ нашли беременную женщину со вскрытымъ животомъ и изуродованнымъ младенцемъ. Въ другомъ селеніи турки убили четырехъ малолѣтнихъ дѣтей, сторожившихъ стада своихъ родителей, хотя дѣти не оказывали ни малѣйшаго сопротивленія грабителямъ, угонявшимъ скотъ. Баши бузуки убивали только потому, что убійство было для нихъ наслажденіемъ. Боязни наказанія за тяжкое преступленіе не существовало. Съ нѣкоторою увѣренностію можно сказать, что въ правительственныхъ сферахъ турецкихъ убійство болгарина, кто бы онъ ни былъ не считалось уголовнымъ преетупленіемъ. Виновники звѣрскихъ убійствъ свободно расхаживали по

Болгаріи, открыто разсказывая о своихъ безчеловѣчныхъ поступкахъ и никому изъ начальниковъ не приходило въ голову преслѣдовать ихъ. А потому, при внезапномъ появленіи въ какой-либо деревнѣ черкесовъ или баши-бузуковъ, болгарское населеніе разбѣгалось, кто куда успѣлъ. Въ одномъ селеніи осталось около сорока дѣтей, изъ коихъ старшему было не болѣе шести лѣтъ. Все взрослое населеніе разбѣжалось, не успѣвъ захватить съ собою несчастныхъ малютокъ. Эти дѣти были заперты въ сараѣ. Въ то время какъ вся масса черкесовъ бросилась за бѣглецами, въ селѣ остался одинъ черкесъ, который, бродя изъ дома въ домъ наткнулся на сарай, услыхавъ плачъ ребенка, раздававшійся въ сараѣ. Онъ выбилъ дверь сарая и, войдя въ него съ полнымъ хладнокровіемъ перерѣзалъ всѣхъ дѣтей. Эти маленькіе мученики зарѣзаны были какъ бараны, то есть каждому перерѣзано было горло. Этотъ фактъ подтвержденъ былъ нѣкоторыми болгарами, заслуживающими полнаго довѣрія.

Въ одномъ болгарскомъ селѣ, гдѣ жители оказывали нѣкоторое сопротивленіе вторгнув

шимся баши-бузукамъ, двадцать мужчинъ были обезглавлены и головы ихъ надѣты были на колья и выставлены среди села, изъ котораго всѣ жители разбѣжались оставивъ свое имущество на разграбленіе.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Вступленіе русскихъ войскъ въ предѣлы Румыніи.

Русскія войска, квартировавшія въ Кишиневѣ до объявленія войны 12 апрѣля послѣ торжественнаго молебствія выступили въ походъ и въ скоромъ времени перешло турецкую границу въ трехъ мѣстахъ: въ Унгенахъ, Бештомахъ и противъ Кубеи.

Передовые кавалерійскіе отряды еще раньше заняли очень важный пунктъ—мостъ при мстечкѣ Барбошахъ, гдѣ протекаетъ не широкая, но очень быстрая извилистая рѣка Серетъ, впадающая въ Дунай. Турки, по своей халатности, не разрушили этого моста, что крайне затрудняло бы движеніе впередъ рус-

ской арміи, которое и безъ того уже затруднялось проливными дождями и плохимъ состояніемъ желѣзныхъ дорогъ.

Въ первыхъ числахъ мая русская армія уже въ достаточномъ количествѣ занимала въ Румыніи по берегу Дуная, а именно отъ города Браилова до истока Килійскаго рукава. Но турецкая флотилія могла свободно разгуливать по Дунаю безнаказанно, такъ какъ еще не были устроены русскія береговыя баттареи. При такихъ условіяхъ турецкій флотъ могъ разгромить всѣ прибрежные города Румыніи. Быстро воздвигались русскія баттареи по берегу Дуная въ разныхъ пунктахъ. По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ къ 21 апрѣля нашихъ войскъ въ Румыніи было сто пятьдесятъ тысячъ, изъ коихъ двѣ трети были уже на Дунаѣ, а остальные подходили. Состоявшіе уже на Дунаѣ имѣли слѣдующее расположеніе: въ Барбошахъ и его окрестностяхъ 30,000; въ Рени и окрестностяхъ 25,000; въ Измаилѣ и окрестностяхъ 10,000; между Рени и Измаиломъ 10,000. Остальные 60,000 постепенно придвигались. Сосредоточенные корпуса имѣли при себѣ всю артиллерію, весь

военный матеріалъ и громадные запасы провіанта. При Барбошскомъ корпусѣ имѣлось уже два парка осадной артиллеріи, значительное количество повозокъ для раненыхъ, два полевыхъ лазарета, два понтонныхъ экипажа и 15 канонерскихъ лодокъ, которыя предполагалось спустить на рѣку Соретъ.

Турки по Дунаю ровно ничего не предпринимали. Предполагавшаяся переправа ихъ на румынскій берегъ близь Калафата, была пріостановлена по неизвѣстнымъ причинамъ.

Противъ города Браилова турецкій берегъ низменный. Здѣсь отъ Дуная отдѣляется широкій судоходный рукавъ, носящій названіе по имени стоявшаго здѣсь города мачинскомъ руковомъ. Въ этомъ руковѣ 18 апрѣля появились два турецкихъ военныхъ парохода, пришедшіе сверху и стали на якорь. Они были тотчасъ замѣчены нашими артиллеристами съ браиловской баттареи которыя попытались прогнать ихъ, что и удалось имъ, какъ нельзя лучше. Дѣло было такъ: въ полдень два четырехъ-фунтовыя орудія были выдвинуты на самый край обрыва и ровно въ половинѣ перваго открыли огонь. Первый

нашъ снарядъ перелетѣлъ надъ пароходами и ударился въ берегъ; второй сдѣлалъ рикошетъ по водѣ, не долетѣвъ до цѣли; третій разорвался, какъ разъ, надъ носомъ парохода и снесъ ему бугъ—и притъ. Такимъ образомъ пристрѣлка была сдѣлана и всѣ снаряды падали на назначенныя мѣста. Послѣ перваго нашего выстрѣла на турецкомъ берегу произошло сильное движеніе турецкихъ войскъ, которое было замѣтно даже не вооруженнымъ глазомъ.—Баталіонъ пѣхоты разсыпался вдоль берега; нѣсколько вооруженныхъ конныхъ черкесовъ поскакали по песчаной береговой косѣ въ Мачинъ, а изъ селенія Игети выбѣжали моряки и торопливо направлялись на свои суда. Послѣ шестого выстрѣла турецкія пароходы стали отвѣчать. Первый ихъ снарядъ пролетѣлъ высоко надъ баттареей; второй далеко влѣво; ждали третьяго удачнаго выстрѣла, но онъ оказался картечью брызнувшей по водѣ, что вызвало громкій смѣхъ, какъ артеллеристовъ, такъ и всѣхъ присутствовавшихъ на румынскомъ берегу. Съ нашей стороны было сдѣлано 20 выстрѣловъ въ теченіи получаса и оба парохода

должны были скрыться за островъ, въ Мачинскомъ рукавѣ. У нихъ снесены были борта, значитъ была потеря и въ людяхъ. Пароходы еще разъ пытались выдвинуться изъ за острова, но нѣсколько удачно пущенныхъ нашихъ снорядовъ заставили ихъ снова скрыться и на этотъ разъ совсѣмъ уйти. Судя по тяжелому, неловкому ходу этихъ судовъ, поврежденія были весьма серьезныя.

Съ нашей стороны не было ни убитыхъ ни раненыхъ. Жители Браилова и въ томъ числѣ, даже дамы, наблюдали за перестрѣлкою съ берега, не страшась опасности, которая въ сущности была весьма возможна. Они апплодировали нашимъ артиллеристамъ послѣ каждаго выстрѣла.

На другой день сверху ожидались турецкіе мониторы, а потому приняты были энергическія мѣры къ окончанію баттареи и вооруженію оной дальнобойными орудіями большого калибра, однако мониторы не показывались, 21 апрѣля въ полдень на Дунаѣ, нѣсколько пониже Рени показался турецкій мониторъ и открылъ огонь по баттареямъ устроеннымъ на возвышенномъ берегу, между

Рени и устьемъ рѣки Прута. Наши пушки тотчасъ же отвѣчали. Получивъ нѣсколько ударовъ мониторъ отступилъ, но черезъ четверть часа снова подошелъ на выстрѣлъ. Онъ держалъ себя очень осторожно, боясь минныхъ подводныхъ заграждений. До половины третьяго продолжалась перестрѣлка и мониторъ совсѣмъ ушелъ внизъ по Дунаю съ значительными поврежденіями. Одновременно съ этимъ и противъ Браилова изъ мачинскаго рукава показались турецкіе параходы, въ числѣ которыхъ былъ одинъ вчерашній, пострадавшій менѣе своего товарища. Опять завязалась перестрѣлка, но пароходамъ не удалось прорваться къ Галацу; который былъ беззащитенъ и, если бы мониторы прорвались къ нему сверху или или снизу, то могли бы нанести городу большія поврежденія. А потому жители его были крайне встревожены. На балконахъ, крытыхъ и на всѣхъ возвышенныхъ пунктахъ замѣтны были толпы народа, слѣдившаго за перестрѣлкою у Рени. На турецкомъ берегу показались группы болгарскихъ бѣглецовъ и нѣсколько повозокъ, запряженныхъ волами. Несчастные пробира-

лись къ берегу, бредя въ водѣ по поясъ, такъ какъ берегъ былъ затопленъ водою на далекомъ пространствѣ. Тутъ были и женщины и дѣти. Съ румынскаго берега немедленно были посланны лодки, чтобы ихъ принять. Это было кстати, такъ какъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ мѣста посадки болгаръ на лодки; показались турецкіе батальоны, поспѣшно направлявшіеся къ берегу Дуная. Если бы опоздала подоспѣть болгарамъ помощь, то всѣ они сдѣлались бы жертвами изверговъ. Спасшіеся такимъ образомъ отъ вѣрной смерти болгары, разсказывали, что повсемѣстно ихъ единоплеменники бѣгутъ къ Дунаю отъ черкесовъ и баши бузуковъ.

Въ скоромъ времени одинъ болгаринъ переплывшій ночью Дунай и Рущукъ въ Журжево разсказывалъ о возмутительныхъ неистовствахъ слѣдующее: баши-бузуки и черкесы вмѣстѣ съ турками сосѣднихъ деревень, сдѣлавъ нападеніе на церковь села Трестеники, во время богослуженія, перевязали всѣхъ мужчинъ, убивая тѣхъ, которыя усиливались сопротивляться и въ глазахъ ихъ злодѣи совершали звѣрскія неистовства надъ ихъ же-

нами и дочерьми, затѣмъ, какъ бы въ насмѣшку надъ христіанской религіей, на лбу у мужчинъ и на грудяхъ у женщинъ своими ятаганами дѣлали нарѣзы въ видѣ креста. По удовлетвореніи своихъ звѣрскихъ страстей эти изверги стали издѣваться надъ иконами и священными сосудами. Надругавшись надъ святынею. они обобрали все цѣнное въ церкви, сняли съ убитыхъ ими одежду и, уложивъ все въ мѣшки, удалились. Одному священнику удалось избѣжать мученической смерти, благодаря тому, что изъ алтаря была дверь на дворъ, въ которую онъ и бѣжалъ.

Жители сосѣдняго села „Дв'ѣ-могилы" узнавъ о совершенныхъ звѣрствахъ турокъ. вооружали трехъ болгаръ и поставили ихъ къ церкви, чтобы сторожить отъ нападенія. Сосѣдніе съ этимъ селомъ Турки пришли къ болгарскому старшинѣ и объявили ему, что они назначены начальствомъ для ареста мятежниковъ — болгаръ, спрятавшихся въ церкви и требовали, чтобы онъ шелъ съ ними и отперъ имъ церковныя двери. Старшина старался увѣрить ихъ, что тамъ были не мятежники, а просто вооруженные сторо-

жа, поставленные для охраны церковнаго имущества отъ воровъ и разбойниковъ. Но эти увѣренія были напрасны, турки потащили его съ собою къ церкви силою. Когда они приблизились къ церкви, оттуда раздался выстрѣлъ, который былъ условнымъ сигналомъ для жителей села, призывавшимъ ихъ на помощъ. Турки бросились на дверь, выломали ее и убили троихъ сторожей. На выстрѣлы прибѣжали жители села съ дубинами, но назадъ ушли не многіе, такъ какъ убиты были турками вмѣстѣ со старшиною, а церковь была ограблена.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Взрывъ турецкаго монитора „Литфи-Джелиль“ подъ Браиловымъ.

Турецкій мониторъ Лифти-Джелиль вошелъ въ Дунай гораздо раньше, съ цѣлію противодѣйствовать русскимъ войскамъ располагавшимся на Дунаѣ. Вода начинала уже спадать и большому судну не удобно было оставаться на дунаѣ, а потому онъ пытался нѣсколько разъ прорваться около Браилова, но ему неудавалось.

29 апрѣля въ два часа по полудни съ русскихъ баттарей замѣтили за островомъ Мачиномъ дымовыя трубы приближавшихся турецкихъ мониторовъ. Артиллеристы при-

готовились. Множество офицеровъ разнаго рода оружія и постороннихъ зрителей собралось вблизи баттареи. Въ три часа по полудни изъ за острова показался передній мониторъ, прошелъ нѣсколько саженей по дунайскому фарватеру и раскрылъ бортъ. Это былъ Литфи-Джелиль—красивое трехмачтовое судно выпускавшее изъ своей трубы густые клубы чернаго дыма. За нимъ, не выдвигаясь изъ за острова видпѣлись еще два судна подъ парами, задержавшія ходъ. На первый выстрѣлъ „Литфи“ отвѣчала наша 21 фунтовая баттарея. Нѣсколько бомбъ легли близко около монитора. Всплески воды отъ бомбъ взлетали у самаго борта. Артиллеристы наши сердились не на шутку, забывая о томъ, что они и сами служили мишенью для турецкихъ пушекъ. Литфи снова тронулся впередъ, на этотъ разъ ему пожалуй и посчастливилось бы прорваться. Тогда съ нашей мортирной баттареи тоже открыли огонь. Первые два выстрѣла не долетѣли и легли гораздо ближе своей цѣли; послѣдовало уже приказаніе остановить безполезную трату снарядовъ, когда третій выстрѣлъ легъ

даже дальше своей цѣли, взбороздивъ воду подъ самымъ противоположнымъ берегомъ. Эти три выстрѣла дали возможность провѣрить дистанцію и бить навѣрняка. Совершенно одновременно раздались два выстрѣла—одинъ изъ 24 фунтовой пушки, а другой изъ мортирной. Оба снаряда ударились въ „Лифти“ и черезъ мгновеніе надъ водою показался громадный столбъ пламени, ярко блеснувшаго, несмотря на свѣтлый солнечный день. Черные клубы дыма сплошнымъ облакомъ совершенно окутали мониторъ, ударъ былъ глухой и короткій; длинныя волны, образовавшіяся отъ этого чудовищнаго всплеска, докатились даже до румынскаго берега, всколыхнувъ стоявшія тамъ лодки и судно. У насъ на баттареѣ и между зрителями воцарилось глубокое и въ то же время торжественное молчаніе. Но, когда, черезъ нѣсколько секундъ, дымъ разсѣялся и на поверхности воды, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ грозный броненосецъ не осталось ничего, кромѣ торчавшей трубы и мачты съ краснымъ флагомъ, на баттареяхъ грянуло громкое „ура“, подхваченно даже

посторонними зрителями. Это была страшная мгновенная катострофа Могучее трехмачтовое судно съ пятью колоссальными орудіями, съ 219-ю человѣками экипажа — все это разомъ погибло отъ удачно попавшей бомбы, пробившій палубу и разорвавшейся по всѣмъ вѣроятіямъ въ бомбовой камерѣ.

Со всѣхъ русскихъ баттарей было замѣчено, что въ мониторъ попало разомъ и почти въ одну точку два снаряда. Одинъ изъ этихъ снарядовъ выпущенъ былъ изъ мѣднаго, заряжающагося съ казенной части орудія, прицѣливаніе котораго было особенно тщательно вывѣрено было поручикомъ Самойло. Второй попавшій снарядъ выпущенъ былъ изъ единорога и наведенъ саперным поручикомъ Романовымъ, завѣдывавшимъ работами на первой баттареѣ, который весьма интересовался стрѣльбой. Поручикъ Самойло дворянинъ Смоленской губерніи, имѣетъ отъ роду всего 23 года, а на дѣйствительной службѣ состоялъ всего одинъ годъ и девять мѣсяцевъ. Поручикъ 7 сапернаго баталіона Романовъ 21 года, родомъ изъ Подольской губерніи и на дѣйствительной службѣ состоялъ

всего восемь мѣсяцевъ. Такимъ образомъ честь уничтоженія турецкаго монитора принадлежала по праву обоимъ офицерамъ.

По разсказамъ единственнаго матроса съ „Литфи-Джелиль“, котораго удалось спасти, мониторъ имѣлъ своею задачею очистить отъ русскихъ баттарей и заграждений теченіе Дуная отъ Браилова до Рени. Затѣмъ онъ предполагалъ бомбардировать Браиловъ, Галацъ и Рени и превратить ихъ въ груду развалинъ. Тотчасъ послѣ катастрофы два другихъ турецкихъ судна немедленно обратились въ бѣгство вверхъ по Дунаю, нимало не заботясь о спасеніи тѣхъ, которыхъ еще можно было спасти; а потому первая мысль, первое движеніе чувства послѣ минутъ, невольно отданныхъ торжеству побѣды, у русскихъ была забота объ участи погибавшихъ матросовъ взорваннаго судна. Испросивъ разрѣшеніе генерала Салова, полковникъ Струковъ, капитанъ 1-го ранга Рогуля, лейтенантъ Дубасовъ, есаулъ Дукмасовъ и еще нѣсколько моряковъ-офицеровъ бросились на паровыя шлюпки и на всѣхъ порахъ пустились къ мѣсту катастрофы. Всѣ шлюпки, держа на-

имени

правленіе къ селенію Гегету, стоявшему поблизости отъ города Мачина, обогнули затопленный островъ и, войдя въ Мачинскій рукавъ, прослѣдовали мимо гегетскихъ окоповъ, за которыми виднѣлась турецкая пѣхота, не дававшая по шлюпкамъ ни одного выстрѣла. Какъ видно, паника турокъ была слишкомъ велика и они не успѣли еще прійти въ себя отъ сильнаго впечатлѣнія, произведеннаго взрывомъ могучаго монитора „Литфи-Джелиль“. Пѣхотинцы эти молча смотрѣли на плывущія мимо ихъ шлюпки, на которыхъ не развѣвалось даже бѣлаго парламентерскаго флага, такъ какъ, за поспѣшнымъ отходомъ шлюпокъ, его забыли захватить съ собою. Наконецъ, наши шлюпки пришли къ мѣсту гибели монитора, но тамъ, за исключеніемъ мачты, торчавшей изъ подъ воды не было уже ни малѣйшаго слѣда только что свершившихся ужасовъ. Нигдѣ вокругъ ни одного трупа, ни одного обломка, все исчезло безслѣдно на днѣ Дуная. Турецкіе суда, бѣжавшіе отъ погибавшаго своего монитора были совсѣмъ не далеко отъ нашихъ шлюпокъ, но они и не подумали дать ни одного вы-

стрѣла по своимъ врагамъ, равно какъ раньше, не подумали спустить шлюпки свои для поданія помощи погибавшимъ матросамъ—товарищамъ. Лейтенантъ Дубасовъ приблизился къ мачтѣ и снялъ съ нея флагъ, который достался единственнымъ трофеемъ побѣды. Всѣ поиски нашихъ офицеровъ оставались безплодными. Они уже собрались пуститься въ обратный путь, какъ съ гечетскаго берега долетѣлъ слабый страдальческій стонъ. Тотчасъ одна наша шмойка причалила къ берегу и изъ нее высадились. Здѣсь найдены были матеріалы для телеграфа, который турки намѣревались было проводить на этомъ мѣстѣ, часть проволоки и фарфоровыя болванки забрали съ собою, а часть потопили. Затѣмъ, продолжая поиски, услыхали тотъ же стонъ и въ невысокихъ камышахъ наткнулись на лежавшаго турка. Руки и ноги его были страшно обожжены, а платье на немъ было совсѣмъ почти сгорѣвшее. Его подняли и перенесли на шмойку. Сначала онъ былъ страшно испуганъ, весь дрожалъ и онѣмѣлъ отъ страха, но его тотчасъ же постарались успокоить ласко-

вымъ обращеніемъ и несчастный мало по малу пришелъ въ себя и ободрился настолько, что по доставкѣ его въ браиловскій военный госпиталь, могъ уже отвѣчать на вопросы. Оказалось, что страхъ его происходилъ оттого, что турецкое начальство распространило слухъ между своими солдатами и матросами, будто русскіе всѣхъ своихъ плѣнныхъ тотчасъ сажаютъ на колъ, каковая казнь была въ модѣ у турокъ. Ему естественно приходило въ голову мысль, что его ожидаетъ столь печальная участь, но когда увидѣлъ на дѣлѣ столь заботливый уходъ за собою, и такое гуманное обращеніе, то, начиная уже поправляться, съ искренностію сознался, на сколько всѣ его собраты заблуждаются въ мнѣніи своемъ о русскихъ и при этомъ говорилъ, что впередъ и самъ не пойдетъ и дѣтямъ своимъ закажетъ нехо-дить воевать противъ русскихъ.

Отъ этого турка узнали, что взорванный мониторъ, за нѣсколько секундъ до выстрѣла съ русскихъ баттарей ссадилъ адмирала, отплывшаго на шлюпкѣ въ Мачинъ.

Въ тотъ же день отправлена была на имя Главнокомандующаго телеграмма, въ кото-

рой говорилось въ кратцѣ о взрывѣ монитора. Въ квартирѣ Его Высочества оставались еще послѣ обѣда нѣсколько штабныхъ чиновъ. Выйдя изъ кабинета Великій Князь Николай Николаевичъ во всеуслышанье прочиталъ телеграмму. послѣ чего всѣ крикнули „ура“, которое было подхвачено на бульварѣ противъ квартиры Главнокомандующаго, гдѣ постоянно толпился народъ въ надеждѣ получить свѣдѣнія, какъ говорится, изъ первыхъ рукъ. Черезъ полчаса уже весь городъ зналъ о случившемся на Дунаѣ.

Главнокомандующій тотчасъ отправилъ къ командиру 11 корпуса князю Шаховскому слѣдующую телеграмму.

„Отъ всей души поздравляю тебя и войско со славнымъ результатомъ стрѣльбы нашей артиллеріи. Прикажи объявить тому наводчику, который вѣрнымъ выстрѣломъ взорвалъ броненосецъ, что Я его жалую знакомъ военнаго ордена. Пришли мнѣ его имя и фамилію и фамилію офицера, который командовалъ орудіями, объявивъ артиллеристамъ мое большое спасибо“.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Русскіе моряки на Дунаѣ.

Задачею русскихъ моряковъ на Дунаѣ были минныя заграждения, чтобы воспрепятствовать турецкой флотиліи наносить вредъ своимъ крейсированьемъ по Дунаю. Но беззавѣтные храбрые моряки наши не ограничивались этою ролью. Въ отрядѣ капитана Рогули шли толки, при чемъ голоса раздѣлились: одни утверждали, что слѣдуетъ дѣлать открытыя нападенія на турецкія суда; другіе были на сторонѣ того мнѣнія, что нужно взрывать минами турецкіе суда.

Взрывъ монитора „Литфи-Джелиль“ артиллеристами 29 апрѣля подстрекнулъ нашихъ

моряковъ и они рѣшились предпринять экспедицію противъ турецкихъ мониторовъ, стоявшихъ въ Мачинскомъ рукавѣ. Во главѣ экспедиціи состояли лейтенанты: Дубасовъ и Шестаковъ.

Съ 13-го на 14 мая въ полночь, когда шелъ проливной дождь Шестаковъ и Дубасовъ, испросивъ согласіе капитана Рогули и дозволеніе генерала Салова отвалили отъ Браиловской пристани съ четырьмя катерами, направляясь въ мачинскій рукавъ Дуная съ цѣлію отыскать мѣсто стоянки турецкихъ мониторовъ и попытаться взорвать посредствомъ мины хотя одинъ изъ нихъ. Въ составъ этой рискованной экспедиціи входили катеры: „Цесаревичъ“ взятый отъ румынскаго правительства, на немъ находились: лейтенантъ Дубасовъ, румынскій охотникъ Муржеско и 14 русскихъ матросовъ. На разстояніи двадцати саженъ отъ Цесаревича шелъ катеръ „Ксенія“ съ лейтенантомъ Шестаковымъ, Петровымъ и 9 матросами; на такомъ же разстояніи отъ послѣдняго шелъ „Джигитъ“ съ мичманомъ Персинымъ и 8 матросами и наконецъ катеръ „Царевна“ съ Банемъ и 9 матросами.

Всѣ катеры въ половинѣ третьяго часа вышли на видъ трехъ турецкихъ судовъ, по срединѣ коихъ стоялъ громадный мониторъ, который Дубасовъ и намѣтилъ для взрыва.

Катера стали подходить. Вездѣ все тихо и темно. На мониторѣ все спитъ. Къ нему подходитъ „Цесаревичъ“. Часовой съ монитора окликаетъ.

— Сизимъ-адашъ — отвѣчаетъ Дубасовъ, вполнѣ увѣренный, что это военный пороль на турецкомъ флотѣ, такъ какъ на канунѣ его въ томъ увѣрилъ русскій переводчикъ въ Браиловѣ.

Часовой вторично окликаетъ. Дубасовъ предположивъ, что часовой не разслышалъ, повторяетъ пароль громче. Часовой сдѣлалъ выстрѣлъ.

Въ одинъ мигъ на палубѣ монитора появились матросы и на сосѣднемъ суднѣ произошла тревога. Какъ оказалось потомъ, Турки ожидали нападенія, ибо всѣ команды, при полномъ вооруженіи, спали на верхней палубѣ.

Поднялась стрѣльба съ турецкихъ судовъ изъ ружей. Наконецъ команда принимается

за орудія, но послѣдовали рядомъ три осѣчки. Тутъ Дубасовъ наноситъ правою носовою миною ударъ въ лѣвый бортъ монитора; разсчитавъ, что взрывъ этой мины, если и не потопитъ его, то прежде всего испортитъ въ немъ винтъ и лишитъ его возможности уйти и Шестакову будетъ возможность пустить въ ходъ вторую мину; и въ случаѣ неудачи у Дубасова была еще запасная мина.

Отъ удара мины мониторъ покачнулся и осѣлъ кормовою своею частію; громадный столбъ воды поднялся вверхъ. За этимъ столбомъ стоящій вблизи Шестаковъ ничего не видитъ и задаетъ себя вопросъ: не погибъ ли Дубасовъ? такъ какъ водяной столбъ, всею своею массою падаетъ на катеръ послѣдняго, который начинаетъ опускаться.

— Я цѣлъ!.. Мониторъ еще не потонулъ!.. Рвите!.. — кричитъ Дубасовъ.

Картина принимаетъ хаотическій видъ. Пальба изъ ружей и орудій турецкихъ сильно трещитъ, дымъ не проглядный, крики турокъ чуть ли громче самыхъ выстрѣловъ, испуганныя птицы кружатся съ крикомъ надъ головами... Вотъ раздается ударъ взрыва,

что то треснуло, мониторъ сильно покачнулся и тонетъ: то лейтенантъ Петровъ съ катера Шестакова ударилъ его миною подъ самую средину. Крики усиливаются. На башню монитора сбѣгаются испуганные турки и стрѣляютъ въ Шестакова почти въ упоръ. Онъ хочетъ отходить, но въ обломкахъ монитора запутался винтъ его катера. Шестаковъ даетъ свистокъ, призывая на помощъ катеръ Персина, но его нѣтъ. Катеръ Баля не можетъ двинуться съ мѣста, потому что катеръ Дубасова наполненъ водою и готовъ затонуть. Въ довершеніе всего Шестаковъ видитъ, какъ къ нему приближается турецкій катеръ съ матросами. Но, какъ оказалось потомъ, то были офицеры тонувшаго монитора, которые гостили ночью на другомъ мониторѣ и теперь возвращались къ своему посту.

Персинъ не является на призывъ Шестакова и положеніе послѣдняго минута съ минутой становится болѣе и болѣе отчаяннымъ. Оказалось, что катеръ Персина получилъ пробоину отъ турецкой гранаты и поспѣшилъ идти къ берегу, чтобы наскоро починиться.

На бѣду онъ запутался винтомъ въ тростникѣ, изъ котораго съ трудомъ выбирается. Заткнувъ пробоину Персинъ возвращается. Завидѣвъ его Дубасовъ кричитъ, чтобы онъ скорѣе шелъ на помощъ къ Шестакову, которому самъ не могъ подать помощъ.

Все это длилось нѣсколько минутъ, которыя казались Шестакову-вѣчностію. Въ самую критическую минуту лейтенантъ Петровъ съ неимовѣрнымъ мужествомъ и хладнокровіемъ высвобождаетъ винтъ катера.

Уже начинало разсвѣтать, когда Дубасовъ отдалъ приказаніе отступать подъ страшнымъ огнемъ съ турецкихъ судовъ, но на нашихъ катерахъ не оказалось ни одного раненаго и они возвратились благополучно въ Браиловъ, совершивъ истинно геройское дѣло, нагнавшее паническій страхъ на турецкую флотилію. Самъ Дубасовъ впослѣдствіи говорилъ, что онъ свое счастливое освобожденіе изъ ужаснаго ада онъ не можетъ объяснить ни чѣмъ инымъ, какъ волею Всемогущаго Бога.

На другой день въ главной квартирѣ Главнокомандующаго въ Плоэшти на завтракъ

Великаго Князя Николая Николаевича присутствовалъ капитанъ Рогуля, прибывшій туда съ докладомъ о дѣйствіи удалыхъ моряковъ. Великій Князь провозгласилъ тосты за здоровье молодцовъ-моряковъ, и за здоровье капитана Рогули. Къ обѣду Великаго князя прибыли вызванные по телеграфу Дубасовъ и Шестаковъ, которымъ собственноручно Главнокомандующій повѣсилъ на груди ордена Св. Георгія 4-й степени и за обѣдомъ предложилъ тостъ въ честь этихъ первыхъ георгіевскихъ кавалеровъ въ настоящую войну и за здоровье всего русскаго флота.

22-го мая капитанъ Рогуля получилъ отъ Главнокомандующаго приказаніе сдѣлать минное заграждeніе въ верховьяхъ Мачинскаго рукава, а также погрузить торпеды и въ Большой Дунай близъ Гирсова. Для исполненія этого приказанія Рогуля сформировалъ эскадру, состоявшую изъ слѣдующихъ судовъ: Румынской лодки „Фульджеро“ подъ командою лейтенанта Дубасова; катера „Цесаревичъ“ подъ командою лейтенанта Шестакова; катера „Ксенія, подъ командою мичмана Персина; катера „Джигитъ“ подъ ко-

мандою мичмана Баля и наконецъ парахода „Загражденіе“ подъ командою лейтенанта Туркула.

26 мая всѣ эти суда съ разсвѣтомъ снялись съ якоря изъ подъ Браилова и отправились къ назначеннымъ мѣстамъ. Въ 9 часовъ утра эскадра паша подойдя къ селенію Гропени, увидѣла въ каналѣ Валтцуію два дыма, принадлежавшія турецкимъ судамъ, чтобы не быть отрѣзанными отъ Браилова эскадра стала на якорѣ и занялась закладкою минныхъ заграждений въ устьѣ Валтцуію. Окончивъ эту работу къ полудню, она продолжала свое плаванье вверхъ по Дунаю. Не доходя селенія Гура Гарлида нашимъ судамъ попались сотники 29 казачьяго полка Лодочниковъ и Сережниковъ съ извѣщеніемъ положенія дѣлъ у Гирсова, изъ этого краткаго доклада сотниковъ оказалось, что въ тотъ же день 26 мая изъ озера Ротунда вышли два турецкихъ парохода и, находясь внѣ выстрѣла спустились въ главное русло Дуная съ цѣлію пройти подъ Гирсову гору. Сначала эти пароходы стали было плавать взадъ и впередъ за лѣсомъ, про-

тивъ селенія Гура Яломицы, причемъ наша стрѣлковая цѣпь открывала по нимъ огонь, лишь кто либо изъ турокъ появлялся на палубахъ. Въ это время изъ за Гирсовой горы показались три турецкихъ броненосца; два изъ нихъ, прикрываясь лѣсомъ отъ нашихъ баттарей, открыли канонаду по селенію Гура Яломицы, а третій сталъ стрѣлять по селенію Піа—Петри. Подъ прикрытіемъ этого огня два парохода, пришедшіе изъ озера Ротунда, быстро направились къ Гирсовой горѣ и вышли изъ за лѣса, какъ были встрѣчены огнемъ нашихъ баттарей. Изрѣдка останавливаясь для отвѣта на выстрѣлы, пароходы эти, какъ равно и прикрывавшіе ихъ мониторы прошли мимо нашихъ баттарей и прекративъ огонь, удалились подъ Гирсову гору. Во время прохожденія мимо нашихъ баттарей у одного парохода была подбита лодка, шедшая за нимъ на буксирѣ. Она опрокинулась вмѣстѣ съ людьми на ней сидѣвшими.

Въ $8^1/_2$ часовъ эскадра наша подошла къ селенію Гура Яломица и расположилась ме-

жду нашими баттареями подъ прикрытіемъ стоявшаго тамъ одного пѣхотнаго полка.

27 мая, съ разсвѣтомъ, Фульджеро, Цесаревичъ и Ксенія отправились на рекогносцировку. Въ тоже самое время турецкіе мониторы, стоявшіе подъ Гирсовою горою, начали поднимать пары. Когда наши катера подошли къ нижней оконечности острова Гиска—Море, одинъ изъ турецкихъ мониторовъ сталъ спускаться на нихъ по теченію, съ цѣлію атаковать ихъ; но наши катера, замѣтивъ это, дали полный ходъ и смѣло пошли къ нему на встрѣчу, а съ „Фулджеро“ былъ даже открытъ огонь по молитоку изъ четырехфунтоваго орудія. Мониторъ, видя такую необычайную рѣшимость быстро повернулъ и удалился къ Гирсову. Наши продолжали его преслѣдовать въ томъ разсчете, что турки откроютъ по нимъ пальбу и такимъ образомъ дадутъ возможность опредѣлить сферу своего огня. И дѣйствительно, вскорѣ раздались выстрѣлы съ круглой баттареи, расположенной на лѣвыхъ возвышенностяхъ Гирсова. Первое ядро дало перелетъ, второе—недолетъ, а остальныя легли влѣво сажень

на двадцать отъ нашихъ катеровъ. Узнавъ, что было нужно наши катера въ 9 часовъ вечера возвратились въ Гуро Яломицы. Въ тотъ же день капитанъ Рогуля сдѣлалъ минное заграждение на большомъ Дунаѣ противъ острова Гиска—Мика при этомъ Фульджеро стоялъ впереди для охраненія рабочихъ отъ молиторовъ, а также и противъ турецкихъ стрѣлковъ, которыхъ можно было ожидать въ плавняхъ за лѣсомъ, лежащихъ какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ производились наши работы. Въ это время вся гора, на которой устроена была турецкая баттарея, была покрыта турецкими солдатами въ количествѣ около трехъ тысячъ. Они преспокойно смотрѣли на наши работы.

Окончивъ заграждение наши катера въ 8 часовъ вечера благополучно возвратились къ Гура Яломины, гдѣ были встрѣчены громкими привѣтствіями собравшихся на берегу солдатъ и офицеровъ изъ отряда полковника Рика.

28 мая „Фульджора“ и „Цесаревичъ“ отправились для рекогносцировки въ Мачинскій рукавъ. Войдя въ него они замѣтили въ

плавняхъ двѣ непріятельскія лодки. „Фульджеро“ далъ по нимъ три картечныхъ выстрѣла, что и заставило ихъ удалиться. Тогда наши катера занялись загражденіемъ верховьевъ Мачинскаго рукава и къ 9 часамъ утра благополучно окончивъ работу, вернулись въ Гуро—Яломицѣ, оставивъ на мѣстѣ загражденія двѣ большія шлюпки, съ тремя матросами на каждой, для охраны минъ. Поручивъ этихъ матросовъ попеченію командира 40 казачьяго полка, капитанъ Рогуля со всей своей эскадрой отправился въ Браиловъ, куда и прибылъ въ 5 часовъ вечера того же 28 мая.

Въ ночь съ 10 на 11 іюня городъ Мачинъ былъ занятъ русскими. Это случилось такъ: Мичманъ Никоновъ, начальникъ отдѣльнаго отряда пловцовъ, состоящаго изъ десяти человѣкъ, снабженныхъ бойтоновскими костюмами, плавали по Дунаю, отчасти для вывѣдыванія о турецкихъ судахъ, отчасти съ цѣлію подведенія ручныхъ минъ, которыя имѣли при себѣ, подъ турецкія суда; Мичманъ Новиковъ, кромѣ этого спеціальнаго своего назначенія, принимался еще за дру-

гое дѣло: онъ набралъ себѣ небольшой отрядъ охотниковъ, съ которыми дѣлалъ развѣдки о силахъ и движеніяхъ непріятеля. Съ этимъ то отрядомъ онъ и занялъ Мачинъ въ ночь на 11 іюня, такъ какъ городъ былъ совершенно покинутъ турками. Въ тотъ же день въ Мачинъ прибылъ лейтенантъ Шестаковъ, посланный изъ Браилова провѣдать отрядъ Никонова и изслѣдовать рѣчной путь къ Мачину. Водрузивъ русскій флагъ на мачинскомъ берегу, Шестаковъ возвратился въ Браиловъ и, по приказанію начальства сей часъ же отправился на вокзалъ желѣзной дороги съ донесеніемъ Государю Императору, такъ какъ царскій поѣздъ на пути къ Галацу, останавливался въ Браиловѣ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Переходъ чрезъ Дунай 14 армейскаго корпуса.

11 корпусъ князя Шаховскаго былъ смѣненъ на нижнемъ Дунаѣ 14 армейскимъ корпусомъ подъ командою генералъ-лейтента Аполлона Эрнестовича Циммермана, который получилъ отъ Главнокомандующаго приказаніе переправиться у Браилова на ту сторону. Такъ какъ турецкій берегъ былъ затопленъ водою, то генералъ Циммерманъ, представляя это обстоятельство, какъ препятствіе существенной важности, просилъ отложить переправу до спада водъ; но Главнокомандующій сдѣлалъ подтвержденіе сво-

сго приказанія. Тогда генералъ Циммерманъ отправился инкогнито изъ Браилова въ Галацъ, высмотрѣлъ лично, при помощи подзорной трубы, какъ самый берегъ Дуная, такъ и позицію непріятеля. Вслѣдъ за тѣмъ сдѣлалъ секретное распоряженіе о переправѣ Рязанскаго и Ряжскаго полка подъ Галацомъ, а лейтенанту Дубасову предписано было сдѣлать демонстрацію на Мачинъ съ эскадрой, во главѣ коей стоялъ „Фульджера“ имѣвшій на себѣ орудіе. Для переправы у Галаца примѣнены были понтоны, плоты и лодки.

Въ ночь съ 9 на 10 іюля послѣдовала посадка Рязанцевъ и Ряжцевъ, соблюдая возможную тишину. Нѣкоторыя лодки были снесены версты на двѣ внизъ, другія подплывали уже къ берегу, какъ турки открыли по нимъ огонь. Тутъ они встрѣтили заграждепіе изъ связокъ хвороста, которое препятствовало лодкамъ идти далѣе. Тогда солдаты спрыгивали въ воду и, идя по грудь въ водѣ, перестрѣливались съ непріятелемъ. По мѣрѣ высадки на берегу образовались группы солдатъ. Начальникамъ мало по мало удалось соединить ихъ въ общую цѣпь и

Переправа черезъ Дунай.

двинуть впередъ. Турки, засѣвшіе въ плавняхъ, бѣжали по дорожкамъ и тропинкамъ. Рязанцы кинулись за ними въ догонку, несмотря на сильный картечный огонь турецкихъ орудій, расположенныхъ на высотахъ. Въ тоже время Дубасовъ сдѣлалъ съ Фульджеро нѣсколько выстрѣловъ, остановившись въ Мачинскомъ рукавѣ не подалеку отъ того мѣста, гдѣ затопленъ былъ турецкій мониторъ „Литфи-Джелиль“, съ турецкой батареи отвѣчали двадцатью выстрѣлами по „Фульджеро“, не причинивши ему никакого вреда.

Русскія войска, приведенныя въ порядокъ на берегу, шли впередъ съ большимъ увлеченіемъ, такъ что въ нѣкоторыхъ случаяхъ начальникамъ приходилось сдерживать ихъ порывъ. Турки отбивались стойко. Разъ или два ихъ колонны пріостанавливались и густыми массами шли въ атаку въ штыки, но въ этихъ случаяхъ они были сбиваемы нашимъ дружнымъ баталіоннымъ огнемъ. Были даже случаи и рукопашныхъ схватокъ. Черкесы разъ было бросились въ атаку и уже окружили два звена въ цѣпи, гдѣ были и

офицеры, но мѣткими выстрѣлами были отбиты и ускакали Разсказывали, что черкесы въ нѣсколькихъ шагахъ предъ нашей цѣпью стали увѣчить трупы убитыхъ русскихъ солдатъ. Это поруганіе до того остервенило русскихъ солдатъ, что они съ полнымъ презрѣніемъ къ смерти бросались въ штыки на непріятельскую пѣхоту и кавалерію. Послѣдняя позиція, гдѣ происходили эти стычки была нѣсколько позади Гарвана. Появленіе на лѣвомъ флангѣ русской артиллеріи, заставило турокъ окончательно отступить, не смотря на то, что онъ имѣлъ войска около четырехъ тысячъ.

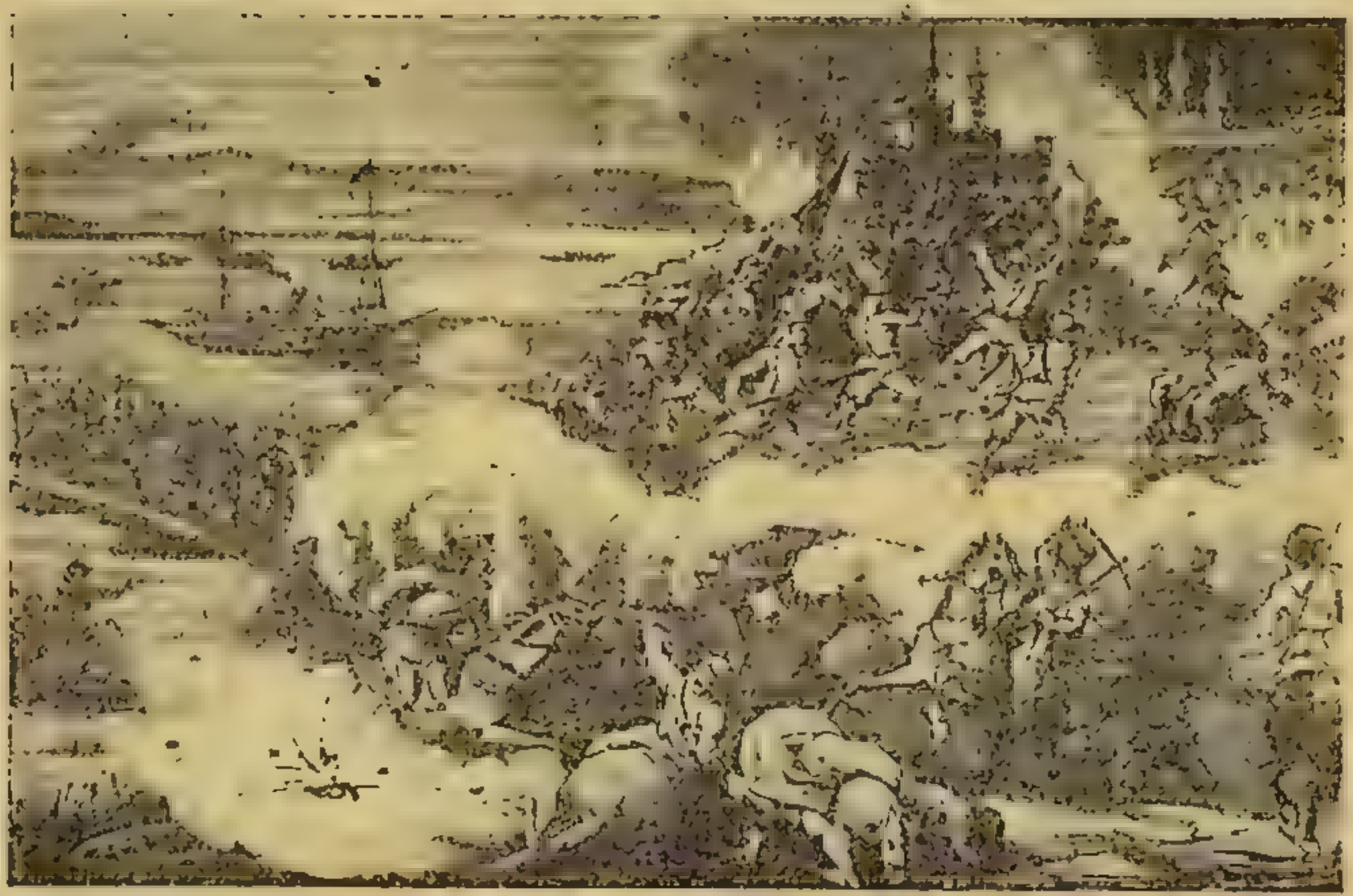
Былъ уже полдень, когда перестрѣлка окончилась. Начальникъ отряда русскаго генералъ-маіоръ Жуковъ утвердился на Буджакскихъ высотахъ.

Потери со стороны русскихъ были: убитыми 3 офицера и 41 нижнихъ чиновъ; ранено: 2 офицера и 96 нижнихъ чиновъ.

Вслѣдъ за тѣмъ послѣдовала переправа чрезъ Дунай въ Браиловѣ. Весь берегъ былъ усыпанъ зрителями пришедшими посмотрѣть на зрѣлище, котораго всѣ столь давно ожи-

дали. На горѣ, гдѣ городской садъ, у госпиталя, около баттарей всюду виднѣлись толпы народа. Внизу предъ браиловскою пристанью, гдѣ только дозволялось народу стоять, толпились также группы жителей Браилова всѣхъ половъ и возрастовъ. Это былъ настоящій праздникъ. Всѣ отъ малаго до старика были необычайно воодушевлены. Русскіе полки подходили съ музыкой къ пристани и садились на лодки, понтоны и баржи для переправы на турецкій берегъ, а обозы двигались по мосту, устроенному нѣсколько пониже нашими саперами, собравшими его въ теченіе какихъ нибудь четырехъ дней.

Генералъ Циммерманъ вошелъ на „Фульджеро и отплылъ въ Мачинъ въ сопровожденіи Шестакова, полковника Клименко, строителя браиловскаго моста и другихъ офицеровъ. При выходѣ на берегъ его встрѣтилъ мичманъ Никоновъ, тотъ самый, который раньше занялъ Мачинъ съ горстью своихъ охотниковъ. Пожавъ руку мичману, генералъ обратился къ болгарской депутаціи, ожидавшей его на берегу. Представитель депутаціи держалъ на подносѣ хлѣбъ, соль и графинъ



Переправа черезъ Дунай.

съ бѣлымъ виномъ. Онъ сказалъ по русски: „мѣстные жители Болгары просятъ удостоить принять отъ нихъ привѣтъ и хлѣбъ соль“. Циммерманъ коротко поблагодарилъ и направился на гору, гдѣ стояло болгарское духовенство съ крестами, хоругвями и образами. Съ приближеніемъ генерала запѣли молебенъ на болгарскомъ языкѣ. Генералъ приложился ко кресту и его примѣру послѣдовали сопровождавшіе его офицеры.

Церковная утварь болгарскаго духовенства, какъ равно и облаченіе, были очень бѣдны. Окружавшая толпа болгаръ производила тоже впечатлѣніе: желтыя, загорѣлыя лица, съ большими черными впалыму глазами, съ любопытствомъ озиравшія русскихъ, грубыя рванныя рубахи, въ прорѣхи коихъ видно голое тѣло, всѣ почти были босые.

Затѣмъ Циммерманъ отправился въ турецкую козарму, гдѣ его ждали команда мичмана Новикова. Генералъ поблагодарилъ охотниковъ, назвалъ ихъ молодцами и пожелалъ имъ и на будущее время служить также хорошо, какъ и теперь. Въ отвѣтъ генералу раздалось „ура“, подхваченное толпою бол-

гаръ, слѣдовавшихъ за генераломъ. Болгары привесли доморощеннаго вина и просили генерала принять отъ нихъ угощеніе. Всѣ офицеры съ удовольствіемъ выпили, поздравляя генерала и другъ друга со счастливымъ вступленіемъ за Дунай.

Отсюда отправились осматривать покинутую турками батгарею. Въ это время къ группѣ офицеровъ подошли пять бородачей въ русскихъ рубахахъ и просили предста вить ихъ генералу. То были русскіе старообрядцы изъ деревни Каменки. Поднеся хлѣбъ соль, они просили заступничества у Циммермана, который принялъ милостиво депутацію Каменцевъ и обѣщалъ имъ свое покровительство.

Покуда высаживались на берегъ войска, всѣ пошли осматривать городъ Мачинъ, который былъ совершенно пустъ; дома съ затворенными дверями и закрытыми ставнями, нѣкоторыя двери были выломаны и окна выбиты. Все это носило слѣды грабежа, который былъ дозволенъ туркамъ въ то время когда они покидали городъ. Мимоходомъ

офицеры зашли въ каймакалъ, то есть губернаторскій домъ. Всѣ комнаты его были пусты. Въ нижнемъ этажѣ валялись груды какихъ-то бумагъ. Въ верхнемъ этажѣ, гдѣ помѣщались вѣроятно губернаторскій гаремъ, лежали груды листоваго турецкаго табаку, который, по уходѣ офицеровъ, моментально былъ разобранъ подошедшими сюда казаками и моряками.

Бородинскій полкъ уже высадился и генералъ Циммерманъ отправился на смотръ его. Остановившись на возвышеніи онъ пропустилъ мимо себя полкъ, здороваясь съ нимъ затѣмъ простился съ командиромъ его полковникомъ Маклаковымъ и отбылъ въ Браиловъ, а постепенно переправлявшіеся войска двинулись въ походъ по добруджѣ.

Эта переправа 14 армейскаго корпуса имѣла важное значеніе въ томъ смыслѣ, что оба берега Дуная отъ Каміи до Гирсова уже были въ рукахъ русскихъ; съ другой стороны она служила демонстраціей для переправы главныхъ силъ дѣйствующей арміи, планъ которой держался въ глубокомъ секретѣ.

Переправившись черезъ Дунай 14 армейскій корпусъ занялъ линію Кистенджи—Черноводы, гдѣ и оставался до новаго года, имѣя своею задачею препятствовать высадкѣ турецкаго войска съ моря, какъ равно выходу гарнизоновъ изъ крѣпостей Шумлы и Варлы.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Движеніе главныхъ силъ дѣйствующей арміи, и приготовленіе къ переправѣ.

Вслѣдствіе непрерывныхъ дождей и разлитія рѣкъ, грунтовыя дороги распустились, а многіе мосты, какъ на этихъ, такъ и на желѣзныхъ дорогахъ были снесены напоромъ водъ. Румынскія желѣзныя дороги оказались весьма плохо устроенными и были весьма бѣдны подвижнымъ составомъ и служащими. Все это, вмѣстѣ взятое, на столько задержало движеніе нашей арміи, а въ особенности перевозку по желѣзной дорогѣ осадкой артиллеріи, понтонныхъ парковъ, паровыхъ шлюпокъ и другихъ средствъ для ус-

тройства переправы чрезъ Дунай, а также передвиженіе продовольственныхъ запасовъ, что войска прибыли нѣсколькими днями позже на назначенные для нихъ пункты, а именно:

а) Передовой отрядъ:

8 я кавалерійская дивизія на линію отъ рѣки Ольшы до рѣки Веде къ 7 мая.

Отрядъ генералъ лейтенанта Скобелева, отца знаменитаго героя Михаила Димитріевича, на линію отъ рѣки Веде до озера Гречилоръ не подалеку отъ Журжева къ 8 мая.

32-я пѣхотная дивизія съ 31 мъ донскимъ казачьимъ полкомъ къ 8 му (1 бригада) и къ 13-му маю (2 бригада) въ Ѳителицу.

11-я кавалерійская дивизія къ 9 мая въ Обилешти—Нау и Слободзію.

б) Главныя силы:

9-й корпусъ къ 18 мая къ Слатинѣ.

Отдѣльная донская казачья бригада 6 мая къ Александріи.

12 кавалерійская дивизія 3 мая къ Копичени къ югу отъ Бухареста.

8-й корпусъ съ 23 донскимъ казачьимъ полкомъ къ 10 мая въ окрестности Бухареста по дорогѣ къ Журжеву.

5-я пѣхотная дивизія съ 31 донскимъ казачьимъ полкомъ къ 20 мая въ окрестности Бухареста.

Приготовленія къ переправѣ главныхъ силъ дѣйствующей арміи были слѣдующія: кромѣ четырехъ понтонныхъ парковъ, входящихъ въ составъ арміи, были построены въ Галацѣ и Слатинѣ деревянные понтоны, плоты для постилки моста и прочія мостовыя принадлежности. Все это было спущено на рѣку Ольту пришлось сосредоточивать всѣ средства для переправы къ Слатинѣ для спуска ихъ на Ольту, а оттуда внизъ по Дунаю мимо Никопольскихъ укрѣпленій, единственно потому, что не было другого выбора. Кромѣ Ольты нѣтъ другой сплавной рѣки впадающей въ Дунай на участкѣ между Никополемъ и Систовымъ; если бы заготовить средства для переправы на слѣдующей сплавной рѣкѣ Арджисѣ, то пришлось бы подымать ихъ вверхъ по Дунаю мимо еще болѣе сильной крѣпости Рущука и тянуть на

одной бичевѣ до самаго Систова. Это предпріятіе было признано совершенно не исполнимымъ.

Понтонныя порки были перевезены по желѣзной дорогѣ до станціи Боляса, между Бухарестомъ и Журжево, а оттуда двинуты обыкновеннымъ походныхъ порядкомъ къ Бею. Паровыя шлюпки съ минами доставлены были также по желѣзной дорогѣ, частію въ Слотину, частію до станціи Фратешти, не доѣзжая Журжева, и оттуда перевезены сухимъ путемъ къ Фламундѣ, гдѣ спущены въ Дунай.

Пунктомъ переправы на среднемъ Дунаѣ выбрано пространство ниже Никополя первоначальное намѣреніе переправиться было изъ Систова, такъ какъ мѣсто это, въ военномъ отношеніи, самое выгодное; но окрестности Зимницы были такъ наводнены, что о переправѣ тамъ нечего и было думать. Волею, не волею пришлось готовиться къ переправѣ у Никополя, гдѣ Дунай течетъ въ одномъ руслѣ и не имѣетъ притоковъ и затоковъ.

Эта подготовка къ переправѣ на среднемъ Дунаѣ была гораздо затруднительнѣе, чѣмъ

у Браилова, такъ какъ тамъ собрались всѣ турецкіе мониторы препятствовавшіе закладкѣ минныхъ загражденій! При этомъ бдительность турокъ была въ высшей степени возбужденная. По всѣмъ примѣтамъ они за нѣсколько дней раньше знали, что переправа предположена ниже Никополя и кромѣ того, они ожидали единовременной переправы около Журжева и Ольтеницы. По этому непріятель поспѣшно стягивалъ къ этимъ пунктамъ свои войска и дѣятельно работалъ надъ возведеніемъ укрѣпленій. Такъ напримѣръ, у Никополя, въ началѣ мая, когда прибыли наши войска, первоначально было только два укрѣпленія, а къ началу іюня ихъ было уже тринадцать. Въ теченіе цѣлаго мѣсяца турки зорко слѣдили за движеніемъ нашихъ войскъ; открывали огонь по всякому отряду, появившемуся на берегу, по всякой отплывавшей лодкѣ на нашемъ берегу. Но, когда приблизилась рѣшительная минута, то вниманіе непріятеля очевидно было уже утомлено и подгатовка наша къ переправѣ значительно тѣмъ облегчалась.

Минныя заграждения на среднемъ Дунаѣ были устроены въ промежутокъ времени между 8 и 12 іюня.

8 іюня наша минная флотилія изъ десяти паровыхъ шлюпокъ, привезенная къ Малудежосъ, спустилась на Дунай и начала устраивать заграждения у парапила. Въ 5 часовъ утра турки замѣтили это, открыли огонь ружейный съ берега и затѣмъ выслали противъ нашихъ шлюпокъ блиндлированный пароходъ, который началъ стрѣлять по нашимъ работамъ картечью. Руководившій минными работами капитанъ 1 ранга Новиковъ выслалъ противъ парахода лейтенанта Скрыдлова на шлюпкѣ „Шутка“ Скрыдловъ подошелъ къ параходу въ упоръ и атаковалъ его миною, но проводникъ былъ перебитъ пулями и „Шутка“ должна была отступить, потерпѣвъ поврежденія и трехъ матросовъ ранеными; раненъ былъ также лейтенантъ Скрыдловъ и художникъ Верещагинъ, состоявшій на шлюпкѣ охотникомъ. Но и непріятельскій пароходъ также отступилъ. Благодаря самоотвѣрженной атакѣ Скрыдлова заграждение удалось окончить. Едва флотилія

паша расположилась у берега на отдыхъ, какъ прибѣжали со стороны Парапана свиты Его Величества генералъ-маіоръ Скобелевъ, адъютантъ Главнокомандующаго полковникъ Струковъ и капитанъ генеральнаго штаба Сахаровъ съ извѣстіемъ, что противъ плюпокъ выѣзжаетъ и выстраивается на турецкомъ берегу цѣлая полевая баттарея. Наши плюпки не медленно раздѣлились: пять, подъ командою капитанъ-лейтенанта Тудера, ушли внизъ, а остальныя пять, подъ личнымъ начальствомъ Новикова,—вверхъ по Дунаю. Такимъ образомъ всѣ наши плюпки успѣли уйти изъ подъ огня, но три изъ нихъ были значительно повреждены выстрѣлами турокъ во время работъ.

По устройствѣ заграждений у Парапала, которыя отняли у турецкихъ мониторовъ, расположенныхъ въ Рущукѣ и ниже, возможность подыматься вверхъ по Дунаю выше Рущука, не обходимо было преградить турецкимъ судамъ свободное плаваніе на пространствѣ отъ Парапала до Турну. Для этого, въ виду первоначальнаго предположенія о переправѣ близъ Никополя, ни об-

ходимо было преградить Дунай выше этой крѣпости, очистивъ сперва отъ мониторовъ все теченіе Дуная отъ Парапало до Никополя. Послѣднюю задачу возможно было исполнить не иначе, какъ уничтоживъ мониторы, но исполнить это съ одними паровыми шлюпками не представлялось возможнымъ иначе, какъ только по счастливой случайности. Два монитора оставались у Николя, тѣмъ не менѣе нашимъ морякамъ удалось сдѣлать заграждение минами не нужныхъ пунктахъ. Паровыя шлюпки къ 12 іюня были сосредоточены у Флашунды. Но капитанъ Новиковъ, имѣя въ виду ихъ многочисленность и крайнюю въ нихъ необходимость для переправы, рѣшился поберечъ ихъ и взялся за трудную работу, по устройству заграждений, только съ одними гребными катерами. Въ ночь съ 11 на 12 іюня онъ перевезъ ихъ сухимъ путемъ къ Корабіи, спустилъ тамъ на воду и счастливо уложилъ на назначенныхъ мѣстахъ подводныя мины. Въ этомъ трудномъ предпріятіи участвовалъ полковникъ Струковъ прикрывавшій работы стрѣлками - охотниками. Турки обратили вниманіе

на эти работы слишкомъ поздно, такъ что, когда они вывели на берегъ своихъ стрѣлковъ, мины было уже заложены и катера наши благополучно вернулись.

Почти одновременно съ этимъ наши моряки покрыли себя новою славою у Фламунды. Дѣло было такъ: 11 іюня одинъ изъ турецкихъ мониторовъ, стоявшихъ у Никополя, развелъ пары и быстро сталъ спускаться внизъ; начальникъ Фламундскаго отряда генералъ-маіоръ Леоновъ, замѣтивъ это, далъ знать нашей флотиліи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выдвинулъ на позицію четыре орудія 15 конной баттареи подъ командою капитана Коломейцева. Минныхъ шлюпокъ у Фламунды было въ то время только пять и изъ нихъ три съ поврежденіями. Остальныя двѣ тотъ часъ же двинулись въ атаку на мониторъ, не смотря на сильный ружейный и картечный огонь съ онаго. Первый атаковалъ гордемаринъ Арендсъ на шлюпкѣ „Мина“ но минный проводникъ былъ перебитъ бомбой, пущенной съ монитера, шлюпка повреждена и должна была отступить. За Арендсомъ пустился въ атаку мичманъ Ни-

ловъ на шлюпкѣ „Шутка“. Наткнувшись съ носу монитора на мину съ выстрѣломъ, мичманъ Ниловъ долженъ былъ рѣзать корму его въ разстояніи одной сажени, при чемъ далъ три выстрѣла изъ револьвера въ капитана монитора. Послѣдній положилъ право на бортъ и отвелъ мину отъ своей кормы; тогда мичманъ Ниловъ пошелъ по лѣвому борту, но, залитый на половину водою, вслѣдствіе полученной пробойны въ подводной части шлюпки, не успѣлъ ударить мониторъ миною, но заставилъ его поспѣшно удалиться къ Никополю. За этотъ блистательный подвигъ мичманъ Ниловъ награжденъ орденомъ Георгія 4 степени, а гордемаринъ Арендсъ—знакомъ отличія военнаго ордена.

Отступленію монитора въ данномъ случаѣ много способствали мѣткіе выстрѣлы конной 15 баттареи. Только первые два выстрѣла были не дѣйствительные, а затѣмъ остальные разрывались на его палубѣ.

Вечеромъ на 11 іюня мониторъ турецкій снова вышелъ изъ Никополя и, на этотъ разъ, пошелъ вверхъ по Дунаю, но, встрѣченный огнемъ нашей осадной баттареи, вер-

нулся въ Никополь. Съ этихъ поръ плаваніе турецкой флотиліи по среднему Дунаю, между Рущукомъ и Никополемъ совершенно прекратилось. Оставшіеся на этомъ протяженіи мониторы стояли не подвижно.

Между 8 и 12 іюня Великій Князь Николай Николаевичъ съ начальникомъ штаба Непокойчицкимъ и помощникомъ его Левицкимъ тайно выѣхалъ изъ Плоэшта и лично произвелъ рекогносцировку береговъ Дуная отъ Зимницы до Турну. Убѣдившись въ тѣхъ трудностяхъ, съ коими сопряжена переправа у Никополя и, съ другой стороны удостовѣрившись, что состояніе уровня воды у Зимницы дозволяетъ устройство переправы и тотъ часъ сдѣланы были слѣдующія распоряженія: О мѣстѣ переправы объявлено было только командиру 8 корпуса, части коего должны были начать переправу. При этомъ, чтобы замаскировать избранный пунктъ даже отъ своихъ, приказано было отправить 9 пѣхотную дивизію къ Пятрѣ. Только 14 пѣхотную дивизію съ гвардейскою сводною ротою, двумя ротами пластуновъ, 4 стрѣлковою бригадою, всею горною пѣшею артил-

леріей, всѣми понтонными парками двинуть отъ Бею прамо къ Зимницѣ съ секретнымъ предписаніемъ начать переправу на понтонныхъ лодкахъ въ ночь съ 14 на 15 іюня.

12 іюня начато бомбордированіе Рущука, причемъ, однако, турки открыли огонь первые. Не смотря на массу выпущенныхъ съ ихъ стороны снарядовъ, наши войска въ Журжевѣ и Ольтеницѣ, по которой въ тотъ же день стрѣляли изъ Туртукая, не понесли въ первый день никакой потери, только самый городъ, изъ котораго жители успѣли уйти, сильно пострадалъ. На второй день былъ раненъ въ Ольтеницѣ, пулею въ шею, командующій 11 пѣхотной дивизіей генералъ-маіоръ Эрнротъ, а также нѣсколько солдатъ. Что касается до дѣйствія нашихъ баттарей, то они заставили замолчать всѣ баттареи Рущука. Въ этотъ же день начато бомбардированіе Никополя, которое продолжалось до 16 числа включительно: въ присутствіи Государя Императора. 16 іюня въ Никополѣ произошелъ сильный пожаръ произведеный огнемъ нашихъ баттарей. Потери наши при

этомъ состояли изъ трехъ убитыхъ и семи раненыхъ нижнихъ чиновъ, что случилось въ первые дни, когда Никопольскія баттареи энергично отвѣчали на огонь нашихъ баттарей.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Переправа чрезъ Дунай у Зимницы въ ночь съ съ 14-го по 15-е іюня.

11-го іюня въ Турлу-Мигурелли состоялся военный совѣтъ подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Николая Николаевича Главнокомандующаго русскою арміею. Мысль о переправѣ у Зимницы, вмѣстѣ съ рѣшеніемъ немедленно приступить къ осуществленію оной, была принята всѣми единогласно. На совѣтѣ, въ числѣ другихъ, присутствовалъ генералъ Драгомировъ, начальникъ 14-й пѣхотной дивизіи. Ему было приказано начать переправу, высадиться, занять непріятельскій

берегъ, укрѣпиться и прикрывать переправу остальныхъ войскъ. При этомъ, когда рѣчь зашла о томъ, какую часть войскъ пустить первою, Драгомировъ настоятельно просилъ, разъ ему ввѣряется столь важное дѣло, первою переправить его 14 ю дивизію, такъ какъ за нее онъ въ состояніи отвѣчать какъ за самаго себя. Само собою разумѣется, что такое желаніе безпрекословно было уважено. На совѣтѣ рѣшено было выборъ мѣста для переправы хранить въ величайшей тайнѣ. Тайна эта сохранена была до такой степени, что не только начальники частей 14 й пѣхотной дивизіи, получившіе приказаніе двигаться на Зимницу, но и чины главной квартиры при Государѣ и Главнокомандующемъ ничего не знали до минуты, когда она должна была состояться.

11-го іюня, къ вечеру, генералъ Драгомировъ прибылъ въ Бею, лежавшую въ 25 верстахъ отъ Зимницы, а 12-го утромъ онъ пригласилъ къ себѣ начальниковъ частей 14-й дивизіи — для выясненія имъ порядка движенія полковъ. Прежде всего онъ объявилъ имъ приказаніе Главнокомандующаго, чтобы

войска прибывали въ Зимницу или ночью или рано утромъ, дабы Турки не могли замѣтить прибытія войскъ. Положеніе обоихъ береговъ около Зимницы было таково, что утромъ и днемъ турки могли все видѣть на нашемъ берегу, а вечеромъ они отлично были видны съ румынскаго берега. До Зимницы приказано было имѣть одинъ привалъ. О дальнѣйшемъ ничего не было сказано и причина, почему войска направились на Зимницу, само собою разумѣется, объяснено не было.

Выступленіе войскъ къ Зимницѣ происходило въ слѣдующемъ порядкѣ: 12-го іюня, послѣ обѣда, выступила 4 я стрѣлковая бригада, горныя баттареи, пластуны, понтонные батальоны и 23-й казачій полкъ и подошли къ Зимницѣ 13-го числа около 3 часовъ утра. 13-го числа утромъ двинулась изъ Беи первая бригада 14-й дивизіи съ тремя баттареями и послѣ большого привала того же числа прибыла въ Зимницу поздно вечеромъ. 13 го числа вечеромъ выступила вторая бригада 14 дивизіи съ тремя же баттареями и прибыла въ Зимницу 14 числа рано утромъ.

Начальникъ дивизіи генералъ Драгомировъ отправился съ первымъ эшелономъ. Дорогою, обгоняя полки свои, онъ призналъ нужнымъ поговорить съ солдатами. Слова его были, такъ сказать, выраженіемъ не только того, что онъ признавалъ нужнымъ сказать солдатамъ, какъ рѣчь, но бесѣдою, въ которой выразились накипѣвшія въ душѣ его чувства, его мысли, его душевное настроеніе, они были, такъ сказать, удовлетвореніемъ его потребности высказаться. Передъ нимъ стояла трудная, холодная, голая задача. Передъ нимъ въ тоже время стояли его полки, его дѣти, его воспитанники. Сливая эти оба представленія въ душѣ въ столь торжественныя минуты, онъ не могъ помѣшать главнымъ мыслямъ складываться въ немъ [redacted] извѣстнымъ образомъ: съ одной стороны дѣло должно быть сдѣлано; съ другой стороны дивизія должна себя показать: онъ взялся за нее отвѣчать, но что если дѣло не сдѣлается вслѣдствіе того, что онъ взялъ на себя отвѣтственность за свою дивизію; можетъ быть на оборотъ, съ другою дивизіею былъ бы успѣхъ, а съ 14 ю нѣтъ! Не могъ ли

такъ разсуждать Драгомировъ въ торжественныя минуты? Думается, что могъ и вотъ почему болѣе чѣмъ понятны и естественны были его слова въ эти знаменательные часы къ своимъ солдатамъ. Это была скорѣе задушевная бесѣда, чѣмъ рѣчь, хотя въ тоже время имѣла значеніе весьма кстати и умно сказанныхъ словъ, отъ которыхъ, зная русскаго солдата, нельзя было не ожидать хорошихъ послѣдствій.

— Ну, ребята,—говорилъ генералъ—намъ велѣно идти въ первую голову, а посылаютъ насъ потому, что вѣрятъ не мнѣ, а вамъ: понимаете?

— Понимаемъ Ваше Превосходительство!— раздаются голоса.

— Средины нѣтъ! — продолжаетъ генералъ — или за Дунаемъ или въ Дунаѣ! понимаете?

— Понимаемъ Ваше Превосходительство!

— А если вамъ страшно, такъ скажите:— я другихъ возьму.

— Никакъ нѣтъ, Ваше превосходительство! Никому окромя насъ: мы васъ поддержимъ, мы постоимъ за себя!—слышалось по рядамъ

все гуще и громче, а потомъ, какъ ураганъ, пронеслось громогласное „ура“. Задрожалъ воздухъ, залетали шапки, повеселѣли лица, прослезился, отъ избытка чувствъ одинъ — другой офицеръ, иной бодрый сдѣлалъ видъ, проглотивъ слезы. И въ этомъ состояла подготовка солдатъ къ переправѣ.

Приободрился и самъ Драгомировъ и поѣхалъ дальше, чувствуя, что если бы въ эту минуту онъ былъ одинъ въ этомъ полѣ, то непремѣнно далъ бы волю чувствамъ, переполнившимъ его душу послѣ таинственнаго и торжественнаго свиданія со своею дивизіею.

Не медленно по прибытіи въ Зимницу генералъ потребовалъ къ себѣ начальниковъ частей и просилъ ихъ о томъ, что бы не показывать туркамъ того, что сюда прибываютъ свѣжія войска; въ тоже время строжайше приказомъ, что бы на берегу Дуная не собирались кучками, постороніе люди и ни подъ какимъ видомъ не зажигались костры.

Въ ночь съ 13-го на 14-е совершено было первое дѣйствіе переправы. Съ соблюденіемъ тишины генералъ Рихтеръ устроилъ мостъ на маленькомъ рукавѣ Дуная, съ котораго

предстояло войскамъ переправляться чрезъ полуторовер стную отмель до самаго мѣста переправы. Турки къ счастію не обратили должнаго вниманія своего на этотъ мостъ. Въ туже ночь Брянскому полку приказано было занять лѣсъ на берегу Дуная влѣво отъ мѣста переправы.

14 го іюня рано утромъ на берегу Дуная въ садикъ, передъ домикомъ, который занималъ Драгомировъ приглашены были: командиръ 1-й бригады генералъ-маіоръ Іошинъ. командиръ Волынскаго полка Родіоновъ, командиръ 2-й горной баттареи и всѣ баталіонные и ротные командиры Волынскаго полка. На этомъ собраніи, подъ прикрытіемъ густой зелени садика, генералъ Драгомировъ объявилъ, что ночью начнется переправа, что первыми переправятся они и что затѣмъ послѣднія инструкціи даны будутъ имъ вечеромъ. При этомъ Драгомировъ объявилъ, что онъ условился съ генераломъ Рихтеромъ на счетъ того, чтобы войска по возможности были переправляемы къ маленькой бухтѣ устьевъ Текиръ Доре; затѣмъ, что онъ требуетъ безусловной тишины при переправѣ, чтобы не

стрѣлять, пока турки встрѣтятъ залпами и затѣмъ, чтобы по переправѣ имѣть въ виду, что конечной цѣлью занять немедленно высоту надъ Систовымъ. Затѣмъ предложено было этимъ офицерамъ разойтись по берегу и стараться по возможности лучше высмотрѣть противоположный берегъ. А къ пяти часамъ назначено было новое собраніе начальниковъ частей. Это собраніе происходило въ задней части города, въ одномъ изъ домовъ.

Послѣднія приказанія были не сложны. Каждому уже заранѣе на живомъ чертеже, какъ выразился Драгомировъ, были показаны и мѣсто и порядокъ слѣдованія. Оставалось только напомнить прежнее и распредѣлить войска по рейсамъ. Распредѣленіе это было сдѣлано письменно и преподано начальникамъ устно. Первый рейсъ назначили для одинадцати ротъ. Волынскаго полка, для 60 казаковъ, для горной баттареи и одной роты пластуновъ. Во второй рейсъ назначены были линейныя роты 3 го батальона Волынскаго полка, стрѣлковыя роты Минскаго полка, линейныя роты 1-го баталіона Минскаго полка, одна горная баттарея и гвардейская

полурота новая Его Величества. При этомъ сказано было, что единовременное отчаливаніе, будетъ безусловно обязательнымъ только для перваго рейса; для остальныхъ же рейсовъ — пусть части войскъ отчаливаютъ по мѣрѣ готовности понтоновъ, но только по ротно. На каждую роту приходилось 6 понтоновъ. Затѣмъ генералъ заявилъ о своихъ распоряженіяхъ на случай его смерти или раны, то есть, передалъ имена лицъ, которымъ слѣдуетъ быть его преемниками въ командованіи дивизіей, во время переправы.

— Затѣмъ господа — сказалъ генералъ — я буду счастливъ, если завтра въ это время съ каждымъ изъ васъ приведетъ Богъ увидѣться на томъ берегу.

Къ концу этого собранія пришли доложить Драгомирову о прибытіи Великаго Князя Николая Николаевича младшаго, а также Михаила Димитріевича Скобелева. Молодой Великій князь былъ командированъ Главнокомандующимъ въ отрядѣ Драгомирова на время переправы, а Скобелевъ прибылъ проситься охотникомъ переправляться чрезъ Дунай въ свитѣ генерала Драгомирова.

— Милости просимъ—сказалъ Драгомировъ Скобелеву и черезъ сутки оцѣнилъ пользу для дѣла отъ такого охотника, какъ Михаилъ Димитріевичъ.

И такъ, всѣ приказанія были отданы, всѣ распоряженія сдѣланы: всѣмъ казалось все было понятно. Тишина царила по всюду мертвая, всякій, сверху до низу, изъ окружавшихъ Драгомирова пятнадцати тысячъ человѣкъ понималъ значеніе минуты, значеніе дѣйствія, имѣющаго совершиться и значеніе долга, созидаемаго этимъ дѣйствіемъ.

Когда разошлись всѣ начальники частей и генералъ Драгомировъ остался одинъ, имъ овладѣло странное и тяжелое чувство, длившееся до самой минуты переправы, а часы тянулись вѣчностію. То ходя въ комнатѣ, то бродя по улицамъ, онъ не находилъ себѣ нигдѣ покоя. Въ десять часовъ вечера началось движеніе войскъ. Корпусный командиръ Радецкій прибылъ уже въ Зимницу.

Начали двигать понтоны и лодки, сперва на повозкахъ, потомъ спускали ихъ на Дунай; затѣмъ предстояло ихъ тянуть по рукавчику Дуная и причалить къ мѣсту пе-

переправы. Въ то же время войска тихо двигались по лѣвую и правую стороны переправы. На лѣвой сторонѣ расположился Брянскій полкъ съ двумя девятифунтовыми орудіями 9-й пѣшей бригады, для обезпеченія лѣваго фланга; на правой — три баттареи 14 й бригады, тоже съ девяти фунтовыми орудіями, для обеспеченія праваго фланга. По срединѣ должна была проходит ьпосадкавойскъ.

Едва началось первое движеніе, вдругъ послѣдовала первая тревога: стая дикихъ гусей, испуганная движеніемъ понтоновъ, поднялась съ крикомъ изъ болотовины. Драгомирова этотъ крикъ приводитъ въ отчаянье. Онъ устремляетъ свой пристальный взоръ на противоположный берегъ. Но тамъ все тихо и спокойно. Турки не придавали большого значенія крику гусей.

— Ну, дорого обоплись намъ эти гуси, если бы на томъ берегу были черкесы. Они знаютъ, что гуси не подымаются даромъ съ такимъ гвалтомъ съ болота почью — сказалъ Драгомирову начальникъ его штаба полковникъ Дмитровскій, человѣкъ бывалый на Кавказѣ.

Въ десять часовъ тревога пуще первой. Понтоны выѣхали на мостъ. Въ ночной тишинѣ раздается адскій трескъ. Уху, привыкшему къ разговору даже шопотомъ, трескъ этотъ показался очень громкимъ, который долженъ бы разбудить непріятеля на разстояніи въ десять разъ большемъ, чѣмъ были турки.

— Поѣзжай къ коменданту—говоритъ генералъ Драгомировъ своему ординарцу — и достаньте соломы. прикажите хоть всѣ крыши ободрать и везите сюда сколь вожможно больше.

Привезли соломы и подмостили. Шумъ сталъ менѣе явственнымъ. Понтоны проѣхали. На мостъ вступила аргиллерія и шумъ снова усилился.

— Ну, все пропало!—говорятъ генералы—услыхали и приготовятъ намъ не жданную встрѣчу.

Всѣ прислушиваются и нетерпеливо глядясъ на непріятельскій берегъ.

— Идемте! — сказалъ Драгомировъ окружавшимъ его.

Тутъ вскорѣ стали подходить понтоны,

изъ коихъ связывали паромы. Войска стояли на берегу. Когда понтоны выстроились вдоль берега и генералъ Драгомировъ ихъ осмотрѣлъ, послѣдовало приказаніе пѣхотнымъ солдатамъ стать у самыхъ понтоновъ. Тихо, безъ малѣйшаго шума это приказаніе было исполнено.

— Готовы?— спросилъ Драгомировъ.

— Готовы — отвѣчаютъ шопотомъ.

— Ну, съ Богомъ, садись.

Въ неимовѣрномъ порядкѣ солдаты сѣли въ лодки и понтоны и Драгомировъ сказалъ:

— Съ Богомъ, отчаливай!

При этомъ генералъ снялъ фуражку, перекрестилъ понтоны и перекрестился самъ, что сдѣлали и всѣ солдаты.

Тихо поплыли понтоны. На непріятельскомъ берегу было все спокойно, но всѣ наши были убѣждены, что турки поджидаютъ и вотъ, вотъ откроютъ адскій огонь! На нашемъ берегу стоялъ со своимъ штабомъ генералъ Радецкій. Спокойный, увѣренный и хладнокровный видъ генерала производитъ обаятельное впечатлѣніе на Драгомирова и всѣхъ окружающихъ. Чтобы понять всю важность

роли, выпавшей въ эту ночь на долю Радецкаго въ этомъ первомъ, рѣшительномъ дѣйствіи войны, достаточно представить себѣ противоположное, то есть главнаго начальника, который проявилъ бы въ подобномъ случаѣ безпокойство, суетливость, недовѣріе къ одному или другому и на каждомъ шагу, посреди этой мертвой тишины, принялся бы отдавать новыя приказанія, отмѣнять ихъ, суетиться, словомъ, очевидно для всѣхъ проявлять отсутствіе увѣренности.

Для всѣхъ было ясно, всѣ чувствовали, что если главный начальникъ сталъ спокоенъ, значитъ дѣло идетъ какъ слѣдуетъ, а что если явится опасность, то тотъ же Радецкій съумѣетъ выругать своихъ подчиненныхъ.

Былъ второй часъ въ исходѣ, начинало разсвѣтать. Убѣжденіе, что турки ждутъ, становилось все сильнѣе. Многіе вооружились биноклями и, не смотря на темноту, усиливались что-либо разглядѣть на непріятельскомъ берегу.

Понтоны перваго рейса подходятъ къ непріятельскому берегу. Послышался одиночный выстрѣлъ сторожеваго турка, на кото-

рый наши не отвѣчаютъ. Послѣдовалъ второй и третій выстрѣлъ. Вотъ завизжалъ турецкій рожокъ. Очевидно было, что турецкой арміи не было вблизи берега.

Наши поспѣшно высадились и не отвѣчали на одиночные выстрѣлы турецкихъ часовыхъ. Лодки тотчасъ повернули назадъ и черезъ четверть часа подплыли къ берегу.

— Ну, что? — спрашиваетъ Драгомировъ.

— Слава Богу, благополучно — докладываетъ солдатъ съ лодки.

— Наши не стрѣляли?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство! Сунулся было одинъ турка, его разомъ подхватили наши ребята на штыки молча, потому не приказано было шумѣть—отвѣчаетъ солдатикъ.

Выстрѣлы на турецкомъ берегу раздаются все чаще и чаще Драгомировъ приказываетъ отчаливать второму рейсу.

На противоположномъ берегу было замѣтно уже движеніе турокъ, выстрѣлы уже освѣщаютъ берегъ. Генералъ Драгомировъ испрашиваетъ разрѣшеніе у Радецкаго отправиться на тотъ берегъ и получаетъ разрѣшеніе. Въ

лодку садятся: Драгомировъ, Скобелевъ 2-й, штабъ Драгомирова и адъютанты, прибывшіе отъ Главнокомандующаго. Едва лодка отчалила, какъ ее стали осыпать турецкія пули со всѣхъ сторонъ, но благодаря Бога пули летѣли мимо, никто не былъ раненъ. Но тутъ пришлось увидѣть печальную картину: съ трехъ понтоновъ втораго рейса послышались выстрѣлы и они пошли ко дну. То былъ послѣдній салютъ молодцовъ Минскаго полка погибавшихъ на понтонахъ, пробитыхъ турецкими снарядами.

Драгомировъ и всѣ сопровождавшіе его переправились благополучно. Бой пылалъ во всемъ разгарѣ, но турки были уже оттѣснены отъ берега. Какъ оказалось потомъ, турецкія войска стояли въ лагерѣ, верстахъ въ четырехъ отъ берега и, съ неимовѣрною быстротою, успѣли прибѣжать на выстрѣлы сторожевыхъ своихъ солдатъ.

Бой шелъ по всей мѣстности отъ берега до Систовскихъ высотъ. Наши дрались съ ожесточеніемъ, турки отчаянно защищались, хотя уже много земли уступили нашимъ.

Драгомировъ, осмотрѣвъ, все, что происходило вокругъ него, и уяснивъ себѣ насколько это было возможно въ страшномъ дыму и въ утреннемъ туманѣ, остался какъ будто не доволенъ. Все, что происходило казалось ему страшно безтолковымъ и онъ обратясь къ стоявшему рядомъ съ нимъ Скобелеву, сказалъ:

— Ничего не разберешъ, лѣзутъ, лѣзутъ, ничего не разберешъ.

Драгомирова начинаетъ мучить тоска неизвѣстности, но тутъ раздается голосъ Скобелева, который сказалъ:

— Ну, Михаилъ Ивановичъ, поздравляю!

— Съ чѣмъ?—спросилъ Драгомировъ.

— Съ побѣдою, твои молодцы одолѣли!

— Гдѣ, гдѣ ты это видишь?

— Гдѣ? На рожѣ у солдата: глядика на эту рожу! а? Такая у него рожа только тогда, когда онъ одолѣлъ супостата. Вишь какъ претъ, любо смотрѣть!

Генералъ Драгомировъ пересталъ смотрѣть на общую картину и заниматься вопросомъ: толково или безтолково лѣзутъ его солдаты впередъ. Онъ подчинился магическому слову

Скобелева, взглянулъ на рожу солдата, взглянулъ и постигъ, дотолѣ сокрытую отъ него тайну—читать побѣду на лицѣ солдата.

Въ восьмомъ часу утра картина боя начала уясняться. Турки видимо отступали со всѣхъ сторонъ. Къ девяти часамъ они отступили со всѣмъ. Дѣло могло считаться блистательно кончиннымъ. Наши войска быстро переправлялись съ румынскаго берега. Четвертая стрѣлковая бригада и вторая бригада 14-й дивизіи владѣли уже главными высотами, только на правомъ флангѣ поддерживалась еще перестрѣлка.

— Не пора ли остановить солтатиковъ — проговорилъ Скобелевъ.

— Пара-то, пора, да не кого послать, всѣ мои ординарцы въ расходѣ — отвѣчалъ Дрогомировъ.

— Хочешъ, я пойду — говоритъ Скобелевъ.

— Сдѣлай милость, я тебѣ въ ножки поклонюсь!

Скобелевъ отправился пѣшкомъ. Это былъ первый подвигъ его изумительной храбрости.

Въ бѣломъ кителѣ пошелъ онъ тихою походною въ самый жаръ сраженія: съ лѣва

наши стрѣлки въ виноградникахъ, а справа турки жарятъ съ высотъ. Скобелевъ подходитъ къ стрѣлкамъ, останавливается, поговоритъ съ однимъ, другимъ и идетъ далѣе и такимъ образомъ онъ обходитъ всѣ войска, передавая приказаніе Драгомирова.

Когда обходъ былъ конченъ, онъ явился къ Драгомирову тою же тихою, изящною походкою, приложивъ руку къ козырьку, доложилъ, что приказаніе отдано. Драгомировъ покачавъ головою, разцѣловалъ Скобелева.

Всѣмъ войскамъ до толѣ переправившимся было приказано укрѣпиться на позиціяхъ, взятыхъ ими у турокъ, а преслѣдованіе послѣднихъ далѣе, Драгомировъ призналъ совершенно излишнимъ: во первыхъ, главная цѣль его задачи была достигнута, часть берега была уже въ нашихъ рукахъ, слѣдовательно переправа, подъ крѣпкимъ прикрытіемъ была обезпечена; и во вторыхъ, твердо надо было помнить, что тамъ, гдѣ силы непріятеля не извѣстны, тамъ преслѣдованіе его всегда сопряжено съ большимъ рискомъ: начнешъ преслѣдовать, увлекаясь первымъ успѣхомъ, по неволѣ оставишъ занятыя крѣп-

ко позиціи и идти на рискъ или наткнуться на не предвидѣннаго непріятеля, или на отчаянное сопротивленіе, тогда разомъ могутъ быть потеряны результаты дабы того успѣха; войска теряютъ внезапно духъ увлеченія, а непріятель можетъ перейти въ наступленіе и отнять занятыя у него первою атакою позиціи.

Съ такими мыслями Драгомировъ отправился къ спуску. Переправа была уже горячая и безопасная. Тутъ онъ наскоро формировалъ части и посылалъ подкрѣпленія тамъ гдѣ онѣ были нужны.

Въ двѣнадцатомъ часу переправился генералъ Радецкій. Здѣсь кстати припомнить эпизодъ съ генераломъ Драгомировымъ, характеризующій, какъ нельзя лучше, личность Радецкаго и объясняющій между прочимъ, почему отъ генерала до послѣдняго солдата всѣ такъ горячо любили этого человѣка. Въ пылу распоряженій Драгомировъ, усмотрѣвъ, что одно мѣсто вокругъ Систовскихъ высотъ оказалось незанятымъ нашими войсками, послалъ за командиромъ Елецкаго полка, дивизіи князя Мирскаго. Произошло это въ то

время, когда Радецкій стоялъ около него. Едва Драгомировъ началъ отдавать свое приказаніе командиру полка, какъ рѣчь его вдругъ оборвалась и онъ, приложивъ руку къ козырьку, сказалъ:

— Извините Бога ради Ѳедоръ Ѳедоровичъ! Я увлекся, отдавая приказанія въ присутствіи вашемъ, да еще командиру полка чужой дивизіи.

— Дѣлайте, дѣлайте, Михаилъ Ивановичъ,— спокойно отвѣчалъ Радецкій.

Къ третьему часу по полудни Житомирскій полкъ входилъ уже въ Систово, а генералъ Драгомировъ до шести часовъ вечера оставался на берегу, гдѣ продолжалась переправа нашихъ войскъ.

На другой день въ Систово прибылъ Государь. Сначала переправы ему давали знать по телеграфу въ Турнъ-Мугурелли чрезъ каждые четверть часа.

Подойдя къ Радецкому Государь поздравилъ его съ орденомъ Георгія 3-й степени.

— Я ни причемъ, Ваше Величество, это принадлежитъ генералу Драгомирову — возразилъ было Радецкій.

— Успокойтесь и онъ получитъ Георгія— отвѣчалъ Государь, смѣясь отъ всего сердца.

Послѣ этихъ словъ Государя Радецкій спокойно принялъ орденъ.

Во время переправы потери наши состояли изъ 300 убитыми, въ томъ числѣ 6 офицеровъ, и 400 раненыхъ, въ томъ числѣ 12 офицеровъ. Утонули 15 нижнихъ чиновъ и 3 офицера. Безъ вѣсти пропавшихъ всего 38 человѣкъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Событія на театрѣ войны въ Азіи.

Русская кавказская армія подъ предводительствомъ Великаго князя Михаила Николаевича 12 апрѣля перешла четырьмя колоннами чрезъ границу. Главною или центральною колонною, выступившею изъ Александріи командовалъ генералъ Лорисъ-Меликовъ. Колонны праваго крыла подходившаго отъ Ахалцыха къ Ардагану были подъ командою генерала Девеля, лѣвымъ крыломъ командовалъ генералъ Тергукасовъ. Этотъ отрядъ подвигался изъ Эривани къ крѣпости

Баязеду; наконецъ Ріонскій корпусъ, назначенный для дѣйствій противъ Батума, находился подъ командою генерала Оклобжіо. Общій составъ кавказской арміи равнялся 115,000 пѣхоты, 26,000 кавалеріи при 370 орудіяхъ. Противъ этихъ русскихъ корпусовъ была турецкая армія подъ командою маршала Ахмедъ-Мухтара-паши изъ 74,000 человѣкъ.

Колонна Лорисъ-Меликова перейдя чрезъ рѣку Арпазай, захватили врасплохъ передовые турецкіе посты и преслѣдовала по дорогѣ къ Карсу. Въ первые дни она подвигалась очень медленно, но 28 апрѣля она стала лагеремъ близъ Займа, лежащаго въ 20 верстахъ отъ крѣпости Карса. Первыя предпріятія противъ этой весьма сильной крѣпости ограничились лишь рекогносцировками, имѣющими своею цѣлію узнать мѣстныя условія для будущаго тѣснаго обложенія Карса. Вся русская кавалерія, подъ командою генералъ-маіора Чевчавадзе до Суботанъ Хадчивали; отсюда сдѣлали обходъ крѣпости съ обѣихъ сторонъ, при чемъ разрушила телеграфныя сообщенія. На слѣдую-

щій день русская ковалерія наткнулась на сильный турецкій отрядъ, отправлявшійся изъ Карса въ Эрзерумъ. Черезъ неделю была произведена вторая рекогносцировка генераломъ Шереметьевымъ съ 7-ю эскадронами въ сѣверномъ и сѣверозападномъ направленіи отъ Карса, при чемъ этотъ кавалерійскій отрядъ на возвратномъ идти подвергся нападенію непріятеля съ превосходными силами, принадлежавшими крѣпостному гарнизону. Въ этомъ сраженіи, веденномъ съ обѣихъ сторонъ съ неимовѣрною стойкостію, часть драгуновъ и казаковъ спѣшились и блистательно доказали что они умѣютъ храбро драться не только верхомъ, но и пѣшіе.

Уже при первыхъ попыткахъ оказалось, что прежде, чѣмъ обложить Карсъ слѣдовало взять крѣпосуь Ардаганъ. Великій Князь Михаилъ Николаевичъ отдалъ приказаніе, чтобы Ахалцыкская колонна подвагалась къ Ардагану для соединенія съ Лорисъ Меликовымъ и Гейманомъ. Войска шли форсированными маршами и 13-го мая послѣдовало свиданіе командировъ подъ стѣнами Ардагана. Ночью съ 15 го на 16-е число русскія баттареи по-

строились на высотахъ и разсвѣтомъ 16-го числа начали безпрерывно обстрѣливать два редута, скоро сбили нѣсколько турецкихъ орудій и пробили въ стѣнахъ бреши, а 17-го въ 3 часа по полудни начался штурмъ,—которому предшествовалъ сильный артиллерійскій огонь, значительно разширившіе бреши. Тогда батальоны Тифлисскаго, Эриванскаго, Бакинскаго полковъ и рота саперовъ, подъ командою генерала Геймана, ворвались въ крѣпость, а турецкій гарнизонъ въ 12,000 подъ командою Али-паши, постыдно убѣжалъ. Генералъ Девель самъ сталъ во главѣ своей кавалеріи, что бы преслѣдовать непріятеля, но наступившая скоро ночь укрыла бѣглецовъ. Русскіе, потерпѣвшіе незначительную потерю, забрали 60 пушекъ, снабженный всѣми припасами лагерь, много аммуниціи, а также 3400 ружей.

Это взятіе крѣпости было великимъ успѣхомъ для русскихъ, въ нравственномъ отношеніи оказавшее громадное вліяніе на народонаселеніе. Симпатія христіанскихъ армянъ выступали смѣлѣе, а военный фанатизмъ магометанъ значительно остылъ. Курды, на

помощь которыхъ сильно разсчитывало турецкое правительство оказались вѣроломными, и, при болѣе серьезной атакѣ со стороны русскихъ, бѣжали во свояси.

Отрядъ генерала Тергукасова выполнилъ также свою задачу. 29 апрѣля онъ спустился съ высотъ Джигиль Дага и занялъ крѣпость Баязедъ, два турецкіе табора, составлявшіе гарнизонъ крѣпости удалились немедленно при появленіи русскихъ, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла. Оставивъ здѣсь небольшой гарнизонъ, Тергукасовъ пустился далѣе къ Каракилису, гдѣ турки стояли укрѣпленнымъ лагеремъ. Онъ выдвинулъ было противъ нихъ свой передовой отрядъ, но орды Курдовъ двинувшіеся отъ озера Вана угрожали отрѣзать ему путь отступленія, а потому онъ остановился и послалъ противъ послѣднихъ часть своей ковалеріи подъ предводительствомъ генералъ-маіора князя Амилахмарова. При первой стычкѣ Курды бѣжали къ сѣвернымъ берегамъ озера Вана. Встрѣченныя затрудненія въ снабженіи войскъ съѣстными припасами и неизвѣстность относительно обложенія Карса заставили Тергу-

касова занять Каракились, который былъ покинутъ Турками.

31 мая крѣпость Карсъ была обложена Магардскія высоты были заняты русскими безъ боя въ первыхъ числахъ іюня. 14 іюня изъ Карса сдѣлана была вылазка съ 9 таборами и двумя баттареями на правое крыло русскихъ войскъ и имъ удалось оттѣснить русскіе форпосты Русскіе поддержали бой, пока ихъ ковалерія сдѣлала обходное движеніе. Тогда генералъ Гейманъ сталъ штурмовать турецкія позиціи. Турки защищались храбро, но, когда въ тылу у нихъ появились драгуны, ихъ отступленіе превратилось въ безпорядочное бѣгство.

Въ половинѣ іюня генералъ Гейманъ выступилъ съ пѣхотною дивизіей и отрядомъ ковалеріи съ Сагнилугскимъ горамъ, чтобы соединиться съ генераломъ Тергукасовымъ. Но на послѣдняго Мухтаръ паша сдѣлалъ наступательное движеніе съ превосходными болѣе чѣмъ въ два раза силами и оттѣснилъ его. Эти событія заставили Лорисъ-Меликова взять часть арміи изъ подъ Карса и отправиться на соединеніе съ гене-

раломъ Гейманомъ. Въ Сагнилугскихъ горахъ произошла жестокая битва съ турками стоявшими въ Зимнискомъ укрѣпленномъ лагерѣ. Русскихъ было около 17,000 а турокъ болѣе 20 тысячъ и притомъ они въ скоромъ времени получили подкрѣпленіе.

Движеніе Мухтара-паши къ Карсу со всею турецкою арміею принудило Лорисъ-Меликова снять осаду Карса. Тергукасовъ отступилъ, но рѣшился выручить русскій гарнизонъ въ Баязедѣ гдѣ горсть храбрецовъ защищалась отчаянно 23 дня отъ громаднаго отряда турокъ обложившихъ эту крѣпость. Защитники Баязеда умирали отъ голода и жажды, но не сдавались туркамъ пока Тергукасовъ не освободилъ ихъ, отъ такого тяжкаго положенія.

Было около пяти часовъ по полудни. Отрядъ Тергукасова отдыхалъ на разстояніи одного перехода отъ Баязеда. Солдаты были страшно утомлены форсированными маршами и страдали отъ недостатка съѣстныхъ припасовъ. Они вынимали изъ своихъ сумокъ послѣднія крохи и ѣли ихъ, размачивая въ ключевой водѣ; а затѣмъ ложились отды-

хать по обѣимъ сторонамъ дороги, оставляя проѣздъ для отставшей артиллеріи и патронныхъ вьюковъ. Офицеры сидѣли на барабанахъ или лежали на голой землѣ, расправляя свои усталые члены съ нетерпѣніемъ смотрѣли на отставшіе свои вьюки, въ которыхъ было кое-что съѣстное. Нѣсколько въ сторонѣ стояла кучка офицеровъ посреди коей былъ генералъ Тергукасовъ. Отдавъ адъютанту своему какое-то распоряженіе, онъ приказалъ подать себѣ коня и поѣхалъ къ солдатамъ. Подъѣхавъ къ одному баталіонному командиру, онъ спросилъ.

— Хватитъ сухарей до завтрашняго вечера?

— Обойдусь, ваше превосходительство— отвѣчаетъ баталіонный командиръ.

— Слава Богу, слава Богу сказалъ Тергукасовъ какъ бы про себя.

Затѣмъ онъ ѣдетъ къ мѣсту, гдѣ собралось солдатъ побольше, а за нимъ между прочимъ идутъ солдаты группа коихъ увеличивается съ каждымъ шагомъ. Генералъ остановился и, приподнявшись на стременахъ, громко сказалъ:

— Братцы! нашихъ морятъ голодомъ, наши мучатся и умираютъ въ Боязедѣ! Не хочу послѣ этого жить! самъ хочу умерѣть! Идемъ умирать вмѣстѣ съ ними!

Точно бурная волна пронеслась по всему отряду.

— Въ ружье!—закричалъ тотъ самый маіоръ, который говорилъ съ генераломъ минуту раньше.

— Въ ружье! закричали другіе, поднявъ надъ головами шапки и кинулись къ ружьямъ.

— Молодцы герои! Да съ такими молодцами мы живо справимся съ туркой — сказалъ генералъ прослезившись:

Раздалось то дикое, потрясающее „ура“ какое раздается при атакѣ. Казалось кремнистыя горы содрогнулись отъ этихъ могучихъ криковъ маленькаго, но храбраго и крѣпкаго духомъ отряда.

Маіоръ прежде всѣхъ выстроилъ свой батальонъ и пошелъ въ авангардѣ. Вскорѣ вытянулся весь отрядъ. Обгоняя батальонъ, генералъ пожалъ руку маіора.

Цѣлую ночь отрядъ двигался съ ужасными препятствіями. Орудія и патронные

ящики были вывозимы командами людей, сдавшимъ ружья своимъ товарищамъ. Казаки высланы были далеко впередъ и всѣ заботились о соблюденіи тишины. Заря занималась надъ высотами Закавказья въ то время, какъ голова колонны достигла глубокой лощины, гдѣ велено было остановиться. По обѣимъ сторонамъ этой лощины рѣзко выдавались и блестѣли скалы сосѣднихъ горъ, а вдали красовалась окутанная розовымъ свѣтомъ бѣлая маковка Арарата; но не до того было солдатамъ, чтобы любоваться этой чудной картиной, каждый спѣшилъ отдохнуть, и, какъ можно скорѣе отдохнуть, ибо казаки уже донесли, что турки близко и что Баязедъ виденъ съ сосѣдней горы.

Рѣшено было отдохнуть, стянуть орудія и напасть внезапно на осаждающихъ Баязедъ турокъ. Не прошло и четверти часа, какъ утомленный отрядъ спалъ въ растяжку; очень не многіе видѣли, какъ старикъ-генералъ взбирался по крутому скату сосѣдней горы, цѣпляясь руками за острые камни и колючія растенія. За нимъ шелъ его штабъ

и казачій полковникъ, назначенный на развѣдку. Они подошли, или, вѣрнѣе сказать, подползли къ самому гребню горы и оттуда увидѣли не совсѣмъ бдительную турецкую ковалерійскую цѣпь, крѣпость, осажденную турками и бѣлую полосу конусообразныхъ палатокъ.

— Казаки готовы, ваше превосходительство, прикажете сбить цѣпь?—спросилъ казачій полковникъ, обращаясь къ Тергукасову.

— Нѣтъ, нѣтъ, нетрогайте—отвѣчалъ генералъ—лучше напасть разомъ. Капитанъ! Вотъ туда ниже взведите чстыре орудія, да пусть захватятъ шрапнели. Начнете стрѣлять, когда выѣдутъ казаки, а до тѣхъ поръ держитесь за гребнемъ. Спачала бейте по лагерю обыкновенными грапатами, а затѣмъ мы выманимъ турокъ и подставимъ подъ шрапнель—обратился генералъ къ артиллеристу.

— Слушаюсъ—отвѣчалъ артиллеристъ и пошелъ распоряжаться.

Черезъ часъ орудія подтянулись и отрядъ приготовился къ бою. Первыми сѣли на коней казаки и, раздѣлившись на нѣсколько

партій, выѣхали впередъ. Маіоръ Гайдуковъ, шедшій въ авангардѣ долженъ былъ двинуться на поддержку развѣдчиковъ. Казаки обогнули гору, сомкнулись и сразу кинулись на турецкіе пекеты. Въ это самое время послышались съ горы четыре выстрѣла изъ орудій. Турки нѣсколько раньше стали въ ружье, должно быть одинъ изъ разъѣздовъ замѣтилъ русскихъ. Далеко преслѣдовали казаки турецкую цѣпь, но были отражены пѣхотнымъ огнемъ и отступили въ большомъ порядкѣ. Вслѣдъ затѣмъ выступилъ авангардъ пѣхоты. Турки видя цѣлый батальонъ, ушедшій впередъ своихъ товарищей, выслали противъ него черкесовъ, которые стремительно бросились, но послѣ нѣсколькихъ дружныхъ залповъ, по ротно, отступили. Лишь только отступили черкесы, какъ турки замѣтили, что на позиціи дѣйствуетъ только одинъ полкъ, такъ какъ другія войска были отправлены въ обходъ. Они тотчасъ перешли въ наступленіе, но тутъ-то и подставили себя подъ шрапнель, какъ заранѣе предсказывалъ Тергукасовъ.

Еще черезъ полчаса завязался жаркій бой. Турки были опрокинуты и обратились въ безпорядочное бѣгство. Такимъ образомъ баязетскіе храбрецы были выручены. Тергукасовъ на половину разрушилъ Баязедъ, забралъ больныхъ и раненыхъ и отправился къ русской границѣ.

Положеніе Комарова въ Ардаганѣ было тоже не завидное. Уже въ концѣ іюня Дервишъ-паша отрядилъ изъ Батума корпусъ къ Ардагану. Но Комаровъ вышелъ къ нему на встрѣчу и разбилъ его.

Таковы были дѣйствія кавказской арміи въ то время, когда русскіе переправились за Дунай.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Взятіе Тырнова и походъ генерала Гурко за Балканы.

Вскорѣ по взятіи Систова палъ Никополь, весьма сильная турецкая крѣпость на Дунаѣ. Приводимъ телеграмму командира 9-го армейскаго корпуса генералъ-лейтенанта Криденера отъ 3-го іюля къ Государю Императору „имѣю счастіе донести, что Никополь у ногъ Вашего Величества, послѣ ожесточеннаго боя, длившагося вчера съ 4 часовъ утра до поздней ночи. Крѣпость сдалась безусловно сегодня на разсвѣтѣ. Войска Вашего Величества дрались съ безпримѣрнымъ мужествомъ, овладѣвая постепенно рядами

укрѣпленныхъ позицій. Въ плѣнъ взято двое пашей и около шести тысячъ регулярнаго войска“,

Въ первые дни іюля послѣдовало построеніе русской арміи перешедшей подъ Зимницей вдоль рѣки Янтры къ Османъ Базару и Разграду. Виною медленнаго передвиженія было не сопротивленіе турокъ, а необыкновенная трудность продовольствія громадной арміи въ странѣ опустошенной, каковою представлялась Болгарія. Для сражающейся арміи приходилось устраивать другую армію для снабженія первой всѣмъ нужнымъ.

Завладѣвъ каменнымъ мостомъ при Бѣлѣ, линія по Янтрѣ была занята 7 го іюля безъ боя и авангардъ русскій былъ выдвинутъ на правый берегъ рѣки. Исключая маленькихъ перестрѣлокъ съ летучимъ отрядомъ черкесовъ, въ первые дни не происходило ничего серьезнаго 11-го іюля русскіе захватили при Чапркисѣ большой турецкій транспортъ съ правіантомъ. Магометанское населеніе всюду бѣжало отъ русскихъ въ глубь страны; тогда какъ христіанское принимало съ восторгомъ.

7-го іюля генералу Гурко, подъ предводительствомъ коего былъ большой передовой отрядъ, удалось овладѣть городомъ Тырново, древнею столицею болгарскихъ королей, а 10-го числа была занято Габрово, послѣ чего два важнѣйшихъ ключа къ путямъ сообщенія на сѣверномъ склонѣ средняго Балкана, перешли во власть къ русскимъ.

Главная квартира 12-го іюля была перенесена въ Тырново, куда и пріѣхалъ того же числа Главнокомандующей Великій Князь Николай Николаевичъ. Того же числа генералъ Гурко со сборнымъ корпусомъ изъ $10^1/_2$ батальоновъ пѣхоты $43^1/_2$ эскадроновъ и 39 орудій пустился въ свой смѣлый походъ чрезъ Балканы, безспорно одно изъ самыхъ блестящихъ и успѣшныхъ въ стратегическомъ отношеніи дѣлъ всей войны. Группа Тырновскихъ проходовъ, эта ближайшая цѣль всей экспедиціи, состоитъ изъ двухъ горныхъ дорогъ черезъ Шипку и Травну и изъ нѣсколькихъ мелкихъ тропинокъ. Шипкинскій проходъ служилъ главной почтовой дорогой между Рущукомъ и Адріанополемъ. Дорога, идущая изъ Габрова черезъ Шипку шоссированная.

Кромѣ этихъ двухъ дорогъ существуютъ еще три тропинки черезъ Шипку и Травну, одна изъ нихъ ведетъ отъ Калафата до Ханкіоя она длиною въ 36 верстъ, узка, очень крута и ведетъ чрезъ пустыннѣйшія мѣста горнаго хребта. По этой-то дорогѣ и пустился генералъ Гурко со своимъ корпусомъ. Этотъ переходъ столь труденъ и утомителенъ, что превосходитъ всякое описаніе. 13-го іюля Гурко взялъ съ боя деревню Ханкіой, занятую туркмми. Переходъ сопровождался ежедневными стычками и потому были оставлены два батальона болгарскихъ добровольцевъ при переходныхъ пунктахъ въ долинѣ Туиджи, чтобы съ юга ворваться въ главный шипкинскій проходъ. 15-го непріятельская кавалерія при Оразари была отброшена и казаки достигли до Енизагры, разрушая телеграфныя сообщенія. 17-го числа городъ Казанлыкъ и деревня Шипка взяты были съ боя. Одновременно съ Гурко принялъ участіе въ этомъ сраженіи отрядъ князя Мирскаго Орловскій пѣхотный и 30-й казачій полки бросились съ сѣвера но сильно укрѣпленный турками Шипкинскій проходъ, защищенный

14-ю табарами и 8 орудіями. Центръ и правое крыло съ геройскою храбростію отбросили на штыкахъ врага изъ его позицій, но главнымъ проходамъ не могли овладѣть. Это удалось имъ только 19-го числа, послѣ нѣсколькихъ атакъ, вслѣдствіе коихъ непріятель побѣжалъ, оставивъ лагерь, орудія и знамена въ добычу русскимъ. Трудная задача была разрѣшена и три горныхъ прохода находились въ рукахъ побѣдителей.

Турецкое военное начальство было ошеломлено переходомъ чрезъ Балканскія горы. Казацкіе разъезды, явившіеся даже передъ Ямболомъ, нагнали паническій страхъ на населеніе и всѣ спѣшили укрыться за стѣнами Адріанополя, гдѣ находилось до десяти тысячъ турецкихъ солдатъ. Великая Порта отправила послѣдніе резервы изъ Константинополя въ Адріанополь и Сулейманупашѣ было приказано явиться со всѣмъ своимъ корпусомъ на Балканскій военный театръ. Между тѣмъ Реуфъ-паша собралъ все, что только могло носить оружіе въ Адріанополѣ, чтобы вести ихъ противъ смѣлаго русскаго генерала.

Еще другія выгоды были пріобрѣтены русскими въ эти дни. 17-го іюля изъ Сельви подвинулся противъ Ловчи, лежащей на рѣкѣ Ослѣ, отрядъ подъ начальствомъ генерала Жеребцова и послѣ упорнаго боя занялъ этотъ важный пунктъ.

Переходомъ чрезъ Болканы русскіе сдѣлали великій шагъ; но и турки также сдѣлали неожиданный для русскихъ ходъ, имѣвшій важныя послѣдствія для исхода компаніи.

Послѣ обложенія крѣпости Никополя русскими войсками, Османъ-паша, находившійся съ своимъ корпусомъ у Видднна получилъ изъ Константинополя предписаніе не медленно отправиться на помощь Никополю, который, какъ уже извѣстно, сдался 16 го числа, а Османъ-паша только 18 го прибылъ съ корпусомъ своимъ въ Плевну, отстоявшую отъ Никополя на два дня пути. Плевна, гдѣ скрещеваются нѣсколько дорогъ изъ Систова въ Видднпъ и изъ Ловчи въ Тырново, была занята русскою кавалеріею на короткое время. Когда дошла вѣсть о томъ, что въ Плевнѣ собираются массами турецкія войска, генералъ

Криденеръ отправилъ часть пѣхотной дивизіи и Костромской полкъ съ нѣсколькими баттареями и частію кавалеріи подъ командою генералъ-лейтенанта Шильдеръ Шульднера противъ Плевны, чтобы прогнать турокъ съ этого важнаго пункта. Между тѣмъ Османъ паша съ сорока тысячнымъ корпусомъ изъ отборнаго войска успѣлъ укрѣпиться въ Плевнѣ, а потому, само собою понятно, что нападеніе Шильдеръ-Шульднера, имѣвшаго въ своемъ распоряженіи столь ничтожныя силы, было неудачно хотя ему и удалось прорваться, въ началѣ боя, въ самый городъ. Но тутъ открылся со стороны турокъ адскій ружейный огонь. Не смотря на истинно геройское сопротивленіе русскихъ солдатъ, они должны были уступить численному превосходству. Потерявъ 2800 человѣкъ убитыми и ранеными, русскіе отступили на Бѣлу. Хотя Османъ Паша отказался отъ всякаго движенія впередъ, ограничиваясь удержаніемъ за собою Плевны, эти происшествія произвели сильное впечатленіе въ нашей главной квартирѣ. Это была такъ называемая первая Плевна.

30-го іюня въ Тырново прибылъ Великій Князь Николай Николаевичъ и былъ встрѣченъ жителями съ восторгомъ, не поддающимся описанію. Понятно будетъ если сказать, что минуты освобожденія болгаръ ожидали болѣе четырехъ столѣтій и наконецъ дождались! Мужчины, женщины, дѣвушки и дѣти кидались съ радостными объятіями къ каждому встрѣчному русскому. Духовенство, при въѣздѣ Главнокомандующаго въ городъ, вышло ему на встрѣчу съ крестами и хоругвями; все христіанское населеніе города толпилось тутъ же; русскіе и болгарскіе флаги украшенные миртовыми и оливковыми вѣтвями, развевались надъ каждымъ христіанскимъ домомъ; болгары безразлично всѣхъ русскихъ зазывали въ свои дома и предлагали кровъ и угощеніе, какое только могли выставить по своимъ средствамъ. Все христіанское населеніе города ликовало, служило молебны и гуляло по русскому лагерю, гдѣ раздавались звуки военной музыки и хоровъ русской пѣсни. Они любовались русскими солдатами и привозили безвозмездно овесъ и сѣно для лошадей. Всѣ христіане

носили на шапкахъ или рукавахъ бѣлые нашивные кресты; равнымъ образомъ православные осьмиконечные кресты были начертаны мѣломъ на дворахъ каждаго дома. Короче сказать, здѣсь всѣ, отъ мало до велика, почувствовали, что нынѣ наконецъ насталъ часъ славянской свободы и торжества христіанской вѣрѣ на балканскомъ полуостровѣ. Поняли это кажись и сами турки, прославшіе 1-го іюля къ Великому Князю особую депутацію, съ выраженіемъ привѣтствія Его Высочеству и полной покорности мусульскаго населенія русскому правительству. Въ числѣ депутатовъ находились: вице-губернаторъ города Дрянова, первый секретарь города Тырнова, двое почетныхъ тырновскихъ гражданъ Мехмедъ-эфенди и Али-эфенди, наконецъ Ахмедъ-эфенди директоръ тырновской таможни. Его Высочество милостиво принялъ эту депутацію, приказалъ возстановить богослуженіе въ мечетяхъ, далъ обѣщаніе охранять мусульманскіе храмы и поручилъ депутатамъ, какъ довѣреннымъ, избраннымъ лицамъ со стороны самого же населенія—озаботиться возстановленіемъ спо-

койствія между мѣстными мусульманами. Депутаты въ отвѣтъ на это заявили еще разъ, что жители въ ихъ лицѣ признаютъ полную покорность и безусловное подчиненіе русскому правительству и всѣ поголовно желаютъ возвратиться на мѣсто своего жительства для мирныхъ занятій и что они не подумали бы покидать своихъ домовъ, или бы получили своевременно прокломацію Русскаго Царя, которую успѣлъ перехватить здѣсь мѣстный губернаторъ Саидъ-паша, тотъ самый, что губернаторствовалъ въ Варнѣ до разрыва Россіи съ Турціею. Его Высочество изволилъ указать турецкимъ депутатамъ князя Черкаскаго, какъ начальника гражданскаго управленія края и депутаты благоговѣйно прикоснувшись своими губами къ полѣ одежды Великаго Князя, удалились видимо ободренные и обрадованные. Уже къ вечеру замѣтно стало на улицахъ движеніе возвратившихся жителей города, которые открыли свои лавки и ремесленныя заведенія, не мало удивляясь тому, что имущество ихъ не подверглось ни малѣйшему разграбленію.

Вскорѣ послѣ переправы чрезъ Дунай Государь Императоръ Александръ II сдѣлалъ воззваніе къ болгарскому народу слѣдующаго содержанія:

„Мои войска перешедши Дунай, вступаютъ сегодня на вашу территорію, гдѣ уже нѣсколько разъ они сражались за улучшеніе участи христіанскихъ жителей Балканскаго полуострова. Предки мои, вѣрные историческимъ преданіямъ, постоянно почерпая силы и въ тѣсномъ вѣковомъ единеніи, связывавшемъ ихъ съ православнымъ народомъ, успѣли вліяніемъ своимъ и силою оружія, послѣдовательно обезпечить участь сербовъ и румыновъ, призвавъ ихъ къ новому политическому существованію. Время и обстоятельства не измѣнила Россія къ своимъ единовѣрцамъ на востокѣ. Она все еще питаетъ туже любовь, туже заботливость ко всѣмъ членамъ великой христіанской семьи Балканскаго полуострова. Я ввѣрилъ моей арміи, предводимой Моимъ братомъ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ дѣло обезпеченія священныхъ правъ вашей народности составляющихъ главное условіе

Бой подъ Шипкой.

практическаго и правильнаго развитія всякаго гражданскаго существованія. Вы пріобрѣли права эти не силою сопротивленія оружія, но цѣною вѣковыхъ страданій, цѣною мученической крови, которую вы и ваши предки, въ теченіи многихъ вѣковъ, орошали землю вашей родины".

„Жители земли Болгарской! Цѣль Россіи— созиданіе, а не разрушеніе. Изволеніемъ Божественнаго Промысла, она призвана умиротворять, примирять, всѣ племена, всѣ вѣроисповѣданія въ отчизнѣ Болгаръ, гдѣ обитаютъ жители разнаго происхожденія и разныхъ вѣрованій. Отъ нынѣ русскія войска будутъ защищать каждаго христіанина отъ всякаго насилія; никакого ущерба не будетъ нанесено его личности или его достоянію, за каждымъ преступленіемъ послѣдуетъ наказаніе; свобода, честь, собственность каждаго христіанина будетъ обезпечена въ одинаковой степени. Дѣйствіями нашими будетъ руководить одна только строгая справедливость, равно какъ и твердая воля постепенно водворить порядокъ и право тамъ, гдѣ господствуютъ безчинство и своеволіе.

И къ вамъ Болгарскіе мусульмане, обращаю я спасительное увѣщаніе! Мнѣ тяжело вызвать воспоминанія о преступленіяхъ и насиліяхъ всякого рода. Многіе изъ васъ были преступны по отношенію къ беззащитнымъ христіанамъ. Ужасы эти не могутъ быть забыты: но русскія власти не захотятъ сдѣлать всѣхъ отвѣтственными за преступленія нѣсколькихъ. Благоустроенное и безпристрастное правосудіе покараетъ только однихъ преступниковъ, оставшихся не наказанными. Признайте ныне правосудіе Господа Бога, постигающее васъ; преклонитесь предъ Его волею; представьте законныя требованія Моимъ властямъ, которыя будутъ установлены вездѣ, гдѣ появятся войска Мои; сдѣлайтесь мирными гражданами общества, готоваго даровать вамъ блага правильнаго строя. Ваша вѣра останется не прекосновенною; существованіе ваше, ваше достояніе, жизнь и честь вашихъ семей будетъ священна для нихъ".

Болгарскіе христіане! Вы переживаете памятные дни. Часъ избавленія отъ своеволія мусульманъ наконецъ пробилъ. Явите всему міру примѣръ христіанской любви; забудьте

прежніе раздоры; уважайте законныя права каждой народности; соединитесь, братья по вѣрѣ въ чувствѣ согласія и братской любви, представляющихъ основу для стойкаго и прочнаго зданія; сомкнитесь тѣсными рядами подъ сѣнію русскаго знамени, побѣды котораго столько разъ гремѣли на Дунаѣ и въ Балканахъ. По мѣрѣ того, какъ русскія войска будутъ подвигаться впередъ во внутрь страны, турецкая власть будетъ замѣщаться правильнымъ устройствомъ; обыватели будутъ тотъ часъ призваны принять въ немъ дѣятельное участіе подъ высшимъ руководствомъ особыхъ и новыхъ властей. Болгарскія дружины составятъ мѣстную вооруженную силу, имѣющимъ своимъ назначеніемъ охранять порядокъ и безопасность. Готовность честно послужить вашей родинѣ, безпристрастіе, которое вы внесете въ исполненіе этого великаго долга докажутъ міру, что вы достойны участи, которую Россія уготовала для васъ цѣною столь великихъ жертвъ. Повинуйтесь русскимъ властямъ. Слѣдуйте точно ихъ указаніямъ. Въ этомъ—ваша сила и ваше спасеніе.

„Смиренно молю Господа даровать намъ побѣду надъ врагомъ христіанъ и ниспослатт ь Его благословеніе нашему правому дѣлу.“

Вскорѣ Государь Императоръ прибылъ въ Тырново и былъ встрѣченъ жителями всѣхъ сословій съ неописаннымъ восторгомъ.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

Геройскій подвигъ русскаго парохода „Веста“ на Черномъ морѣ.

Между тѣмъ какъ Россія не имѣла на Черномъ морѣ флота, турецкій, сформированный отлично флотъ, можно сказать бездѣйствовалъ на Черномъ морѣ. Онъ подходилъ, то къ Одессѣ, то къ Севастополю, давалъ по нѣсколько выстрѣловъ и уходилъ обратно, не осмѣливаясь близко подойти изъ опасенія натолкнуться на заграждения. Одна Евпаторія подверглась значительной, двухсуточной бомбардировкѣ.

Мы уже видѣли, какъ на Дунаѣ съ турецкими мониторами справлялись наши шлюпки и какъ онѣ нагнали паническій страхъ на турокъ. На Черномъ морѣ были также схватки русскихъ пароходовъ, на скорую руку приспособленныхъ на ладъ военныхъ судовъ. Въ настоящей главѣ мы приводимъ схватку парохода „Веста“ съ турецкимъ мониторомъ подъ городомъ Кюстенджи, записывая дословно рапортъ капитана „Весты“ Варапова, гдѣ онъ пишетъ:

„11-го іюля находясь въ 35 миляхъ отъ Кюстенджи въ $7^1/_2$ часовъ утра съ саминга „Весты“ усмотренъ былъ на югѣ черный дымъ.

Въ машинѣ приказано было поднять паръ до возможно высшаго давленія и курсъ былъ взятъ на юго-востокъ, чтобы возможно было разсмотрѣть шедшее судно, и буде это оказался бы турецкій коммерческій или слабо вооруженный вольный пароходъ, отрѣзать его отъ берега.

„Около 8 часовъ можно было разсмотрѣть не смотря на нѣкоторую бывшую пасмурность, что встрѣченное судно былъ большой,

сильный турецкій броненосецъ, который поднялъ флагъ, выстрѣлилъ по пароходу „Веста“ изъ орудія большого калибра. На Вестѣ“ былъ поднятъ русскій, военный флагъ и далъ залпъ изъ боковыхъ орудій. Затѣмъ далъ машинѣ полный ходъ. Я поворотилъ и легъ на курсъ Nt.O. дабы держать его въ невозможности бить „Весту“ поперекъ борта и дабы имѣть одновременно возможность бить турецкій броненосецъ изъ трехъ шестидюймовыхъ мортиръ и одпого девятифунтоваго нарѣзнаго орудія, могущихъ дѣйствовать почти на корму.“

Принимая это положеніе, я сильно разсчитывалъ на возможность командовать ходомъ надъ противникомъ, предполагая, что онъ не можетъ имѣть скорость болѣе 10 или 11 узловъ, а потому я разсчитывалъ, пользуясь аппаратами автоматической стрѣльбы Давыдова, или уничтожить его навѣснымъ огнемъ, или заставить сдаться.“

„Я скоро замѣтилъ, что къ удивленію моему, не мы обладаемъ скоростью хода, не смотря на то, что послѣдняя была развита до 12 узловъ, а турецкій броненосецъ съ

каждымъ моментомъ выигрывалъ въ разстояніи и черезъ нѣсколько времени сблизился до того, что 9 фунтовое орудіе, поставленное на элевацію двѣнадцати-кабельтоваго разстоянія, стало брать далѣе, чѣмъ слѣдовало."

„Подполковникъ морской артиллеріи Черновъ, съ неподражаемымъ мужествомъ дѣлавшій наблюденіе за стрѣльбой и распоряжавшійся огнемъ кормовыхъ орудій, пришелъ ко мнѣ на мостикъ, гдѣ я стоялъ у штурвала, и шопотомъ доложилъ мнѣ, что его роль, какъ управляющаго индикаторами аппарата Давыдова, кончается, что непріятель такъ близко приближается къ намъ, что аппараты эти, хотя и дѣйствуютъ прекрасно, но болѣе помочь намъ не могутъ, такъ какъ, даже въ промежутокъ полета нашего снаряда, разстояніе дѣлается менѣе и менѣе. Видя, что шекъ непріятеля приближается, снаряды его осыпаютъ шрапнелевой картечью: снасти, рангаутъ, машинный люкъ и мостикъ, я согласился на просьбу полковника Чернова и поручилъ ему, вмѣстѣ съ лейтенантомъ Рождественскимъ попробовать

сдѣлать еще сосредоточенный залпъ. Два залпа сошлись. Снаряды турецкаго броненосца, какъ кажется по осколкамъ, 11-ти и 7-ми дюймоваго калибра, ударили насъ въ корму: былъ разрушенъ капитанскій вельботъ, затѣмъ пробита верхняя палуба и одна бомба лопнула частію въ жилой, а частію на верхней палубѣ. Внизу бомба произвела пожаръ надъ самой крюйтъ-камерой, а на верхней палубѣ разрывъ ея былъ ужасенъ: онъ залилъ палубу кровью, уничтожилъ одну изъ мортиръ и, перебивши всѣ проводники Давыдова аппарата, положилъ на мѣстѣ двухъ артиллерійскихъ офицеровъ, управлявшихъ дѣйствіемъ орудій. Прапорщику Яковлеву вырвало часть горла и правое плечо, подполковникъ же Черновъ, смертельно раненый, прежде чѣмъ упасть сказалъ: „прощайте; бѣйте изъ правой кормовой, она наведена“ и мертвый упалъ. Предъ самымъ этимъ залпомъ, видя безнадежность продолжать долго маневрированье, заключавшееся въ томъ, чтобы скрывая бортъ, подставлять непріятелю корму и отвѣчать ему выстрѣлъ за выстрѣлъ, и замѣтивъ же-

ланіе противника меня торопить, я рѣшилъ: приготовить кормовой шестъ съ минами, положить лѣво на бортъ, въ моментъ его залпа, и пойти прямо на него, дабы абордировать его, или, если бы онъ отъ того увернулся, взорвать кормовыми минами. Для выполненія этого я попросилъ къ себѣ на мостикъ миннаго офицера, лейтенанта Михаила Перелешина и поручилъ ему осмотрѣть: не перебиты ли проводники шестовыхъ минъ и заготовить шестъ. На это Перелешинъ заявилъ мнѣ, что онъ и лейтенантъ Жеребко-Ротмистренко просятъ разрѣшить имъ броситься на двухъ минныхъ катерахъ въ море и атаковать среди бѣлаго дня. Не смотря на весь рискъ, связанный съ исполненіемъ подобной просьбы, я бы ее и исполнилъ, но зыбь была такъ велика, что паровые катера вѣроятно не выгребли бы, а потому, я отказалъ. Едва Перелешинъ спустился съ мостика, какъ лопнувшая вдоль палубы бомба, однимъ изъ осколковъ своихъ оторвала ему ногу у самаго паха и въ этомъ видѣ, несомый раненый желалъ мнѣ сообщить еще

нѣсколько данныхъ объ употребленіи минныхъ катеровъ."

„Страшная рана Перелешина, разбитая мортира, два убитыхъ офицера, четыре раненыхъ, пожаръ въ жилой палубѣ—не могли устрашить лихой экипажъ ввѣреннаго мнѣ судна, офицеры, начиная со старшаго и кончая молодымъ мальчикомъ, юнкеромъ Яковлевымъ, братомъ убитаго, явили себя героями; на мѣсто убитыхъ артиллерійскихъ офицеровъ всталъ лейтенантъ Кротковъ, и хотя въ тотъ моментъ, какъ наводивъ орудіе, граната, лопнувшая сзади, пробила его платье, по крайней мѣрѣ въ сорока мѣстахъ и опалила всѣ волосы на головѣ, онъ, опаленный и 17-ти ранами въ спинѣ, продолжалъ наводить мортиру, которая не могла дѣйствовать аппаратами Давыдова, ибо проводники уже не существовали. Лейтенантъ же Рождественскій, занявъ мѣсто полковника Чернова, распоряжался дѣйствіемъ другой мортиры, стоя на возвышеніи банкета индикатора Давыдова. Благодаря ему, брашенная бомба ударила непріятеля въ крышу башни и лопнула внутри около амбразуры

большого орудія. На палубѣ турокъ произошло сильное замѣшательство, которымъ къ несчастію, мы вполнѣ не могли воспользоваться, ибо осколкомъ бомбы согнуло штуртросъ, и руль, къ ужасу моему, пересталъ дѣйствовать, пароходъ бросило лагомъ и дало возможность туркамъ осыпать насъ гранатами, начиненными всякою гадостью. Одна изъ гранатъ перерезала паровыпускную трубу и обдало осколками весь мостикъ, убивъ наповалъ двухъ стрѣлковъ, взятыхъ мною къ себѣ и дѣйствовавшихъ изъ малокалиберныхъ скорострѣльныхъ ружей, по амбразурамъ непріятельскихъ погонныхъ орудій. Въ это же время послѣдній артиллерійскій офицеръ Кротковъ былъ раненъ осколками въ лицо, я же легко контуженъ въ голову и лѣвую руку; ординарецъ мой юнкеръ Яковлевъ, тоже контуженъ въ голову; вся машина осыпана осколками, но, благодаря Бога, блиндировка койками съ боковъ цилиндровъ, а матрацами сверхъ машиннаго люка, спасли машину отъ порчи. Это былъ послѣдній серьезный залпъ непріятеля. Изъ его большой погонной пушки онъ дѣйствовать

больше не могъ; онъ все старался лечь къ намъ лагомъ, чего, конечно я не давалъ ему исполнить — и онъ замѣтно сталъ отставать, такъ что вскорѣ, вмѣсто ружейныхъ пуль перестали долетать до непріятеля и наши 9 фунтовыя снаряды. За тѣмъ у него изъ палубы повалилъ густой паръ или дымъ, и послѣ еще двухъ, трехъ нашихъ выстрѣловъ, непріятель легъ сперва на курсъ Nt.W. а потомъ NW и сталъ быстро уходить."

„Видя два орудія у себя подбитыми, имѣя въ корпусѣ двѣ пробоины, двухъ офицеровъ убитыми и четырехъ ранеными, а палубу заваленную осколками и человѣческимъ мясомъ, и что главное—видя, что машенисты и кочегары едва держатся на ногахъ, послѣ пятичасоваго боя, я перѣшился преслѣдовать энергично убѣгавшаго, быстроходнаго врага; тѣмъ болѣе, что онъ поднялъ какой-то сигналъ и на горизонтѣ стали показываться еще рангауты судовъ".

„Доносить о подвигахъ особенно отличавшихся гг. офицеровъ я по совѣсти не могу; какъ честный человѣкъ могу сказать одно, что кромѣ меня, исполнявшаго лишь свой

долгъ, остальные заслуживаютъ удивленія геройству ихъ и тому достоинству, съ которымъ они показывали примѣръ мужества и не обычайной храбрости. Старшій офицеръ, лейтенантъ Владиміръ Перелешинъ былъ мною посланъ тушить пожаръ въ жилой палубѣ, прибѣгая туда, онъ наткнулся на посилки со страдальцемъ его братомъ; Владиміръ Перелешинъ, не смотря на то, что дѣлалось у него на душѣ, не останавливаясь прибѣжалъ къ мѣсту пожара, и, съ помощію мичмана Петрова и гардимарина Кознакова погасилъ пожаръ надъ пороховыми бомбовыми погребами. Только сегодня, при осмотрѣ въ Севастополѣ докторами раненыхъ оказалось, что лейтенантъ Перелешинъ контуженъ въ голову. Убиты подполковникъ Черновъ прапорщикъ Яковлевъ и 9 человѣкъ нижнихъ чиновъ. Умеръ, на другой день послѣ ампутаціи, лейтенантъ Перелешинъ".

„Долгъ мой заставляетъ меня упомянуть о самоотверженіи князя Голицына-Головкина: замѣтя, что мостикъ въ особенности осыпается снарядами и что нѣкоторые изъ непріятельскихъ снарядовъ покрыли уже мо-

стикъ, заблиндоированный мною отъ коекъ, въ виду прикрышки ими машины, Голицынъ, подъ всякими предлогами, старался заслонить меня, желая лишъ служить щитомъ".

„Штурманскій офицеръ штабсъ-капитанъ Корольковъ стоялъ все время у штурвала задомъ къ непріятелю, не отрывая глазъ отъ кортушки компаса и отъ души сердясь на лопанье гранатъ, заставлявшее кортушку прыгать, и во время одного изъ непріятельскихъ залповъ, необращая вниманія на то, что сзади ея дѣлалось, онъ приказалъ сигнальщику убрать исковеркашный ружейный стволъ, брошенный къ самому компасу, въ видахъ того, что желѣзо ствола можетъ вредить девіаціи компаса, и не замѣчая, что ружье это принадлежало одному изъ нѣсчастныхъ стрѣлковъ, разорванныхъ бомбою на мостикѣ".

„Увидя бѣгство броненосца, я велѣлъ подобрать трупы и предполагая, что прибыль воды отъ пробоинъ не позволитъ разсчитывать на сохраненіе порядочнаго хода, а слѣдовательно, могъ ожидать повторенія атаки, отъ новыхъ турецкихъ броненосцевъ, я при-

готовилъ судно, на сколько могъ, къ новому бою; затѣмъ приказалъ пропѣть громко молитву въ благодарность Богу за побѣду, послѣ чего дружно прокричали троекратно „ура“ въ догонку уходящему врагу; не отвѣчавшему болѣе на наши выстрѣлы“.

„Изъ нижнихъ чиновъ мнѣ также очень трудно указать наиболѣе отличившихся — отличны были всѣ. На сколько я могъ запомнить, болѣе другихъ выдавались боцманъ Власовъ и два командира, оставшіеся живыми при кармовыхъ орудіяхъ; рулевые, не обращая вниманія на происходившее вокругъ нихъ, правили рулемъ, какъ бы въ обыкновенномъ плаваньи“.

„Съ какимъ броненосцемъ имѣлъ я дѣло — не знаю, но онъ всего болѣе похожъ по конструкціи на типъ турецкихъ корветовъ - тораповъ; у него орудія были двояко установлены: самое большое отъ 10 до 11 дюймовъ колибра, впереди въ сѣрой башнѣ, вѣроятно, также орудіе было и на кормѣ; по срединѣ же судна былъ блокгаузъ, изъ котораго дѣйствовали четѣре орудія 7 дюймоваго калибра, кромѣ того было нѣсколько малыхъ

орудій 4 и 9 фунтовыхъ. Бой турецкихъ ружей не уступалъ нашимъ и въ разстояніи 600 и 800 саженей, турки посылали намъ залпъ за залпомъ изъ ружей, оставившіе слѣды на параходѣ. Видя безвредность огня изъ ружей, я употреблялъ свои только тогда, когда турокъ нагналъ насъ такъ, что между нами осталось не болѣе 350 или 400 сажень. Въ это время я ясно видѣлъ красныя фески въ амбразурахъ орудій, одну феску на мостикѣ около какого то зеркальнаго инструмента, наводившагося на насъ и управлявшаго нѣсколькими лицами въ европейскомъ костюмѣ синяго цвѣта. Мнѣ сильно хотѣлось сбить упоминаемый инструментъ и европейскія фуражки, и я объявилъ тремъ лучшимъ стрѣлкамъ и комендору энгстремовскаго орудія премію за исполненіе моего желанія. Залпъ ружей и орудія раздался, двѣ синія куртки упали, феска исчезла, но инструментъ остался. Остается добавить, что старшій механикъ подпоручикъ Плишинскій, его помощникъ и судовой докторъ титулярный совѣтникъ Франковскій, во все время боя, а послѣдній и долгое время по-

томъ, каждый дѣйствовали не подражаемо хорошо. Вели себя примѣрно также дворяне Джевецкій и Мельниковъ—два юнга переводчикъ греческо-поданный Спироцулло и вольный штурманъ Викторовъ,—все шесть поступившіе на „Весту“ волонтерами.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Вторая атака Плевны.

Первое дѣло подъ Плевною было единственною неудачею, испытанною русскими на Европейскомъ театрѣ войны; но эта была серьезная неудача, значеніе коей усиливалось еще тѣмъ, что она была слѣдствіемъ отсутствія самой обычной военной предосторожности. Командиръ 9 го корпуса, направляясь къ Никополю, сдѣлалъ ту ошибку, что не счелъ нужнымъ прикрыть свой флангъ и не выслалъ кавалеріи для занятія Плевны, которая въ то время имѣла лишъ слабый

гарнизонъ. Турецкая колонна, выступившая изъ Видцина на выручку Никополя убѣдилась, что она опоздала, а потому повернула въ сторону и заняла Плевну. Желая исправить свою ошибку генералъ Криденеръ выслалъ изъ Никополя три полка для занятія Плевны, не позаботившись о предварительной рекогносцировкѣ. Этотъ отрядъ, послѣ упорнаго боя, дѣйствительно занялъ Плевну. Вступивъ въ нее, солдаты сложили тутъ же на улицахъ свои ранцы и шинели и, въ убѣжденіи, что все уже сдѣлали, разстроили свои ряды и свободно ходили по улицамъ, распѣвая пѣсни. Патрули не были высланы впередъ для развѣдокъ по закаулкамъ города; конные разъѣзды не были также разосланы. Дорого поплатился отрядъ за эти упущенія. Вдругъ изъ сотни оконъ и балконовъ открытъ былъ убійственный огонь противъ разсыпавшихся по улицамъ рядовъ; солдаты подверглись нападенію со всѣхъ сторонъ. При поспѣшномъ отступленіи русскіе потеряли около 2800 человѣкъ. Отступавшіе видѣли, какъ непріятель добивалъ ихъ раненыхъ.

22 іюля князь Шоховской получилъ приказаніе покинуть свою позицію у Османъ-Базара и, оставивъ тамъ двѣ пѣхотныя бригады, двинуться съ одною пѣхотною и одною кавалерійскою дивизіями на Плевну, поперекъ операціонной линіи отъ востока къ западу. 30 я пѣхотная дивизія принадлежавшая къ 4 корпусу, которая въ это время переправлялась чрезъ Дунай у Земницы, также получила приказаніе направиться къ Плевнѣ и состоя подъ командою князя Шаховскаго 9-й корпусъ расположенный въ Никополѣ и его окрестностяхъ получилъ приказъ предпринять движеніе на Плевну, согласуя свои дѣйствія съ отрядомъ Шаховскаго. Полки этого корпуса, потерпѣвшіе первое пораженіе у Плевны, просили, чтобы имъ предоставлено было идти въ первую голову при второй атакѣ.

Князь Шаховской сдѣлалъ весь переходъ отъ подножія Балканъ до Каргача въ шесть дней. Пѣхотные полки шли въ темнотѣ по улицамъ поднимая тучи пыли и направлялись къ полямъ за деревней, что бы расположиться тамъ на ночлегъ; кавалерійская

бригада прикрывала фронтъ впереди позиціи, а разъѣзды, высланные для развѣдокъ, приносили свѣдѣнія, доказывавшія, что предстояло не легкое дѣло. Свѣдѣнія эти удостовѣряли, что Плевна была занята всею арміею Османа-паши изъ Виддина, подкрѣпленнаго сверхъ того батальонами, прибывшими изъ Софіи, а также тѣми которые возвращались изъ Черногоріи; такъ что силу турокъ вычисляли до сорока тысячъ. Ретраншаменты турецкой арміи простирались полукругомъ вдоль цѣлаго ряда деревень, расположенныхъ около Плевны. Полукругъ этотъ отстоялъ отъ города на 5 миль и упирался обоими концами въ рѣку Видъ. Значительный турецкій авангардъ находился у Гривицы, лежавшей на дорогѣ къ Плевнѣ, по которой двигались войска Шаховскаго. Деревни, входившія въ турецкую позицію отъ сѣвера къ югу были слѣдующія: Пличица на р. Видѣ, Буково, Радищево, Тугеница и Боготъ. Шаховской, какъ сказано находился при Карачѣ. Генералъ Кридеперъ находился въ эту ночь по дорогѣ изъ Никополя въ Плевну, на разстояніи 8 миль къ сѣверо-западу отъ бивуака

князя Шаховского. Какъ старшій генералъ, Криденеръ номинально начальствовалъ надъ всѣми войсками, но онъ дѣйствовалъ по инструкціямъ Главнокомандующаго изъ Тырнова.

Въ ночь на 28 іюля Скобелевъ 2-й прибылъ въ квартиру князя Шаховскаго изъ Тырнова ему поручена была временно команда надъ казачьею дивизіею, входившею въ составъ отряда князя Шаховскаго и приказаніе было двинуться съ этою дивизіею къ югу и занять, при возможности, Ловчу, важную позицію на пути отъ Плевны къ Болканамъ,—предпріятіе, которое пришлось исполнить проходя вдоль непріятельскаго фронта, рискуя подвергнуться нападенію на пути. Утромъ князь Шаховской оставилъ свою позицію близь Карагача и предпринялъ рекогносцировку по направленію къ Плевнѣ, со стороны Гривицы, гдѣ трупы убитыхъ русскихъ въ первомъ дѣлѣ у Плевны, валялись еще не погребенными. Путь его пролегалъ по прекраснымъ лугамъ и долинамъ. Турокъ не было видно, но слышна была канонада къ югу, куда направился Скобелевъ.

Повернувъ нѣсколько къ югу, князь Шаховской остановился на ночлегъ у деревни Порадишъ, выдвинувъ впередъ одну пѣхотную бригаду. Другая бригада слѣдовавшая за нею, провела эту ночъ близъ Карагача. Русскій фронтъ былъ растянутъ такимъ образомъ съ цѣлію концентрически двинуться на Плевну, при чемъ имѣлось въ виду окружить непріятеля одновременной атакой кавалеріи на оба его фланга. Разъѣзды, высланные впередъ, наткнулись на турокъ въ Радищевѣ, Тугеницѣ, Боготѣ и Владинѣ. Ночью вернулся генералъ Скобелевъ, привезшій извѣстіе, что Ловча и промежуточныя деревни всѣ заняты большими силами турокъ. Къ вечеру около нашего лагеря стали собираться отчаянныя толпы Болгаръ, бѣжавшихъ отъ турокъ изъ деревень по дорогѣ къ Ловчѣ. Нѣкоторые изъ толпы были страшно изуродованы турками.

Ночъ съ 29 на 30 прошла въ приготовленіяхъ къ бою, котораго всѣ ждали съ восходомъ солнца. Криденеръ однако рѣшилъ подождать еще одинъ день, чтобы окончить свои диспозиціи и дать возможность своимъ

войскамъ отдохнуть послѣ утомительнаго перехода. Такимъ образомъ прошелъ еще одинъ день въ бездѣйствіи, войска были подвинуты ближе къ мѣсту, намѣченному для атаки. Получены были извѣстія, что передвиженіе турецкихъ войскъ на Ловчу прекратилось, что отчасти упрощало задачу, такъ какъ не было надобности постоянно наблюдать въ ту сторону. Послѣ обѣда 30-го числа состоялся совѣтъ въ Порадимѣ, въ которомъ приняли участіе Шаховской, Криденеръ и всѣ дивизіонные и бригадные командиры. Всѣ полковые и батальонные командиры ожидали тутъ же окончательныхъ диспозицій. Было рѣшено, что дѣло начнется на утро въ 5 часовъ общею концентрическою атакою съ фронта плевненскихъ позицій и что Шаховской со штабомъ двинется въ 4 часа утра. Нѣсколько адъютантовъ Великаго Князя прибыли изъ Тырнова и были распредѣлены по разнымъ частямъ для наблюденій, дабы они могли не медленно отправиться ся съ донесеніемъ о результатахъ дѣла. Трудность предстоявшаго дѣла сознавалась вполнѣ, ибо развѣдки показали, что турки

были въ болѣе значительномъ количествѣ, чѣмъ предполагали впачалѣ. Изъ одного Виддина прибыло 20 тысячъ регулярнаго войска. Было извѣстно, что турецкія позиціи, сами по себѣ крѣпкія, были еще искуственно укрѣплены.

Ночь на 31 число была влажна. Войска вышли только въ 6 часовъ утра. Количество пѣхоты простиралось до 32 тысячь, при 106 орудіяхъ и трехъ кавалерійскихъ бригадахъ. Баронъ Криденеръ занималъ правый флангъ, имѣя въ первой боевой линіи только 31-ю пѣхотную дивизію, а въ резервѣ три полка 5-й пѣхотной дивизіи, расположенные при Карагѣ. Онъ долженъ былъ повести аттаку двумя колоннами, по одной бригадѣ въ каждой. На лѣвомъ флангѣ былъ Князь Шаховской съ одною бригадой отъ 30-й дивизіи въ первой линіи. Другая бригада 30 й дивизіи стояла въ резервѣ у Пелишата. Турецкая позиція имѣла форму нѣсколько сдавленной подковы. обращенной къ намъ своею выпуклою стороною. Баронъ Криденеръ долженъ былъ остановить лѣвое крыло турокъ отъ Гравицы къ Виду; Князь Шахов-

ской имѣлъ напасть на ихъ правый флангъ отъ Радищева къ Виду. На лѣвомъ русскомъ флангѣ сталъ генералъ Скобелевъ съ казачьей бригадой, батальономъ пѣхоты и одною баттареей. Его назначеніе было наблюдать за линіей сообщенія между Ловчей и Плевной, дабы, въ случаѣ надобности, воспрепятствовать движенію турокъ отъ Ловчи во флангъ князю Шаховскому; на правомъ флангѣ генералъ Лошкаревъ съ двумя полками кавалеріи охранялъ Криденера отъ контръатаки.

Главная ошибка диспозиціи заключалась въ томъ, что Кридинеръ и Шаховской на дѣлѣ оперировали независимо другъ отъ друга, такъ какъ обѣ аттаки велись въ слишкомъ большомъ разстояніи одна отъ другой и не имѣли между собою никакого связующаго звена. Но важнѣйшее упущеніе, въ немъ не были виноваты командиры, было то, что аттакующія силы были не достаточны. Послѣ предшествовавшей неудачи не слѣдовало ничего предоставлять случайности и не должно было аттаковать турокъ въ укрепленной позиціи, имѣя недостаточныя силы.

Артиллерія должна была подготовить аттаку пѣхоты, но дѣйствіе артиллеріи значительно теряетъ въ своей силѣ, когда ей приходится обстрѣливать ретраншементы, растянутые на большое пространство. Ошибка Криденера дала возможность туркамъ защитить свои позиціи окопами и они этимъ вполнѣ воспользовались,

Утро было пасмурное, что русскіе приняли за хорошее предзнаменованіе. Войска, проходя мимо командира, привѣтствовали его могучими кликами. На свѣтѣ нѣтъ болѣе красивыхъ солдатъ. Находясь въ положеніи критическомъ, не имѣя за собою никакого обоза и неся на себѣ шинель и походную сумку съ раціонами и патронами, эти люди казались готовыми идти куда угодно и сдѣлать что потребуется. Правый флангъ Шаховского двинулся на Пелишатъ и Сгалуицу, лѣвая колонна направилась прямо на Радищева. Артиллерія пошла впередъ и дѣйствовала независимо отъ пѣхоты.

Криденеръ началъ аттаку на правомъ флангѣ, открывъ огонь по турецкимъ окопамъ въ девять съ половиною часовъ утра.

На первыхъ порахъ казалось, будто турки застигнуты врасплохъ. Они сначала вовсе не отвѣчали, но потомъ стали стрѣлять усиленно и не оставались въ долгу. Цѣлью операцій Шаховского была на первыхъ порахъ деревня Ридишево. Эта деревня расположена въ долинѣ, позади коей есть возвышеніе. Съ этой стороны наша артиллерія обстрѣливаетъ турецкую позицію съ отличнымъ успѣхомъ, подъ прикрытіемъ этого огня пѣхота спустилась въ долицу. Радишево было занято русскими войсками послѣ небольшой стычки; горсть баши-бузуковъ была выбита оттуда штыками, пѣхота осталась въ деревнѣ. Наши баттареи мѣткимъ и удачнымъ огнемъ заставили турецкую артиллерію удалиться. Съ противоположной высоты во время перестрѣлки князь Шаховской проѣхалъ мимо нашихъ баттарей, подъ сильнымъ непріятельскимъ огнамъ направленнымъ на баттареи. Когда удалилась турецкая артиллерія, наши баттареи спустились въ Радишево и оттуда стали взбираться на противоположныя высоты покинутыя турками; пѣхота послѣдовала за артилле-

ріей и расположилась за деревней. Пять нашихъ баттарей вскорѣ открыли огонь противъ турецкой артиллеріи, расположившейся на одной изъ возвышенностей. Жалкій видъ представляли жители Радишева, стоявшіе группами предъ своими домами. Въ то время какъ на улицахъ всюду лопались гранаты, маленькія дѣти беззаботно рылись въ пескѣ, занимаясь своими обыденными играми, не вѣдая о страшной опасности. Но судьба войны была милостива къ жителямъ. Не смотря на то, что въ деревнѣ упало нѣсколько сотъ гранатъ, ни одинъ изъ жителей не пострадалъ.

Четыре турецкія баттареи защищали маленькую деревушку, которая была ихъ передовою позиціей, а за нею виднѣлись еще и еще укрѣпленія вплоть до ущелья, въ которомъ виднѣлись крыши и башни города Плевны, которая имѣла привѣтливый видъ мирнаго уголка, что составляло громадный контрастъ съ канонадой, кипѣвшей вокругъ него.

Въ часъ дня русская пѣхота еще вигдѣ не вступала въ дѣло. До сихъ поръ все

ограничивалось лишь турецкой перестрѣлкой. Криденеръ на правомъ флангѣ нисколько не подвинулся впередъ, а его одновременное движеніе было необходимо для общей атаки. Было бы лучше, еслибъ Шаховской приступилъ къ энергическому дѣйствію въ полномъ сознаніи этой необходимости, обусловленной очевидною силою турецкой позиціи. Почему Криденеръ медлилъ, Шаховскому было неизвѣстно. Потерявъ терпѣніе Шаховской рѣшился, на собственный страхъ атаковать турокъ независимо отъ Криденера. Но такая поспѣшность послѣдняго была неумѣстна, и послѣдствія такой ошибки были весьма неблагопріятны для русскихъ.

Въ половинѣ второго часа наступилъ второй періодъ сраженія. Чтобы убѣдиться, достаточна ли артиллерія подготовила дѣло для наступленія пѣхоты Шаховской съ своимъ штабомъ направился на мѣсто расположенія баттарей, но весь штабъ вскорѣ долженъ былъ спѣшиться, потому что турки послали цѣлую тучу гранатъ въ группу всадниковъ. Послѣ осмотра Шаховской убѣдился, что настало время дѣйствовать пѣ-

хотѣ, не смотря даже на то, что онъ располагалъ лишь двумя бригадами въ первой линіи и одною въ резервѣ. Другими словами, рѣшено было бросить 15 тысячъ человѣкъ противъ непріятеля гораздо сильнѣйшаго занимавшаго крѣпкую позицію, мало ослабленную артиллерійскимъ огнемъ русскихъ баттарей.

Передовымъ батальонамъ приказано было двинуться чрезъ возвышенность, на которой расположены были наши баттареи. Это приказаніе было встрѣчено радостными кликами пѣхоты, которая тяготилась своимъ бездѣйствіемъ. Батальоны скорымъ шагомъ проходили долину Радишево и стали подниматься на возвышенность въ ротныхъ колоннахъ со стрѣлками впереди. Артиллерія усилила огонь съ тою цѣлію, чтобы помочь пѣхотѣ, въ то время, когда она прошла первую возвышенность и стала спускаться во вторую долину, направляясь на турецкія позиціи. Но прежде, чѣмъ достигнуть первой высоты, на которой были наши пушки, пѣхота развернула фронтъ и построилась въ двѣ шеренги. Турецкія гранаты уже стали долетать до нее и уже

вырвано нѣсколько человѣкъ изъ рядовъ по длинная линія пѣхоты бодро подвигалась впередъ, спускаясь съ высотъ въ долину, отдѣлявшую отъ ней непріятеля. Строй, въ какомъ двинулась пѣхота, нѣкоторое время сохранялся, но мало по малу отъ нетерпѣливаго порыва впередъ однихъ и отставанія другихъ, вырванныхъ непріятельскими снарядами изъ шеренги, строй сталъ терять свою правильность; тѣмъ не менѣе все подвигалось впередъ. Всѣ эти люди видимо горѣли нетерпѣніемъ сразиться съ врагомъ, который осыпалъ ихъ пулями, сидя подъ прикрытіемъ своихъ траншей тамъ впереди. Вотъ по всей линіи подвигавшейся пѣхоты данъ залпъ изъ ружей, шеренги продолжаютъ свое наступленіе: вотъ онѣ приблизились къ непріятельской позиціи, ружейный огонь усилился, но звуки его заглушаются канонадою турецкихъ орудій открытою сверху. Послышались крики „ура“. Боевая возбужденность достигла высшей степени. Колонны второй линіи выдвигаются впередъ. Храбрые артиллеристы начинаютъ осыпать турокъ гранатами, турецкая артиллерія начинаетъ ко-

лебаться. Между русскими и турками разстояніе не болѣе ста сажень. Солдаты 32 й пѣхотной дивизіи неистово бросаются впередъ. Турки за своими прикрытіями держатся стойко и ихъ ружейные залпы производятъ страшное опустошеніе въ рядахъ русскихъ воиновъ. Лошадь полковаго командира падаетъ, но самъ онъ черезъ минуту на ногахъ и, махая саблей, пѣшкомъ ведетъ своихъ людей впередъ; но онъ прошелъ немного, вдругъ зашатался и упалъ, убитый на повалъ. Его солдаты съ бѣшенымъ крикомъ бросаются впередъ, чтобы отомстить за смерть своего командира. Въ мигъ они перескочили чрезъ окопы и очутились среди турокъ. Не многіе изъ турокъ, бывшихъ въ этой траншеѣ уцѣлѣли подъ штыками и прикладами храбрецовъ. Первая линія непріятельскихъ окоповъ въ рукахъ русскихъ. Они не подумали воспользоваться взятыми окопами, чтобы оттуда обстрѣливать главную позицію непріятелей, а перескочили черезъ ровъ и двинулись нестройными рядами къ открытому хребту возвышенія. Огонь турокъ дѣйствовалъ на нихъ убійственно, что за

ставляло мѣстами останавливаться. Прошло около получаса, когда они достигли главнаго турецкаго укрѣпленія. На этотъ разъ турки не дожидались аттаки штыкомъ, дали послѣдній залпъ по наступавшимъ и бѣжали изъ окопа. Видны были толпы бѣжавшихъ по садамъ и виноградникамъ турокъ подъ прикрытіе своихъ баттарей, расположенныхъ позади этого окопа.

Такимъ образомъ пала первая турецкая позиція. Такъ какъ тутъ была деревня, представлявшая нѣкоторое прикрытіе, то Шаховской поступилъ бы благоразумно, если-бы до тѣхъ поръ пока Криденеръ завладѣлъ бы Гривицкими траншеями, удовольствовался удержаніемъ позиціи и укрѣпился въ ней. А Криденеръ видимо терпѣлъ неудачу, такъ какъ турки бѣшено сопротивлялись. Ихъ оказалось болѣше, чѣмъ сколько можно было ожидать подъ Гривицею. Тѣмъ не менѣе князь Шаховской рѣшился идти впередъ, но первый натискъ оказался выше его силъ. Пришлось нѣсколько разъ повторить наступленіе. Люди нѣсколько времени стояли на одномъ мѣстѣ, напрасно подвергаясь выстрѣ-

лам̀ъ, многіе падали, движеніе запнулось. Но появленіе одного полка изъ резерва одушевило разстроенные ряды русскихъ и они снова двинулись стремительно впередъ. Но въ тоже время и турки получили подкрѣпленіе. Завязалась горячая схватка. Русскимъ удалось занять на время вторую турецкую позицію, но удержаться на ней они не могли.

Около шести часовъ турки выдвинули густыя колонны, чтобы снова завладѣть своими окопами. Шаховской рѣшился на смѣлый маневръ. Онъ выдвинулъ на первую линію двѣ баттареи, коими старался отбить наступленіе турокъ, но ничто не могло удержать натиска послѣднихъ и къ семи часамъ они снова овладѣли своею второю позиціей. Всѣ патроны у нашихъ были разстрѣляны, и взять ихъ было негдѣ, такъ какъ обозы оставались далеко назади. Тутъ надежда на выигрышъ покинула даже самыхъ смѣлыхъ. Двумъ ротамъ удалось ворваться въ городъ, но тутъ на нихъ посыпались пули со всѣхъ сторонъ и онѣ должны были отступить. Тутъ турки ударили съ

новою силою. Побѣда была за ними. Благодаря сумеркамъ они прокрались до первой линіи и взяли три русскихъ пушки прежде чѣмъ баттареи могли ихъ увезти. Турецкія гранаты снова стали ложиться въ Радишевѣ, переполненномъ русскими ранеными. Позднѣе ночью баши-бузуки разсыпались по полю сраженія и добивали несчастныхъ раненыхъ русскихъ, которыхъ не успѣли санитары убрать съ поля. Слышались безпомощные крики и стоны умерщвляемыхъ и дикіе возгласы упоенныхъ побѣдой изувѣровъ. Это были минуты, когда русское сердце готово было выпрыгнуть изъ наболѣвшей груди.

Въ 9 часовъ штабъ Шаховского оставилъ занимаемыя имъ высоты и медленно двигался по полю, чтобы не наступить на раненыхъ. Объ отдыхѣ и остановкѣ не могло быть и рѣчи такъ какъ баши-бузуки настойчиво насѣдали на отступавшихъ.

Потери русскихъ во время второй атаки Плевны были весьма значительны, но и турки въ свою очередь потеряли очень много.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

На Шипкѣ.

Двукратная неудача подъ Плевною была причиною того, что быстрое движеніе Гурко съ его лихимъ отрядомъ за Балканы должно было пріостановиться. Генералу Гурко приказано было отступить обратно къ прежде взятымъ позиціямъ и удержаться на нихъ. Гурко высылавшій свои разъѣзды по всѣмъ направленіямъ долины Тунджи и Марицы, перешедшій послѣ нѣсколькихъ удачныхъ стычекъ за Тырново на Мардузъ, медленно отступилъ къ Балканамъ, преслѣдуемый по пятамъ Сулеймаиомъ-пашой. Послѣ краткаго

боя 31-го іюля онъ очистилъ Эски-Загру, также оставилъ и Казанлыкъ. Онъ нашелъ довольно много времени занять Балканскіе проходы, не смотря на то, что сильная турецкая армія преслѣдовала его. Связь была сохранена усиленными дивизіями въ Габровѣ и Тырновѣ.

Сулейманъ-паша съ отборнымъ войскомъ началъ наступать на Гурко. Ударъ противъ Эски-Загры, по его распоряженію, долженъ былъ послѣдовать одновременно съ востока, юга и запада, чтобы совершенно стерѣть русскихъ съ лица земли. Рѣшимость Гурко разстроила весь его планъ. Быстро наступая, онъ разбилъ Эскизагрскую позицію, нагналъ отрядъ Реуфа-паши, шедшій въ Карабунаръ съ тылу и нанесъ ему окончательное пораженіе. Но Гурко не могъ воспользоваться плодами этой побѣды, отступая передъ численнымъ превосходствомъ Сулеймана-паши, бросивъ Эски-Загру, а потомъ и Казанлыкъ. Въ тоже время происходила битва при Плевнѣ. Сулейманъ получилъ отъ своего главнокомандующаго приказъ приблизиться по возможности къ главной турецкой арміи,

чтобы вмѣстѣ съ находящимся на востокѣ Османомъ-пашой оперировать противъ Тырнова. Вслѣдствіе этого приказа турецкія войска придвинулись 15-го августа изъ Ханкіоя къ ханкіойскому проходу, на востокъ отъ Шипкинскаго, наткнулись на стоявшій здѣсь Елецкій полкъ и 17-го опять очистили проходъ. Сулейманъ же 19-го занялъ деревню Шипку и открылъ ужасающее нападеніе на фронтъ Шипкинскаго прохода, не будучи однакожъ въ состояніи вытѣснить оттуда геройски защищавшихся русскихъ изъ занимаемыхъ ими укрѣпленій.

Генералъ Гурко сложилъ съ себя командованіе передовымъ отрядомъ и уѣхалъ въ Петербургъ, откуда вернулся съ гвардейскимъ корпусомъ нѣсколько позже. Шипкинскій проходъ былъ занятъ болгарскимъ легіономъ и однимъ пѣхотнымъ полкомъ 9-й пѣхотной дивизіи подъ командою генерала Столѣтова, въ немъ было 40 горныхъ орудій. Систематически устроенные шанцы и прикрытія для стрѣлковъ усиливали природную крѣпость. 21 августа, Сулейманъ-паша, имѣя 40 таборовъ, энергично приступилъ къ

этой крѣпости. Турки съ яростію бросились на крѣпость; ихъ офицеры постоянно вводили свѣжія войска въ аттаку, принуждая и отступающихъ опять идти впередъ. Сулейманъ-паша задумалъ обходъ, выдвигая чрезъ Озанъ Дагъ отрядъ, которому удалось занять позицію въ русскомъ флангѣ при Селендеревѣ и втащить полубаттарею на высоту, командующую надъ русской позиціей. Но попытка дойти до Баскіоя и ударить русскимъ въ тылъ не удалась ему. Отрядъ этотъ былъ отброшенъ съ громадными потерями. Нападеніе съ фронта послѣдовало со стороны Караллы у подошвы прохода. Отсюда дорога шла чрезъ густые лѣса, поднимаясь все выше и выше. Подъ прикрытіемъ этого лѣса турецкіе стрѣлки подвигались впередъ къ обѣимъ сторонамъ дороги. Выдвинутые русскіе отряды были оттиснуты сильнымъ ружейнымъ огнемъ, но нападающіе турки были оттуда встрѣчены съ высоты Марково Кральскаго града убійственнымъ ружейнымъ огнемъ, послѣ чего русскіе съ своей стороны бросились въ штыки и отбросили турокъ.

Такимъ образомъ борьба продолжалась нѣсколько сутокъ. Нельзя было получить съ желаемою скоростью подкрѣпленія изъ восьмаго корпуса, находившагося при Сельви-Габровѣ и Тырновѣ, такъ какъ и Османъ-паша дѣлалъ демонстрацію отъ Ловчи къ Сельви. Наконецъ русскимъ храбрецамъ явилась помощь: сначала пришла 2 бригада 9 пѣхотной дивизіи изъ Сельви, потомъ стоявшая въ Тырновѣ стрѣлковая бригада, которая для ускоренія перехода сѣла на казачьихъ лошадей вмѣстѣ съ казаками и еще пришла изъ подъ Тырнова одна бригада 14-й пѣхотной дивизіи. Генералъ Радецкій самъ принялъ команду и поспѣшилъ на помощь въ самую критическую для русскихъ минуту, когда турки, овладѣвъ высотами съ правой и лѣвой стороны, обходили оба фланга русскихъ и съ правой стороны уже успѣли возвести баттарею. Жестоко дрались русскіе съ турками въ теченіе 24 и 25 числа. Съ самаго высшаго пункта прохода возвышается почти подъ прямымъ угломъ и спускается узкій хребетъ, увѣнчанный двумя вершинами, обросшими густымъ лѣсомъ, какъ

и лежащія между ними ущелья. Цѣлію всего этого кровопролитія было обладаніе этими вершинами. Сулейманъ-паша, получившій подкрѣпленіе, гналъ своихъ солдатъ въ огонь; русскимъ молодцамъ удалось оттѣснить съ этихъ вершинъ турокъ, дравшихся съ крайнимъ ожесточеніемъ. 26-го числа борьба возобновилась съ новою яростью; но тутъ силы Сулеймана истощились окончательно: изъ сорока тысячъ турокъ, которыхъ онъ гналъ постоянно въ огонь оказалось раненыхъ и убитыхъ около 15 тысячъ. Пока армія Сулеймана истощала свои силы въ борьбѣ для изгнанія русскихъ изъ занятыхъ ими на Шипкѣ позицій, восточная и западная арміи турокъ ровно ничего не предпринимали для поддержки безумно храбраго Сулеймана. Обѣ стороны въ Шипкинскомъ проходѣ дрались съ равнымъ самоотверженіемъ. Позиціи по нѣсколько разъ переходили изъ однихъ рукъ въ другія. Генералъ Радецкій постоянно находился подъ сильнѣйшимъ огнемъ непріятеля и лично предводительствовалъ штурмовавшими колоннами. Самъ онъ и его начальникъ штаба были ранены.

Въ послѣднихъ числахъ августа Сулейманъ со своими войсками отступилъ къ долинѣ Туиджи. Обѣ стороны сохранили прежде занятыя ими позиціи и только случайно обмѣнивались ружейными выстрѣлами и артиллерійской пальбой.

Въ первой половинѣ сентября Радецкій находился лицомъ къ лицу съ Сулейманомъ на Шипкѣ, почти каждый день происходили стычки на форпостахъ. Ночью съ 16-го на 17-е турецкій главнокомандующій; послѣ усиленнаго обстрѣливанія русскихъ позицій, атаковалъ ихъ отборнымъ войскомъ. Турки взяли нѣсколько укрѣпленій, но они опять были отняты русскими и турецкія полчища, послѣ девятичасового боя, были отброшены съ ужасными потерями до южныхъ горныхъ склоновъ. Послѣ этого уже не возобновлялись попытки завладѣть Шипкинскимъ проходомъ. Въ послѣднихъ числахъ сентября Сулеймана отозвали, назначивъ его во главѣ арміи, дѣйствовавшей на рѣкѣ-Ломѣ, а его мѣсто занялъ Реуфъ-паша. Огонь турецкихъ батарей направился преимущественно противъ русскихъ окоповъ, выведенныхъ на

горѣ Св. Николая, господствовавшей надъ всѣми проходами. На южномъ склонѣ Балканскихъ горъ турки, въ свою очередь, воздвигли сильныя окопы. Число арміи, слѣдившей за русскими, уменьшилось значительно въ теченіи октября, а въ концѣ этого мѣсяца Реуфъ-паша очистилъ позиціи; занятыя имъ на востокѣ отъ горы Св. Николая.

Какъ уже сказано выше, нѣкоторыя позиціи на Шипкѣ переходили по нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки. Турки звѣрски относились къ несчастнымъ раненымъ русскимъ воинамъ, остававшимся на этихъ позиціяхъ. Это обстоятельство побудило Великаго князя Николая Николаевича поручить находившемуся при его квартирѣ начальнику дипломатическаго корпуса дѣйствительному статскому совѣтнику Нелидову объявить Европейскимъ дворамъ чрезъ русскихъ пословъ при нихъ объ этихъ звѣрскихъ жестокостяхъ изувѣровъ. Приводимъ дословно депешу Нелидова.

Господинъ посолъ. Оттоманское правительство обнародываетъ чрезъ европейскія газеты рядъ ложныхъ заявленій о мнимыхъ жесто-

костяхъ будтобы совершенныхъ нашими войсками, стараясь, очевидно, этимъ постыдным изворотомъ ввести въ заблужденіе просвѣщенный міръ и отвратить отъ собственной своей арміи заслуженныя обвиненія. Порта, однакожъ, оказалась безсильною воспрепятствовать обнаруженію истины. Не касаясь многихъ случаевъ проявленія турецкаго звѣрства, уже указанныхъ печатью, въ послѣднее время наши войска, при занятіи Шипкинскаго прохода, нашли груду головъ русскихъ солдатъ, коихъ изувѣченныя трупы были найдены по близости. Этотъ фактъ былъ засвидѣтельствованъ нѣсколькими иностранными офицерами, состоящими при нашихъ отрядахъ, а также корреспондентами европейскихъ газетъ, составившими по этому случаю формальный протоколъ.

Препровождая вашему превосходительству копію этого документа, честь имѣю просить васъ, господинъ посолъ, по приказанію Его Высочества Великого князя Главнокомандующаго, дать помянутому протоколу самую широкую огласку черезъ посредство печати той страны, въ которой вы находитесь.“

Подлинное содержаніе этого протокола суть слѣдующіе:

„Казанлыкъ 9-го іюля 1877 года. Мы иностранцы получившіе дозволеніе слѣдовать за дѣйствіями Россійской арміи въ качествѣ представителей нѣкоторыхъ изъ главныхъ органовъ европейской печати, считаемъ своимъ долгомъ засвидѣтельствовать варварскіе поступки, совершенные оттоманскими регулярными войсками, защищавшими шипкинскій проходъ. Въ кровопролитныхъ сраженіяхъ 5 и 6 (17 и 18) іюля, предшествовавшихъ очищенію возведенныхъ турками окоповъ, нѣкоторыя позиціи были поперемѣнно занимаемы и покидаемы обѣими сражающимися сторонами, причемъ они не имѣли времени подбирать убитыхъ и раненыхъ. По окончаніи битвы, оставленные въ значительномъ числѣ турецкіе раненые были подобраны и получили тутъ же на мѣстѣ пособіе отъ русскихъ врачей; но изъ числа русскихъ раненыхъ, имѣвшихъ несчастіе пасть въ мѣстахъ, которыя кратковременно занимались турецкими войсками, ни одинъ не остался живымъ. Отъ двадцати до трид-

цати этихъ несчастныхъ были обезглавлены. У многихъ отрѣзаны ноги, руки, уши, носъ, половыя части, грудь изрублена ятаганами, а головы ихъ, отнесенныя въ турецкій лагерь, найдены были здѣсь русскими солдатами послѣ занятія укрѣпленій. Мы видѣли своими глазами эти отрѣзанныя головы, эти изувѣченныя тѣла, изъ коихъ нѣкоторыя свидѣтельствовали судорожно сжатыми мускулами и скорченными членами о страшныхъ мукахъ увѣчья, причиненнаго заживо. Мы видѣли одинъ обезглавленный, изувѣченный трупъ, еще лежавшій въ лазаретныхъ носилкахъ, на которыя раненый былъ положенъ, а недалеко отсюда также обезглавленныя два тѣла санитаровъ, имѣвшихъ на лѣвомъ рукавѣ повязку „Краснаго Креста.“

Придерживаясь строго только, того что мы сами видѣли и, предоставляя свидѣтелямъ боя, разоблачить нарушенія правъ войны, которыя совершены турками, поднявшими два парламентерные флага, чтобы вслѣдъ затѣмъ вновь открыть огонь противъ русскихъ войскъ, прекратившихъ стрѣльбу— мы отдаемъ на судъ образованнаго міра ту

противоположность, которая представилась на другой день битвы, на разстояніи нѣсколькихъ сотъ метровъ: съ одной стороны болѣе пятидесяти раненыхъ мусульманъ, получившихъ отъ врачей русской арміи необходимую помощь, согласно съ требованіями человѣколюбія, а съ другой стороны — груда обрѣзанныхъ головъ, отвратительный трофей варварства турецкихъ регулярныхъ войскъ."

(Слѣдуютъ подписи)

Нарушеніе правъ войны, выразившееся неуваженіемъ къ парламентерскому флагу означенное въ предыдущемъ протоколѣ 7-го іюля произошло такъ: Генералъ Гурко, въ виду безвыходнаго положенія непріятеля еще 6-го числа послалъ парламентера своего съ письмомъ къ пашѣ, въ которомъ предлагалъ послѣднему сдаться на капитуляцію. Рано утромъ къ генералу Гурко подъ парламентерскимъ флагомъ явился турецкій офицеръ съ отвѣтнымъ письмомъ отъ паши, въ которомъ изъявлялось полное согласіе на предложенную капитуляцію. Тотъ-часъ же

были написаны ея условія и порядокъ обезъ-оруженія турецкихъ войскъ, началомъ коего было назначено 12 часовъ 7-го іюля. При этомъ Генералъ Гурко спросилъ турецкаго офицера, чѣмъ объясняется вѣроломный поступокъ турецкихъ войскъ 6 го іюля, когда съ ихъ стороны былъ выброшенъ бѣлый флагъ, а они стрѣляли по приближавшимся къ нимъ русскихъ съ такимъ же значкомъ? На это парламентеръ отвѣтилъ, что они были не въ состояніи удержать своихъ солдатъ отъ желанія стрѣлять по русскимъ войскамъ, столь близко подошедшимъ къ нимъ и что виновные наказаны жестоко по распоряженію паши. Затѣмъ парламентеръ турецкій уѣхалъ, обѣщая часа черезъ два привезти отвѣтъ паши. Спустя нѣкоторое время послѣ его отъѣзда Гурко пожелалъ воспользоваться временемъ для уборки раненыхъ, оставшихся на полѣ сраженія послѣ вчерашней битвы и съ этою цѣлью послалъ на перевалъ обезоруженныхъ санитаровъ, въ числѣ коихъ были и охотники изъ офицеровъ и солдатъ болгарскаго ополченія.

Пробило 12 часовъ дня, турецкій парламентеръ не являлся, тогда Гурко началъ подозрѣвать, что турки обманули его присылкою своего парламентера и затѣяли переговоры лишь для того, чтобы выиграть время и уйти по горнымъ тропинкамъ безъ преслѣдованія. Такъ оно и вышло.

Тяжелы были дни проведенные русскими героями на Шипкѣ, во время ея обороны. Солдаты не ѣли по нѣсколько дней горячей пищи, въ нѣкоторыхъ пунктахъ ощущался крайній недостатокъ въ водѣ. Приходилось по двое сутокъ проводить безъ сна. И все это переносилось безъ малѣйшаго ропота, къ которому русскій солдатъ вообще не склоненъ по своей натурѣ. Всѣ эти тяжкіе невзгоды не ослабили мощнаго духа русскаго солдата.

Приводимъ два интереснхъ эпизода солдатской удали, заимствованные изъ военнаго сборника изданнаго Мещерскимъ:

11-го августа турки подъ горою Св. Николая, занятою русскими войсками засѣли за камнями противъ нашихъ ложементовъ и, выдвигая камни влѣво и вправо удлиняли

такимъ образомъ свое прикрытіе, откуда они безъ всякаго для себя вреда могли поражать на выборъ русскихъ солдатъ. Убыль нашихъ солдатъ отъ ихъ мѣткаго огня становилась болѣе и болѣе ощутительною. Надо было принять рѣшительныя мѣры къ огражденію потерь съ нашей стороны, происходившихъ отъ горсти турокъ, такъ удачно выбравшихъ себѣ позицію. Пробовали вызывать охотниковъ, но солдатики ежились другъ къ другу и мялись на словѣ. Въ минуту этой нерѣшительности рядовой Леонъ Крудовъ выскочилъ изъ ложемента, держа въ рукѣ не разорвавшуюся турецкую гранату, со словами: „чтожъ братцы, умирать, такъ умирать!“ бросился внизъ къ непріятельскому загражденію. Молодецкая храбрость Крудова опьянила сразу его товарищей; тридцать человѣкъ съ крикомъ „ура“ бросились за нимъ, Внизу у турокъ раздался взрывъ гранаты, съ которою побѣжалъ Крудовъ, началась ожесточенная свалка, послѣ которой непріятель былъ выбитъ изъ своей засады штыками; не многимъ изъ нихъ удалось бла-

гополучно достигнуть берега; большинство ихъ осталось на мѣстѣ.

Другой забавный эпизодъ таковъ. Рядовой Минскаго полка, спустившись въ ущелье за водою, замѣтилъ въ кустахъ одного турка, рубившаго дрова. Минецъ, не желая себя выдать преждевременно, спрятался за кустами, зорко слѣдя за дѣйствіями турка. Послѣдній, нарубивъ сколько ему было нужно, вытащилъ изъ за пояса веревку, связалъ ею дрова и, взваливъ вязанку на свои плечи, тронулся было въ путь, но въ этотъ моментъ почувствовалъ, что чья то желѣзная рука, какъ клещи, схватила и давитъ ему шею. „Аманъ, аманъ!“ возопилъ турокъ, но это ему не помогло.

— Пойдемъ братъ къ намъ, — сказалъ поучительно Минецъ - а тамъ начальство разберетъ.

Такъ онъ и приволокъ на позицію неосторожнаго и растерявшагося турку.

Вода на Шипкѣ добывалась съ большими трудностями и даже опасностію для жизни. Доказательствомъ служитъ то, что дорога, ведущая къ ключу, дававшему воду, въ

сравнительно маломъ количествѣ, къ 12-му августу усѣяна была трупами, служившими нѣкоторымъ образомъ живою траншеею, потому что солдаты, идучи впослѣдствіи за водою, проползали между трупами своихъ же товарищей и этимъ не представляли для непріятеля слишкомъ видимой цѣли, а кого мертвый товарищъ не прикроетъ, того пуля настигала и онъ бѣдняга превращался въ траншею.

Вотъ что значило въ то время вызваться охотникомъ идти по воду, а охотники тѣмъ не менѣе вызывались часто, чему и свидѣтельствовалъ длинный рядъ солдатскихъ труповъ по дорогѣ къ источнику.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Защитники Баязета.

Мы уже сказали вскользь о 23-дневной защитѣ Баязета осаждаемаго турками въ количествѣ чуть ли не въ двадцать разъ большемъ. Въ настоящей главѣ мы намѣрены передать читателю подробности этого блистательнаго дѣла въ которомъ беззавѣтное мужество русскаго солдата и его изумительная выносливость обнаружились во всей силѣ, благодаря энергіи и полнаго сознанія долга геройскаго начальника горсти этихъ храбрецовъ капитана Ѳедора Эдуардовича Штоквича.

По взятіи Баязета, когда зашла рѣчь о назначеніи коменданта, генералъ-маіоръ князь Амилохваровъ указалъ на Штоквича; выборъ этотъ былъ одобренъ генераломъ Тергукосовымъ и утвержденъ Лорисъ-Меликовымъ, при которомъ Ѳедоръ Эдуардовичъ состоялъ въ прошлую компанію при управленіи имъ Карсомъ.

Капитанъ Штоквичъ блистательно оправдалъ оказанное ему довѣріе; энергія и мужество не оставляли его ни на минуту и онъ съ твердостію отвергалъ всѣ предложенія турокъ сдаться.

Помѣщаемъ приказы Штоквича по гарнизону Баязета съ перваго и до послѣдняго дня его осады. Они достаточно выясняютъ то положеніе въ какомъ были защитники этой крѣпости.

Приказъ 4-го іюня 1877 года.

Въ виду могущей случиться осады крѣпости Баязета и отнятія воды изъ текущаго въ крѣпость родника, предлагаю смотрителю кавказа военно-временнаго госпиталя № 11 всю имѣющуюся у него свободную посуду, намъ то: бочки, ванны, ладіи, котлы и тому

подобное наполнить водою изъ крѣпостного родника, которую мѣнять черезъ два дня, а командиромъ ротъ 7 и 8 74 пѣхотнаго крымскаго полка предлагаю по вечерамъ наполнять всѣ котелки солдатскіе и ротные водою, которую выливать по утрамъ 2) Предлагаю смотрителю того-же госпиталя вооружить ввѣренную ему команду ружьями, состоящими при больныхъ и, въ случаѣ выхода, по мѣрѣ подобности гарнизона составлять прикрытіе артиллеріи и находиться на крѣпостныхъ стѣнахъ для прикрытія отступленіе выходящихъ изъ крѣпость частей, а завѣдывающему двумя ротами 73 го крымскаго полка предлагаю вооружить для той-же цѣли имѣющихся въ его распоряженіи 50 человѣкъ пересыльныхъ нижнихъ чиновъ, для чего получить изъ склада 12 скорострѣльныхъ ружей и по 60 на нихъ патроновъ, о на остальныхъ взять оставшіеся ружья у смотрителя госпиталя. 3) предлагаю начальникамъ частей, находящихся въ гарнизонѣ города Баязета приказать заложить всѣ окна камнями, оставивъ бойницы для ружей а на крѣпостныхъ стѣнахъ положить закрытіе изъ камней для

стрѣлковъ, командиру артиллерійскаго взвода сдѣлать изъ мѣшковъ, насыпанныхъ землею закрытіе для орудій, а прислугѣ мѣшки получить изъ склада.

Приказъ 6-го Іюля. На первомъ дворѣ располагается 2-й батальонъ 74-го пѣхотнаго Ставропольскаго полка; на второмъ дворѣ располагается двѣ роты 73-го пѣхотнаго Крымскаго полка, три казачьи сотни часъ на крѣпостныхъ стѣнахъ у оконъ отхожаго мѣста и подваловъ, у воды и знамени 2-го батальона занимаетъ дежурная рота Ставропольскаго полка караулы втораго двора на крѣпостныхъ верхахъ у флага у подвальныхъ оконъ и арестованныхъ занимаетъ Эриванской милиціи караулы перваго взвода дежурная рота Крымскаго полка. Дежурная казачья сотня занимаетъ караулы по окнамъ, надъ крѣпостными верками; въ мечети миретѣ и вообще окна втораго двора; казачьи части даютъ по 6 человѣкъ лучшихъ стрѣлковъ отъ каждой сотни, которые добавляются къ караулу надъ окопами и ночью дѣлятся по три смѣны. Въ виду неизвѣстности продолжительности осады, и такъ какъ ни въ одной

части нѣтъ 8 дневнаго сухарнаго запаса, уменьшаю дневную дачу сухарей на одинъ фунтъ, который получать изъ сдѣланнаго въ крѣпости запаса, а 2-му батальону ставропольскаго полка, имѣющему дачу сухарей по 7-е число сего мѣсяца, продлить по 9-е число, съ какого числа и начать получку сухарей изъ сдѣланнаго запаса. Такъ какъ имѣвшійся въ крѣпости родникъ забитъ непріятелемъ, имѣющійся запасъ воды не слишкомъ великъ, прекращаю варку горячей пищи всѣмъ частямъ, кромѣ госпиталя, въ которомъ для этого сдѣланъ свой запасъ воды. Дача воды по кружкѣ въ день на человѣка. Всѣ офицеры и чиновники, находящіеся въ крѣпости, по не имѣющію запасовъ въ пищѣ, поступаютъ на сухарное и водяное довольствіе наравнѣ съ нижними чинами. Предлагаю начальникамъ всѣхъ частей доставить мнѣ наивѣрнѣйшія свѣдѣнія о числѣ раненыхъ и убитыхъ людей и казенно-подъемныхъ ротныхъ верховыхъ и собственныхъ офицерскихъ лошадей и подобныя свѣдѣнія подавать ежедневно. Такъ какъ крѣпостныя ворота, во ветхости своей пробиваемы пу-

лями, а тѣмъ болѣе будутъ пробиваемы артиллерійскими снарядами, то для обезпеченія гарнизона отъ потери людей приказываю съ завтрашняго числа заложить ворота камнями, для чего на чначить отъ каждой части по 10 человѣкъ рабочихъ.

Приказъ того же числа. Славные русскіе воины? Двадцати пяти тысячный непріятель окружилъ насъ со всѣхъ сторонъ и лишилъ насъ возможности сообщаться со своими, то есть держитъ насъ въ осадѣ. Всякая, вынесенная стойко, съ перенесеніемъ всякихъ лишеній, осада, прославляетъ наше отечество, вѣру и оружіе и въ особенности радуетъ нашего Батюшку Царя, который никогда не забытъ героевъ. Вы же, выдержавши эту осаду, будте истинными героями, прославляемыми Россіею, потому что стойко держась въ этой крѣпости удерживаете хищническія толпы варваровъ отъ вторженія въ предѣлы Эриванской губерніи, гдѣ они, въ случаѣ взятія крѣпости, придавалъ бы все огню и мечу, не жалѣя ни стариковъ, ни женщинъ, ни дѣтей. По полученнымъ прежде свѣдѣніямъ вся цѣль этой хищнической орды бы-

ла: взять крѣпость Баязетъ и двинуться грабить Эриванскую губернію, которая осталась безъ войскъ и вышло бы то, что другіе отряды наши одерживаютъ блистательныя побѣды, мы бы, напротивъ, посрамились на вѣки, допустивши этихъ хищниковъ въ предѣлы нашего отечества. Не забудьте и того солдаты, что въ 1828 году наши дѣды защищали эту самую крѣпость 12 дней, перенося геройски всѣ труды и лишенія. Память о нихъ не умерла и не умретъ во вѣки.

Приказъ 8-го іюля. Могилы убитымъ и умершимъ отъ ранъ дѣлать въ подвалахъ, для чего дѣлать общую могилу, но копать ее въ двѣ сажени глубиною, послѣ же опущенія въ нее тѣлъ, землю утрамбовывать.

Приказъ 9 го іюля. Приношу мою искреннюю благодарность гг. офицерамъ и нижнимъ чинамъ геройски отбившимъ вчерашняго числа штурмъ. Порція воды уменьшается до половины крышки, такъ какъ запасъ истощается, а осада можетъ продлиться долго. Военный совѣтъ постановилъ для пополненія запаса воды, сдѣлать сего числа ночью траншею отъ отхожаго мѣста до оврага, гдѣ про-

текаетъ ручей, для чего назначить прикрытіе отъ казачьихъ частей въ числѣ 25 человѣкъ при урядникѣ подъ командой офицера, а рабочихъ для рытья траншей отъ пѣхотныхъ частей, по 2 человѣка отъ роты; завѣдывать работами по продѣланьи траншей поручено капитану Гидулянову, которому явиться ко мнѣ для полученія инструкція. Рабочіе для носки воды должны быть готовы и ожидать окончанія траншеи, что бы приступить къ работѣ, имѣть при себѣ только такую посуду, которая не производила бы шума, то есть деревянныя ведра, бурдюка, желѣзныя ведра по одному на человѣка, но солдатскіе котелки строго воспрещаются.

Приказъ 10-го іюля. 1) При вчерашней ночной вылазкѣ за водою, рабочіе производили много шума, чѣмъ привлекли непріятеля, который своими выстрѣлами изъ домовъ прекратилъ вскорѣ носку воды: поэтому предлагаю начальникамъ частей внушить людямъ, что чѣмъ это будетъ дѣлаться тише, тѣмъ дѣло будетъ идти успѣшнѣе. 2) такъ какъ запасъ воды въ госпиталѣ уничтожился, то раненные и больные поступаютъ на доволь-

ствіе водою изъ запаса, сдѣланнаго для гарнизона, и получаютъ утромъ и вечеромъ по крышкѣ на человѣка, всего двѣ крышки. 3) Дневная дача сухаря уменьшается съ завтрашняго числа на $^1/_2$ фунта.

Приказъ 11-го іюля. Вчерашняго числа ночная вылазка за водой опять была неудачна, по причинѣ перекрестнаго обстрѣла траншеи непріятельскимъ огнемъ. Собранный военный совѣтъ предлагаетъ начальникамъ частей выбрать охотниковъ и сдѣлать сего числа дневную вылазку въ пять часовъ по полудни, для того, что бы прогнать засѣвшаго въ ближайшихъ къ ручью домахъ непріятеля, а также для узнанія расположенія непріятеля, который два дня почти не показывается и два дня, какъ прекратилъ артиллерійскій огонь. Вылазкою этою управлять войсковому старшинѣ Квалилу.

Приказъ іюня 12-го 1) Объявляю искреннюю мою благодарность гг. офицерамъ: сотнику Гвоздину, подпоручику Бассину и прапорщикамъ Латышеву и Волкову, участвовавшимъ во вчерашней вылазкѣ, нижнимъ чинамъ, охотникамъ и, вообще, всѣмъ на-

Русско-Турецкая война.

Взятіе Карса.

чальникамъ частей. 2) Изъ принесенной, при вчерашней вылазкѣ, воды выдать для больныхъ и раненыхъ для варки горячей пищи и печенія хлѣба.

Приказъ іюня 14-го 1) Дневная дача сухарей уменьшается съ завтрашняго числа на $^1/_4$ фунта. 2) Выдать госпиталю воды для варки пищи и печенія хлѣба для раненыхъ и больныхъ.

Приказъ іюня 16 го. По случаю удачной вылазки за водой выдать госпиталю воды для варки пищи и печенія хлѣба для раненыхъ и больныхъ.

Приказъ іюня 17-го. Для сбереженія запаса сухарей на болѣе продолжительное время единовременно съ вылазкою за водою назначить по нѣсколько человѣкъ изъ каждой части для принесенія изъ оставленныхъ жителями домовъ разныхъ съѣстныхъ припасовъ, а потому обыкновенное прикрытіе изъ 25 человѣкъ увеличить до 50.

Приказъ іюня 18-го. Сего числа похоронить въ подвалѣ, отведенномъ для этой цѣли, тѣло умершаго отъ ранъ 16-го іюня подполковника Пацевича. 2) По причинѣ удач-

ной вылазки вчерашняго числа за водою и съѣстными припасами, дача сухарей на сей день отмѣняется. Нижнимъ чинамъ варить пищу изъ принесенныхъ припасовъ. Сего числа повторить вылазку съ цѣлью добыть съѣстныхъ припасовъ. 3) Выдать госпиталю воды на варку пищи и печенія хлѣба.

Приказъ іюня 19-го. 1) По случаю удачной вылазки вчерашняго числа за съѣстными припасами, дача сухарей на сей день не выдается, людямъ варить горячую пищу. 2) Для госпиталя выдать воды на горячую пищу.

Приказъ іюня 20 го. Прапорщикъ 73-го пѣхотнаго Крымскаго полка арестовывается мною на трое сутокъ за нерадивое выполненіе своей обязанности, какъ субалтернъ-офицера. 2) Предупреждаю всѣхъ гг. офицеровъ, что каждый офицеръ, а въ особенности офицеры дежурной части должны быть самыми дѣятельными помощниками своихъ ротныхъ и сотенныхъ командировъ и повиноваться безпрекословно всѣмъ ихъ приказаніямъ, въ противномъ случаѣ, офицеръ ослушавшійся или нехотя выполнившій приказаніе, будетъ

преданъ суду. 3) Для приведенія въ извѣстность убитыхъ и павшихъ казенныхъ и собственныхъ офицерскихъ лошадей, а также утерянаго и испорченаго во время осады казеннаго имущества назначается особая коммиссія, которая и должна немедленно приступить къ дѣлу, и составить акты за прошедшее время. 4) Хотя вылазка вчерашняго числа была прекращена турецкою цѣпью, сухарная дача не выдается сего числа по случаю имѣнія въ частяхъ съѣстнаго запаса на сей день.

Приказъ іюня 21-го. 1) По случаю прекращенія вчерашняго числа съ самаго начала вылазки за водою и съѣстными припасами, выдать гарнизону по $^1/_8$ фунта сухарей, больнымъ варить горячую пищу. 2) Объявляю всему гарнизону, что сего числа я получилъ сообщеніе отъ начальника штаба Эриванскаго отряда о спѣшащей къ намъ помощи, которая поспѣетъ къ намъ не позже завтрашняго числа. Въ виду подобнаго сообщенія предлагаю начальникамъ частей быть какъ можно бдительнѣе и осторожнѣе и постоянно имѣть людей въ готовности. Офицерамъ

дежурныхъ частей повѣрять какъ можно чаще караулы и находиться неотлучно при дежурныхъ частяхъ. 4) Изъ произведеннаго дознанія о поступкѣ унтеръ-офицера 8 й роты 73 пѣхотнаго Крымскаго полка Петра Невинскаго, онъ оказался виновнымъ въ роспускѣ, по своей надобности части караула, а потому на основаніи представленной мнѣ власти ст. 183 III части XII книги свода военныхъ постановленій разжаловываю названнаго унтеръ-офицера въ рядовые. Приказъ этотъ прочитать во всѣхъ частяхъ.

Приказъ іюня 22 го. Замѣчено мною, что нѣкоторыя изъ гг. офицеровъ ходятъ безъ оружія и этимъ подаютъ дурной примѣръ нижнимъ чинамъ, потому, какъ тоже мною замѣчено, нѣкоторые нижніе чины переходятъ со двора на дворъ безъ ружей, а другіе даже безъ подсумокъ. За подобное нерадѣніе я буду строго взыскивать.

Приказъ іюня 23-го. По случаю неудавшейся вылазки за водою выдать больнымъ по крышкѣ воды, а на остальной гарнизонъ по $^1/_4$ крышки.

Приказъ 24 го іюля. Послучаю не удавшейся вчерашняго числа вылазки за водой, выдать больнымъ по крышкѣ воды, а прочимъ всѣмъ по ложкѣ. 2) Такъ какъ въ госпиталѣ нѣтъ печенаго хлѣба по недостатку воды на печеніе онаго, выдать на каждаго больнаго по $^1/_2$ фунта сухарей, а для продовольствія гарнизона зарѣзать мою и исправляющаго должность плацъ-адъютанта подпоручика Ягнстовскаго лошадей, такъ какъ оставшееся небольшое количество сухарей необходимо для больныхъ. 3) Баязетскіе герои! Вы достойны этого названія, потому что до сихъ поръ твердо и безропотно переносите всѣ лишенія, кои вы претерпѣваете, будучи заключены въ эту крѣпость. Крѣпитесь друзья, крѣпитесь на будущія лишенія; предстоятъ еще большія, при томъ не теряйте надежды на освобожденіе; будьте увѣрены, что къ намъ спѣшатъ на выручку, но что не предвидѣнныя обстоятельства задерживаютъ нашихъ освободителей. Во всякомъ случаѣ помните, что присяга, законъ, долгъ, честь и слава нашего отечества требуютъ отъ насъ умрѣть на этомъ посту, что мы и сдѣлаемъ, а не

поддадимся на всѣ ухищренія нашего противника, придписывающаго намъ ежедневно сдаться на самыхъ выгодныхъ условіяхъ. Помните друзья, что Богъ насъ видитъ, и ведемъ-то мы войну, защищая послѣдователей Его, а потому Онъ насъ не оставитъ!

Приказъ 25-го іюня. По случаю бывшаго ночью проливнаго дождя, набрана вся, какая только была, посуда водою, какъ въ госпиталѣ, такъ и въ частяхъ, и потому выдать госпиталю по одной четверти фунта сухарей и варить горячую пищу; въ части же выдать по $1^1/_2$ пуда ячменя, истолочъ его, сварить сего числа горячую пищу, зарѣзать для гарнизона одну изъ оставшихся въ живыхъ четырехъ артиллерійскихъ лошадей. Сего числа вылазки за водою не дѣлать, что можетъ ослабить бдительность непріятеля и, благодаря вчерашней благодати Господней, избавитъ насъ отъ пролитія нашей крови, которой оплачивается каждая носка воды.

Приказъ 26-го іюля. 1) Больнымъ варить горячую пищу; выдать въ части по одному пуду ячменя и зарѣзать артиллерійскую лошадь и тоже варить горячую пищу. 2) Хотя

есть не большой запасъ воды, но для пополненія онаго сдѣлать сего числа вылазку за водою, но не по обыкновенію въ 9 часовъ, а въ 11; чѣмъ отвлечемъ вниманіе непріятеля.

Приказъ 27-го іюля. Сего числа вылазку за водою опять сдѣлать въ 11 часовъ ночи. 2) Госпиталю варить горячую пищу, для гарнизона зарѣзать обѣихъ, оставшихся въ живыхъ, артиллерійскихъ лошадей и мясо это жарить, оставивъ имѣющуюся воду для питья.

Приказъ 28-го іюня. 1) При приближеніи прибывшихъ вчера нашихъ освободителей, выставить около флага знамя 2-го батальона 74-го пѣхотнаго Ставропольскаго полка и знаки казачьихъ сотень. Всѣмъ частямъ, расположеннымъ на второмъ дворѣ, быть выстроеннымъ на крѣпостныхъ верхахъ, около флага пропѣть „Боже Царя храни“ про кричать „ура“. 2) Объявляю душевную мою благодарность всѣмъ начальникамъ частей и гг. офицерамъ, а также и нижнимъ частямъ за порядокъ, стойкость и безропотность во все время осады, а въ особенности я долженъ поблагодарить за неусыпную бдительность,

труды и распорядительность завѣдующаго 2 батальономъ 74-го пѣхотнаго Ставропольскаго полка капитана Гидулянова, который, будучи раненъ осколкомъ гранаты въ голову, оставался на своемъ посту; командира 2-й сотни 1 го Уланскаго полка, войсковаго старшину Буловинова; исправляющаго должность плацъ-адъютанта поручика 74 пѣхотнаго Ставропольскаго полка Ягнетковскаго; командира 4 взвода 4-й баттареи 39 артиллерійской бригады поручика Томашевскаго и адъютанта 2-го батальона 74 пѣхотнаго полка, подпоручика Сокольскаго. Не могу не высказать искреннѣйшую, душевную благодарность смотрителю военно-временнаго № 11 госпиталя штабсъ-капитану Алопкину; комиссару сего же госпиталя, поручику Гарбаколи; старшему врачу коллежскому совѣтнику Савицкому и прикомандированному къ сему госпиталю отъ 74 пѣхотнаго Ставропольскаго полка младшему врачу Китаевскому за ихъ заботливость и уходъ за больными и ранеными, чѣмъ они и устранили могущую случиться какую-либо эпидемію, такъ какъ больные находились на самыхъ наивыгоднѣй-

шихъ условіяхъ. Также объявляю мою благодарность юнкеру 5-й сотни 1 го Уланскаго казачьяго полка, Леониду Проскурѣ, завѣдывавшему сборными казачьими стрѣлками на самомъ слабомъ и опасномъ пунктѣ крѣпости и старшему фейерверкеру 4-го взвода 4 баттареи 19 й артиллерійской бригады Якову Егорову и состоящему при мнѣ штатному переводчику Тяги-бекъ-Баграмбетову, которые во все время осады вели себя истинными героями".

Это былъ послѣдній приказъ Штоквича по гарнизону крѣпости Баязета когда уже выяснилась пришедшая подмога. Можно представить себѣ радость почти уже умиравшихъ отъ голода и жажды русскихъ храбрецовъ, когда они услышали первые выстрѣлы въ тылу осаждавшихъ Баязетъ турокъ! А тѣмъ паче, когда Тергукасовъ разбилъ ихъ на голову.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Шипка удержана.

Защита Шипкинскаго перевала составляетъ новую славную страницу въ русской военной исторіи. Войска наши въ теченіи четырехъ сутокъ не имѣли горячей пищи, ночи не спали и, не смотря на это отразили всѣ нападенія превосходнаго въ числѣ непріятеля. Единовременно съ Сулейманомъ-пашой сталъ наступать и Османъ паша отъ Ловчи къ Сельви, но все дѣло ограничилось одной перестрѣлкой, которая повторилась и 10 числа, но безъ положительныхъ результатовъ. Османъ-паша ожидалъ извѣстій отъ Сулеймана, чтобы приступить къ болѣе энергичес-

кому наступленію, а потому атаки 11-го числа не дѣлалъ.

Такое дѣло, какъ на Шипкѣ не могло обойтись съ нашей стороны безъ чувствительныхъ потерь. Раненыхъ нижнихъ чиновъ было съ 2633 и офицеровъ 98 въ числѣ коихъ и генералъ Драгомировъ въ ногу но не опасно.

Важность отраженія Сулеймана отъ Шипки вскорѣ обнаружилась. Цѣль непріятеля заключилась повидимому въ томъ, чтобы овладѣть Габровомъ и соединиться съ Османомъ-пашою, тогда мы принуждены были бы очистить Тырново, такъ какъ обѣ эти арміи вмѣстѣ взятыя, равнялись ста двацати тысячамъ человѣкъ. Истинный пунктъ атаки былъ здѣсь. Если бы Сулейманъ предпринималъ диверсію, то на другихъ пунктахъ произошли бы серьезныя сраженія, между тѣмъ какъ дѣло при Аяслярѣ началось только 11-го числа не потому что Мехмедъ-Али отправилъ Сулейману на покрѣпленіе значительныя силы, а потому что наступленіе съ его стороны должно было начаться не раньше занятія Габрова Сулейманомъ. Что

касается многочисленности арміи послѣдняго, это объясняется тѣмъ, что онъ получилъ значительныя подкрѣпленія изъ Константинополя и притянулъ къ себѣ часть гарнизона изъ Адріанополя и Филиппополя. Такимъ образомъ у него собралось около тридцати тысячъ низама и столько же ополченія. Это послѣднее способно драться очень хорошо, когда находится подъ командою хорошихъ офицеровъ, а въ арміи Сулеймана было много и англійскихъ офицеровъ.

Какъ бы то нибыло неудача турокъ подъ Шипкою, заставила ихъ измѣнить планъ компаніи. Серьезное нападеніе на наши войска должно будетъ произойти или со стороны Мехмеда Али или скорѣе Османа паши, который находился въ болѣе критическомъ положеніи чѣмъ первый. Со времени принятія начальства надъ русско-румынскимъ корпусомъ княземъ Карломъ, къ которому начальникомъ штаба назначенъ генералъ Зотовъ, можно ожидать, что тылу Османа-паши будетъ угрожать серьезная опасность, въ особенности если Сербія откроетъ кампанію; поэтому надо ожидать, что Сулейманъ построивъ

нѣсколько укрѣпленій для защиты долины Туиджи и Казанлыка, попытается соединиться съ Османомъ или, покрайней мѣрѣ, облегчить ему отступленіе. Такимъ образомъ стратегическое разъясненіе вопроса должно послѣдовать въ Плевнѣ, а не на Янтрѣ Если бы Махмеду-Али и удалось оттѣснить русскія войска отъ Рущука, онъ выигралъ бы не много; во первыхъ потому что линія Янтры представляетъ сильную оборону; во вторыхъ для атаки съ этой стороны пришлось бы ослабить гарнизоны Шумлы и Варны, что въ виду расположенія Циммермана съ 14 корпусомъ, подкрѣпленнаи 36 дивизіей и двумя полками кавалеріи, было бы опасно. Во всякомъ случаѣ дѣла здѣсь быстро идти не могутъ, а судьба арміи Османа-паши можетъ быть тѣмъ временемъ рѣшена.

Такое предположеніе, судя по послѣднимъ оффиціальнымъ извѣстіямъ, оправдалось 19 го августа въ шесть часовъ утра турки изъ Плевны аттаковали наши позиціи; турецкая кавалерія сбила первоначально наши аванпосты и тогда началось наступленіе турецкой пѣхоты съ артиллеріей. Послѣ продол

жительной канонады непріятель нѣсколько разъ пытался овладѣть Пелишатомъ, но попытки его были безуспѣшны; если ему и удавалось на короткое время имѣть въ рукахъ это селеніе, то вслѣдъ затѣмъ онъ былъ выбиваемъ изъ него мужественными атаками нашихъ войскъ. Отразивъ всѣ нападенія турокъ, русскія войска перешли въ наступленіе и заставили отступить, хотя ихъ было около 25 тысячъ, а у русскихъ дѣйствовалъ только одинъ авангардъ отряда, выставленнаго противъ Османа паши. Напа потеря простиралась до 40 офицеровъ и 1020 нижнихъ чиновъ, выбывшихъ изъ строя.

Но прежде, чѣмъ произошло это столкновеніе Мехмедъ Али, стоявшій противъ корпусовъ наслѣдника Цесаревича Александра Александровича, сдѣлалъ диверсію, чтобы отвлечь вниманіе русскихъ отъ главнаго пункта атаки. Августа 18 го двѣнадцать тысячъ турецкаго войска, принадлежавшаго къ разградскому корпусу Эюба паши, напали на передовые посты нашего рущукскаго отряда, занимавшаго позиціи у Садины, Харасампіоя и Хайдаркіоя. Бой продолжался двѣнадцать

часовъ и отакованные мѣстности нѣсколько разъ переходили изъ рукъ въ руки, наконецъ, къ вечеру, не большой авангардъ нашъ бывшій подъ начальствомъ генерала Леонова, принужденъ былъ отступить, при чемъ успѣлъ увести всѣхъ своихъ раненыхъ, число коихъ, простиралось до 400. На слѣдующей день турки стянули значительныя силы противъ нашихъ позицій у Габрова и Попкіоя но атаки ихъ были отражены. Одновременно 8 турецкахъ баталіоновъ двинулись на селеніе Кадыкіой и успѣли овладѣть имъ, но подоспѣвшими нашими войсками были вытѣснены.

Въ это время 14-й корпусъ въ Дабруджѣ по немногу подвигался впередъ; кавалерійскіе отряды, вызываемыя для рекогносцировокъ, достигали до окрестностей Бозарджика, и Силистріи; тамъ одинъ казачій отрядъ разбилъ у Машуки и Азарныка, въ 35 верстахъ къ сѣверовостоку отъ Бозарджика, прикрытіе, сопровождавшее непріятельскій транспортъ, при чемъ захватилъ 237 головъ крупнаго скота, 4000 барановъ и 96 черкесовъ; другой отрядъ разсѣялъ партію непріятель-

скихъ фуражировъ въ 40 верстахъ отъ Черновода.

На Шипкѣ 19 августа все было спокойно, очевидно было, что армія Сулеймана-паши сильно разстроена рядомъ неудачныхъ атакъ, въ продолженіе нѣсколькихъ дней всѣ балканскіе проходы бѣли заняты русскими войсками.

22-го числа августа мѣсяца генералы Имеретинскій и Скобелевъ 2-й взяли приступомъ Ловчу не смотря на сильныя укрѣпленія отъ природы турецкихъ позицій. Героемъ этого дѣла былъ молодой герой Скобелевъ 2-й.

Того же числа турки отступили отъ всѣхъ Балканскихъ проходовъ, занятыхъ русскими войсками. Всѣ части арміе Сулеймана-паши сосредоточились въ окрестностяхъ Козанлыка. Такое полное отступленіе турокъ отъ болкановъ объясняется, неуспѣшностію атакъ произведенныхъ Османомъ-пашею изъ Плевны, съ другой стороны опасеніемъ новой атаки отъ нашихъ войскъ въ балканскихъ проходовъ, потому что пораженіе турокъ въ узкихъ ущельяхъ Балканъ могло имѣть страшное вліяніе на весь дальнѣйшій ходъ кампанія.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Бой подъ Плевной съ 26-го по 31-е августа.

Укрѣпленія Плевны ко дню описываемыхъ событій разрослись въ огромный укрѣпленный лагерь, который охватывалъ Плевну со всѣхъ сторонъ. Этотъ лагерь защищался арміей турецкой въ 80 тысячъ человѣкъ при 150, орудіяхъ; по большей части дальнобойныхъ.

Аттака Плевны представлялась задачею весьма трудною, но тѣмъ не менѣе вопросъ этотъ рѣшенъ былъ въ смыслѣ утвердительномъ и рѣшеніе этой задачи выпало на долю западнаго отряда. Въ основу атаки по-

ложена была мысль: предварительное обстрѣливаніе непріятельскихъ укрѣпленій артилеріею, усиливаемое съ постепеннымъ къ нимъ приближеніемъ. Пѣхота должна была приближаться къ турецкимъ укрѣпленіямъ также постепенно. Сообразно съ этою мыслію дана была войскамъ русскимъ западнаго отряда и диспозиція, опредѣлявшая вначалѣ только расположеніе ихъ по наступательной позиціи противъ юго-восточной части плевнѣнскаго укрѣпленнаго лагеря.

По диспозиціи этой войска западнаго отряда, выступивъ съ мѣста своего расположенія въ 6 часовъ вечера, должны были въ ночь съ 25-го на 26-е августа занять передъ Плевною извѣстное расположеніе, а именно:

1) Девятый корпусъ генерала Кридепера, выдѣливъ отъ себя одинъ полкъ съ четырехъ-фунтовою баттареею въ главный резервъ, пространство между Гривицко-Булгаренскимъ шоссе и дорогою идущею, отъ Пелишата въ Плевну.

2) 4-й армейскій корпусъ подъ командою генерала Крылова, выдѣливъ отъ себя одну

бригаду, съ 2-мя четырехфунтовыми баттареями въ главный резервъ влѣво отъ 9 корпуса, занялъ, такъ называемые радищевскія высоты.

3) Отрядъ князя Имеритинскаго съ его артиллеріею, позади лѣваго фланга 4-го корпуса, близъ деревни Тугеницы.

4) 4-я румынская дивизія, согласно приприказанія князя Румыніи, должна была, выступивъ изъ Вербицы, расположиться сѣвернѣе Гривицкаго шоссе, на высотѣ 9 го корпуса, составляя, такимъ образомъ, крайній правый флангъ нашего общаго расположенія.

5) Три полка румынской иррегулярной кавалеріи, охраняли пространство между правымъ флангомъ румынъ и рѣкою Видомъ.

6) Полки: 8-й Астраханскій и 9 й Казанскій драгунскіе, 9 й Уланскій Бугскій и 9-й Донской казачій съ двумя конными батареями, подъ командою генерала Лошкарева, стали на Гривицкомъ шоссе, служа связью между девятымъ корпусомъ и румынами.

7) Первая бригада 4-й кавалерійской дивизіи съ конною батареею, подъ командою

генерала Леонтьева, расположились лѣвѣе Радищева, прикрывая лѣвый флангъ 4-го корпуса и, держа связь съ донскою казачьею и кавказскою бригадами, подъ наблюденіемъ которыхъ было отдано Плевно — ловчинско шоссе.

8) Главный резервъ, состоящій изъ 2-й бригады 30-й пѣхотной дивизіи, 20 го пѣхотнаго Галицкаго полка, трехъ четырехфунтовыхъ баттарей пѣшей артиллеріи, Маріупольскаго и Кіевскаго гусарскихъ полковъ и одной конной батареи, стало къ западу отъ деревни Пелишато, у перекрестка дорогъ: Гривице-Тугеницкой и Пелишато — Плевненской.

Ночь съ 25-го на 26 е августа была непроглядно темная; но такъ какъ всѣ начальники войскъ предварительно успѣли совершенно близко ознакомиться съ мѣстами, которыя они должны были занимать прибоевомъ расположеніи, а равно и съ дорогами, ведущими къ этимъ мѣстамъ. то движеніе войскъ на позицію произведено было не только съ замѣчательною быстротою, точностію и порядкомъ, но и съ такимъ уди-

вительнымъ спокойствіемъ и тишиною, что непріятель вообще столь зоркій и чуткій, въ теченіе всей ночи не сдѣлалъ не одного ружейнаго выстрѣла, чтобы помѣшать нашимъ работамъ по устройству земляныхъ прикрытій и вооруженію баттарей, не смотря на то, что работы эти производились на большомъ пространствѣ, на разстояніи 1000 и много 1100 саженей отъ его укрѣпленій.

Снабженныя въ достаточномъ количествѣ турками, фашинами и шанцовымъ инструментомъ и при помощи саперъ, войска по занятіи позицій энергически принялись. за возведеніе земляныхъ закрытій. и вели работу съ такимъ поразительнымъ усердіемъ, что не только всѣ баттареи полевой арміи поставленныя на боевую линію, но даже обѣ осадныя батареи, одна на 12, а другая на 8 орудій, къ 6 часамъ утра уже были готовы къ дѣйствію.

26 го августа ровно въ 6 часовъ утра, артиллеристы 12 орудійной осадной баттареи дали залпъ. За залпомъ этимъ одновременно открыли огонь всѣ 9 фунтовыя баттареи, стоявшія на позиціяхъ.

Непріятель самымъ жестокимъ огнемъ отвѣчалъ на огонь нашихъ баттарей, засыпая ихъ шпранелью; снаряды его носились надъ всей нашей позиціей, нерѣдко далеко перелетая даже мѣста расположенія нашихъ резервовъ.

Расположеніе нашихъ пѣхотныхъ частей въ боевыхъ линіяхъ и резервѣ не оставляло желать ничего лучшаго. Гдѣ стоя, гдѣ лежа, сохраняя полную готовность къ бою, люди весело подпучивали надъ летавшимися надъ ними гранатами, и гдѣ были по близости колодцы, тамъ преспокойно варили себѣ обѣдъ.

Артиллерія, лично руководимая начальниками артиллеріи корпусовъ и бригадъ, вела живой, но не торопливый огонь, по указаннымъ ей цѣлямъ, и артиллеристы, то и дѣло обдаваемые осколками гранатъ и шрапнелью, дѣлали свое дѣло съ такимъ спокойствіемъ, какъ на обыкновенной, мирной, практической стрѣльбѣ.

Весь день 26 августа шла неумолкаемая колонода.

На 27 августа было приказано; артиллеріи, ночью же, приблизиться къ непріятель-

скимъ укрѣпленіямъ; ввести на позицію, если можно, нѣсколько 4 фунтовыхъ баттарей и 27 августа продолжать сильное обстрѣливаніе намѣченныхъ непріятельскихъ баттарей и ложементовъ.

Кромѣ того. было приказано: 3-й румынской дивизіи перейти къ разсвѣту 27 августа изъ Рыбина къ правому флангу 4-й румынской дивизіи, на высотѣ коей и занять боевое расположеніе, выдвинувъ на позицію свои баттареи, и резервной румынской дивизіи передвинуться изъ Бреслянницы къ Вербицѣ, впереди которой и стать въ резервномъ порядкѣ, составляя общій резервъ 3 й и 4-й румынскихъ дивизіи.

Кавалеріи генерала Лошкарева усиленной двумя полками Колорашей и двумя полками рошіоровъ, съ одною румынскою колоною баттареей, приказано идти черезъ Рыбинъ къ селенію Дольній — Дубнякъ на Софійское шоссе въ тылъ непріятелю, чтобы смѣлыми и рѣшительными дѣйствіями на сообщеніе его затруднить, если не совсѣмъ прервать ихъ, а въ случаѣ, если бы непріятель поки-

нулъ свой лагерь и началъ общее отступленіе, тѣснить и преслѣдовать его.

Для дѣйствія же со стороны Ловчи, откуда предполагалось рѣшительное, нанесеніе удара, приказано было отряду князя Имеретинскаго, имѣя во главѣ сильный авангардъ, подъ командою генерала Скобелева. въ ночь съ 26 на 27 августа, перейти отъ Тученицы на Ловче—плевненское шоссе; а 27 въ минуту, какую онъ признаетъ за болѣе благопріятную, попытаться овладѣть вторымъ гребнемъ лѣсистыхъ высотъ, лежащихъ къ югу отъ Плевны.

Всѣ эти приказанія были въ точности исполнены. Съ разсвѣтомъ 27 августа баттареи наши двинувшіяся на 800 сажень къ непріятельскимъ укрѣпленіямъ и усиленныя введеніемъ въ бой пяти нашихъ 4 фунтовыхъ баттарей и пяти баттарей румынской артиллеріи, вновь открыли жестокій огонь, частію гранатами, частію шрапнелью по Гривицкому и центральнымъ редутамъ и близъ ихъ лежащимъ ложементамъ. Непріятель, успѣвшія за ночь поправить свои, сильно пострадавшія наканунѣ укрѣпленія, и пере-

мѣнить подбитыя орудія, отвѣчалъ нашимъ баттареямъ также сильно, какъ и наканунѣ; но съ двухъ часовъ по полудни огонь его сталъ ослабѣвать и къ сумеркамъ почти прекратился.

На разсвѣтѣ приблизился по шоссе къ непріятелю отрядъ князя Имеретинскаго генералъ Скобелевъ, шедшій, какъ выше сказано, впереди, занявшій безъ боя деревню Брестовецъ, тотчасъ выдвинулъ на позицію двѣ 9 фунтовыя баттареи и полубаттареи дальнобойныхъ орудій, которыя, которыя расположившись въ ложементахъ, заранѣе для нихъ приготовленныхъ, открыли огонь по Кришинскому редуту и по высотамъ лежащимъ впереди, которыя предполагалось занять въ этотъ же день.

Послѣ артиллерійской подготовки, продолжившейся до трехъ часовъ пополудни, Калужскому полку, поддержанному девятью ротами Эстляндскаго полка, приказано было атаковать второй гребень. Калужцы двинулись впередъ овладѣли первымъ и вторымъ гребнями высотъ, но разгоряченные боемъ, не смотря ни на потерю своего командира,

полковника Эльмановскаго сильно кангуженнаго, ни на жестокій огонь непріятеля, ринулись еще далѣе, опрокинули непріятеля, пытавшагося было остановить ихъ, и на плечахъ его ворвались въ ложементы, расположенные у подножья третьяго гребня. Непріятель однако ополчился и, значительно усилившись, ударилъ въ свою очередь на Калужцевъ. Силы были слишкомъ не равны. Калужцы долго держались, но, подавленные превосходными силами, должны были отступить къ второму гребню на свой резервъ, который, подъ личнымъ начальствомъ самого генерала Скобелева, не только прикрылъ отступленіе нашихъ, но и далъ столь сильный отпоръ преслѣдующему непріятелю, что тотъ почти бѣгомъ отошелъ на свои позиціи.

Этимъ эпизодомъ, стоившимъ однако, около 900 человѣкъ потери и заключился день 27 августа.

Ночь прошла вообще покойно; баттареи наши продолжали, хотя и рѣдкую стрѣльбу по непріятельскимъ укрѣпленіямъ, съ цѣлію мѣшать непріятелю исправлять поврежденія. Одна изъ осадныхъ баттарей, 8 орудейная,

дѣйствовавшая главнѣйше по Гривицкому редуту, почти умолкшему и сильно поврежденному, переведена была въ распоряженіе 4 корпуса для усиленія дѣйствія артиллеріи этого корпуса по центральнымъ укрѣпленіямъ.

Съ разсвѣтомъ 28 августа, когда артиллерія наша открыла по всей линіи огонь, на который непріятель отвѣчалъ уже гораздо слабѣе, чѣмъ въ предыдущіе дни, часовъ около $5^1/_2$ утра послышалась вдругъ рѣзкая перестрѣлка на крайнемъ нашемъ лѣвомъ флангѣ, которая, умолкнувъ черезъ полчаса, около 8 часовъ повторилась вновь и еще съ большею силою. Оказалось, что это были двѣ весьма серьезныя попытки турокъ выбить передовой отрядъ генерала Скобелева съ высотъ, вчера имъ занятыхъ. Значеніе высотъ этихъ, отъ которыхъ оставался шагъ „Третьемъ гребнемъ“ иначе называемымъ „Зеленой горой“ господствующей надъ южной стороной Плевненскаго лагеря, было весьма важно и потому естественно немогли укрыться отъ проницательнаго военнаго взгляда генерала Скобелева. Наскоро усиливъ занимаемую его отрядомъ позицію, и, получивъ отъ князя

Имеритинскаго подкрѣпленіе, генералъ Скобелевъ предвидѣлъ возможность этихъ попытокъ, а потому, когда турки атаковали его, сначала съ его лѣваго, а потомъ съ праваго фланга, то получили оба раза такой отпоръ и понесли столь значительныя потери, что болѣе уже не пытались переходить въ наступленіе.

Это наступленіе, хотя и не успѣшное, но совершенное при тѣхъ обстоятельствахъ, при какихъ находился непріятель, обойденный съ тыла, обстрѣливаемый и тѣснимый съ фронта, естественно приводило къ мысли о значительности силъ противника и стало быть къ необходимости не особенно торопиться аттакой его укрѣпленнаго лагеря и терпѣливо дать артиллеріи еще и еще дѣлать свое дѣло разрушеніе преградъ, нравственнаго истомленія и матеріальной дезорганизаціи обороняющагося, чѣмъ такъ въ особенности бываетъ сильно многочисленная артиллерія наступающаго, и что извѣстно всякому, кто когда либо стаивалъ на укрѣпленіяхъ, подъ сосредоточеннымъ огнемъ ея.

А потому 28 августа рѣшено было: подведя еще ближе баттареи къ непріятелю, гдѣ мѣстность позволяла, продолжать артиллерійскій бой еще день, два, три. На рѣшеніи этомъ, могущимъ увеличить шансы эскалады непріятельскаго лагеря, тѣмъ болѣе можно было остановиться, что потери наши, какъ въ пѣхотѣ, такъ и въ артиллеріи, за всѣ предшествовавшіе три дня собственно артиллерійскаго боя были можно сказать ничтожны и не превосходили 300 человѣкъ, но 29 августа оказалось, что при той усиленной стрѣльбѣ, которую вела артиллерія, легко могъ оказаться недостатокъ въ снарядахъ, на правильную подвозку коихъ тѣмъ менѣе можно было расчитывать, что прекрасная погода, стоявшая до сихъ поръ, къ вечеру 29-го рѣзко вдругъ перемѣнилась: нависли тучи, пошелъ дождь, дороги, портящіяся здѣсь съ удивительной быстротой, сдѣлались худо проходимыми для повозокъ. Къ тому же отъ усиленной, непрерывной, трехсуточной стрѣльбы, нѣкоторые лафеты осадной артиллеріи, а также изъ 9 фунтовыхъ орудій полевой артиллеріи начали прихо-

дить въ негодность. При подобныхъ обстоятельствахъ, могущихъ имѣть естественнымъ слѣдствіемъ постоянное ослабленіе артиллерійскаго огня, продолжать артиллерійскій бой дѣлалось уже не удобнымъ, ибо легко было утратить пріобрѣтенные уже этимъ боемъ результаты, не достигая большихъ. Далѣе медлить становилось прямо не выгоднымъ и приходилось, либо отказаться отъ штурма, либо произвести его безъотлогательно. Рѣшено было послѣднее и 29-го вечеромъ войскамъ была разослана диспозидія, опредѣлявшая порядокъ штурма 30-го августа.

Штурмъ согласно диспозиціи, по волѣ князя румынскаго долженъ былъ начаться на всѣ три, избранные для аттаки пункта одновременно. Аттака послѣ полудня предпочтена была аттакѣ на разсвѣтѣ: съ одной стороны, чтобы избавить войско отъ необходимости вести тяжелый бой въ теченіи цѣлаго дня, а съ другой, чтобы предоставить артиллеріи, дѣйствуя съ разсвѣта до 3-хъ часовъ пополудни, возможность разрушить тѣ починки и поправки, которыя непріятель,

не смотря на стрѣльбу, все таки производилъ въ своихъ укрѣпленіяхъ въ теченіи ночи.

Дождь, начавшійся вечеромъ 29-го августа шелъ всю ночь на 30-е число и, почти не переставая, шелъ весь день 30-го числа и ночь на 31-е. Густой, непроницаемый туманъ покрывалъ все поле сраженіе. Почва растворилась до крайности. Не только по пахатной землѣ, окружающей плевненскій лагерь, но даже по дорогамъ, съ трудомъ могли двигаться люди и верховые кони, скользя по грязи и нерѣдко падая. Трудно было себѣ представить болѣе неблагопріятный, по погодѣ, день, каковъ былъ день назначенный нами для аттаки. Мысль объ отмѣнѣ ея невольно приходила въ голову; но какъ уже выше замѣчено, положеніе нашей артиллеріи не допускало такой отмѣны, да и кто бы могъ поручиться, что въ послѣдующіе дни наступитъ лучшая погода, вообще не отличающаяся здѣсь частою перемѣнчивостію, особенно въ августѣ.

Съ разсвѣтомъ 30 го августа началась съ нашей стороны самая усиленная канонада, на которую непріятель почти не отвѣчалъ,

а въ 3 часа по полудня повелась аттака на всѣ пункты непріятельскаго лагеря.

Первая бригада 5 пѣхотной дивизіи съ 4 и 6 баттареями 5-й артиллерійской бригады, перейдя и направляясь на юго-западную часть Гривицкаго редута, а частію въ тылъ его, смѣло и рѣшительно двинулись впередъ, воодушевляемыя своими командирами. Ни жестокій огонь непріятеля ни взрывъ одного изъ нашихъ пороховыхъ ящиковъ, ни крайне пересѣченная мѣстность, ни смерть многихъ начальствующихъ, въ числѣ которыхъ палъ, сраженный пулею флигель-адьютантъ полковникъ Шлиттеръ, командиръ Архангел городскаго полка, ничто не остановило русскихъ солдатъ.

Предводимыя лично своимъ бригаднымъ командиромъ, генералъ маіоромъ Родіоновымъ, архангел городцы съ частію вологодцевъ бросились на редутъ, а другая часть вологодцевъ, подъ начальствомъ своего командира полковника Рыкачева, шедшаго впереди ихъ съ ружьемъ, вырваннымъ изъ рукъ имъ собственноручно убитаго турка ударила на лагерь, каторый, находясь въ тылу ата-

куемаго редута, особенно препятствовалъ о владѣнію послѣднимъ. Это смѣлое движеніе полковника Рыкачева облегчило остальнымъ эскамаду редута. Перейдя глубокій ровъ, они скользя по грязи; падая и подсаживая другъ друга, взобрались на брустверъ и ворвались въ редутъ. Закипѣлъ ожесточенный рукопашный бой, въ которомъ фанатизированные защитники оборонялись до тѣхъ поръ, пока не были переколоты.

Вмѣсто раненаго генерала Родіонова принялъ командованіе надъ бригадою полковникъ Рыкачевъ, который сдѣлавъ свое дѣло блестящимъ демонстративнымъ движеніемъ на лагерь, успѣлъ съ своею частью вологодцевъ вернуться въ редутъ, гдѣ немедленно же и началъ устраивать бригаду, разстроившуюся упорнымъ боемъ.

Въ $7^1/_2$ часовъ вечера уже знамена наши развѣвались надъ Гривицкимъ редутомъ при взятіи коего у непріятеля отбили два знамя и пять орудій. Въ аттакѣ этой участвовала и часть румынскихъ войскъ особенно батальонъ маіора Попеско.

Аттаки, поведенныя на центральныя укрѣпленія, хотя и были весьма отважны, всегда отличающія аттаки русскихъ войскъ, не смотря на то, что повторялись по нѣсколько разъ, но не имѣли желаемаго успѣха. Много разъ войска наши, воодушевляемыя своими начальниками, врывались въ окопы, но всякій разъ убійственный перекрестный огонь, который непріятель производилъ изъ траншей въ нѣсколько ярусовъ построенныхъ, выбивалъ ихъ оттуда. Въ числѣ причинъ сдѣлавшихъ всѣ усилія наши въ этомъ пунктѣ безуспѣшными, нельзя между прочимъ не признать мѣстныя условія, препятствовавшія вести аттаку неиначе, какъ съ фронта, а также и еще одно нежданное обстоятельство, которое не могло вообще хорошо повліять на аттаку. Часовъ около 12 пополудни турки сдѣлали нападеніе на отрядъ генерала Скобелева. За дымомъ и туманомъ, густою пеленою покрывшими все поле сраженія, сильная ружейная стрѣльба, раздавшаяся по этой причинѣ, подхваченная и турками, занимавшими центральныя укрѣпленія, принята была нашими за нападеніе

турокъ съ этой стороны. Нѣсколько ротъ Углицкаго полка, желая предупредить непріятеля, намѣревавшагося, какъ имъ то показалось, захватить нашу баттарею, бросились на него, увлекая за собою остальныя роты своего полка, а также и весь Ярославскій полкъ. Въ одинъ мигъ приэтомъ турки были выбиты изъ ложементовъ, но такъ какъ аттака эта никѣмъ непредусмотрѣнная, не могла быть произведена въ порядкѣ, а слѣдовательно и не могла быть своевременно поддержана, то смѣльчаки наши были, въ свою очередь, турками изъ ложементовъ и отброшены назадъ съ огромными потерями.

Такимъ образомъ часа за три до условленнаго въ диспозиціи часа общей аттаки, войска, предначавшіяся на штурмъ центральныхъ укрѣпленій, потерпѣли уже, безъ всякой пользы, весьма чувствительный уронъ.

Для выполненія задачи, возложенной на князя Имеретинскаго, передовому отряду генерала Скобелева предстояло сначала овладѣть третьимъ гребнемъ Зеленой горы, а затѣмъ редутами и линіями ложементовъ, защищавшими подступы къ непріятельскому

лагерю. Еще съ вечера 29 го августа хорошъ рекогносцировавъ мѣстность, предстоящихъ ему дѣйствій, генералъ Скобелевъ, послѣ предварительнаго дѣйствія артиллеріи, начавшагося съ разсвѣтомъ 30-го августа, въ 11 часовъ утра съ Владимірскимъ и Суздальскимъ полками, 10 стрѣлковымъ батальономъ и тремя ротами Эстляндскаго полка, имѣющими въ общемъ своемъ резервѣ Ревельскій полкъ, аттаковалъ третій гребень, овладѣвъ имъ и, наскоро прикрывшись земляными насыпями, въ ожиданіи часа аттаки, расположился на немъ, производя артилеріею обстрѣливаніе редутовъ и ружейнымъ огнемъ удерживая напиравшихъ на него турецкихъ стрѣлковъ. Такимъ образомъ первый и весьма трудный шагъ къ нанесенію удара плевненскому лагерю, съ южной его стороны, былъ сдѣланъ. Теперь генералу Скобелеву предстояло сдѣлать второй, еще болѣе трудный шагъ — спуститься съ горы густо поросшей виноградникомъ, перейти ручей, текущій въ крутыхъ берегахъ, взобраться на каменистую, крутую высоту, тянущуюся сажень на 400 и овладѣть находя-

щимися на этой высотѣ двумя редутами, связанными между собою ложементами. Ровно въ 3 часа генералъ Скобелевъ поднялъ изъ за закрытій свой отрядъ, усиленный княземъ Имеретинскимъ новыми подкрѣпленіями, и, имѣя во главѣ Суздальскій и Владимірскій полки,—съ распущенными знаменами, музыкою и барабаннымъ боемъ, смѣло и рѣшительно двинулъ отрядъ впередъ.

Перейдя ручей наши начали взбираться на гору, но, будучи сильно разстроены крайне пересѣченною мѣстностію, по которой они слѣдовали подъ губительнымъ, перекрестнымъ огнемъ, были на короткое время на полугорѣ пріостановлены, чтобы устроиться, хотя нѣсколько минутъ перевести духъ и дать возможность подойти видимо необходимымъ подкрѣпленіямъ. Лишь только прибыли послѣднія, а именно: Ревельскій и Либавскій полки 11 и 12 стрѣлковые батальоны, вышедшіе по требованію Скобелева, который съ обнаженною саблею, на бѣломъ конѣ, лично велъ и ободрялъ войска громкими криками „ура“, ринулся на редутъ № 1 и въ $4^1/_2$ часа пополудни овладѣлъ имъ. Но дѣло было

еще не окончено: предстояло еще овладѣть редутомъ № 2, для чего требовалось привести въ порядокъ войска, растроенныя тяжкою предшествовавшею аттакою и подтянуть къ нимъ новыя подкрѣпленія; а потому вручивъ командованіе надъ редутомъ генералу Добровольскому, вскорѣ, по причинѣ смертельной раны, замѣненному генералъ-маіоромъ Тебякинымъ, также скоро убитымъ и замѣненнымъ маіоромъ Горталовымъ, генералъ Скобелевъ, не теряя ни минуты, сталъ устраивать войска и лишь только получилъ отъ Имеретинскаго свѣжія подкрѣпленія, какъ немедленно аттаковалъ редутъ № 2-й, который, послѣ самаго упорнаго сопротивленія, въ 6 часовъ вечера, былъ въ нашихъ рукахъ.

Овладѣніе этими редутами намъ обошлось очень дорого. Изъ всего отряда князя Имеретинскаго, состоявшаго въ сложности изъ 22 батальоновъ, только пять батальоновъ не были введены въ дѣло: изъ нихъ два прикрывали лѣвый флангъ Скобелева отъ Кришина, такъ что въ резервѣ всего оставалось три батальона Калужскаго полка, уже весьма ослабленнаго въ бою 27-го августа.

Наступившая темная, дождливая ночь остановила нашу аттаку, но не прекратила боя. Въ теченіи ночи непріятель производилъ нѣсколько разъ попытки отнять обратно потерянные имъ редуты: Гривицкій на лѣвомъ его флангѣ и два на правомъ его флангѣ, но всякій разъ безуспѣшно и съ огромными потерями.

Пользуясь промежутками времени, остававшимися между этими попытками, наши войска, овладѣвшіе редутами, не смотря ни на усталость отъ боя, ни на дождь, быстро устраивались и приводились въ порядокъ, наскоро исправляя земляныя укрѣпленія и прикрываясь земляными насыпями. Послѣднее особенно было трудно отряду генерала Скобелева, какъ потому, что редуты, занятые ими жестоко обстрѣливались все время перекрестнымъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ, такъ еще болѣе по недостатку шанцеваго инструмента, растерянаго во время боя, такъ что солдаты взамѣнъ его употребляли крышки отъ своихъ котелковъ.

Такимъ образомъ въ конечномъ результатѣ кровопролитнаго боя 30-го августа мы

одержали успѣхъ надъ непріятелемъ. Правда, мы не овладѣли лагеремъ; но взятіемъ Гривицкаго редута, и главное двухъ южныхъ редутовъ, мы овладѣли ходами въ лагерь. Главныя трудности плевенскаго лагеря, были преодолѣны, оставалось лишь доразвить пріобрѣтенныя успѣхи, но для этого требовалось по меньшей мѣрѣ двѣ свѣжія дивизіи войскъ, тогда какъ у насъ въ резервѣ осталось едва два полка еще не тронутыхъ, которые кинуть въ бой было бы крайне рискованно, а главное, что ихъ было недостаточно для достиженія цѣли. Но, если по численности нашихъ силъ, намъ не представлялось возможнымъ продолжать аттаку, то и не думали даже объ отступленіи, мы, по той же причинѣ, не могли съ выгодою остаться на мѣстахъ, на которыхъ застала насъ ночь съ 30 го на 31-е августа.

Занимая Гривицкій редутъ съ одной и два южныхъ съ другой стороны, пришлось бы чрезмѣрно растянуть, а стало быть и ослабить общее расположеніе нашихъ войскъ по отношенію къ непріятельскимъ силамъ. А потому 31-го августа было рѣшено: Гри-

вицкій редутъ, какъ лежащій на пути отъ Систова въ Плевну оставить за собою двумя южными редутами владѣть только до вечера, пока всѣ войска не займутъ вновь указанное положеніе, а вечеромъ покинуть ихъ. Приказаніе это было исполнено во всей точности. Пять ожесточенныхъ аттакъ, которыя непріятель съ большими силами велъ на отрядъ генерала Скобелева были блистательно опережены послѣднимъ, при чемъ непріятель понесъ огромныя потери, и когда, согласно приказанія генералъ Скобелевъ вечеромъ началъ свое отступленіе изъ деревни Тугелицы, то непріятель не осмѣлился уже предпринять преслѣдованіе, а ограничился занятіемъ добровольно покинутыхъ имъ редутовъ.

Этимъ актомъ завершился шести дневный Плевненскій бой, въ теченіе коего всѣ чины отряда свято и безупречно исполнили свой долгъ, а русскій солдатъ доказалъ, что для него на войнѣ нѣтъ неразрѣшимыхъ задачъ за исключеніемъ тѣхъ, полное разрѣшеніе которыхъ выше человѣческихъ силъ.

Послѣ этихъ трехъ попытокъ овладѣть Плевною, оказавшихся безуспѣшными, рѣшено было повести правильную осаду оной. Изъ Петербурга былъ вызванъ знаменитый защитникъ Севастополя Тотлебенъ и мобилизованъ гвардейскій корпусъ.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Бой подъ Горнымъ Дубнякомъ.

Артиллерійскій бой, у Горнаго-Дубняка загорѣлся вначалѣ девятаго часа. Всѣ войска генерала Гурко успѣли занять мѣста согласно диспозиціи. Дѣйствіе гвардейской артиллеріи по укрѣпленіямъ было чрезвычайно удачно. Снаряды послѣ двухъ, трехъ пробныхъ выстрѣловъ, ложились совершенно вѣрон, по назначенію, но ружейный огонь нашъ мало достигалъ цѣли и это потому, что укрѣпленіе турокъ на этотъ разъ весьма удачно маскировались накиданными на ихъ кукурузными стеблями, а по гребню брустверовъ и ложементовъ были устроены изъ ку-

курузы же особые заслоны, въ видѣ не высокихъ плетней, сквозь которые просовывались одни лишь ружейные стволы, тогда какъ головы стрѣлковъ совершенно не были видны.

Въ одномъ только мѣстѣ наши берданки успѣли нанести противнику самыя существенныя пораженія; это именно на одной изъ баттарей, брустверъ, который турки не успѣли еще окончить, такъ что онъ прикрывалъ собою артиллерійскую прислугу едва лишь въ половину груди: всѣ, до одного, артилериста турецкіе были перебиты нашими пулями. Сосредоточенные залпы гвардейскихъ орудій, сыпавшіе массу разрывныхъ снарядовъ въ Горный Дубнякъ, вскорѣ успѣли уже ослабить артиллерійскій огонь противника, что генералъ Гурко нашелъ возможнымъ приступить къ штурму. Стройно и бодро, какъ на простомъ красносельскомъ ученьи, двинулись впередъ молодцы гвардѣйцы, прикрытыя своими густыми цѣпями. Командиры, отъ генерала до послѣдняго субалтернъ-офицера, были впереди, показывая солдатамъ первый примѣръ воинской доблести. Начальникъ 2-й пѣхотной гвардейской дивизіи графъ

Шуваловъ все время находился въ цѣпи, такъ что изъ лицъ его штаба, только два человѣка къ концу боя остались цѣлыми. Но во время перваго движенія въ аттаку, турки изъ за ложементовъ открыли такой убійственный огонь, что держаться противъ него въ открытомъ полѣ не было никакой возможности. Не отступая ни на шагъ назадъ, гвардейскія штурмовыя части залегли среди полей — одни въ разстояніи 50, а другіе не далѣе 150 шаговъ отъ укрѣпленія противника. Вскорѣ лошади подъ начальствовавшими лицами были перебиты; много офицеровъ тотъ-часъ же выбыло изъ строя. Но спустя нѣсколько времени была повторена попытка штурма, также не увѣнчавшаяся успѣхомъ, благодаря свинцовому дождю, которымъ турки начинали обдавать нашихъ гвардѣйцевъ, едва тѣ поднимались съ земли для движенія. Тѣмъ не мѣнѣе, наши и при второй попыткѣ успѣли выиграть нѣкоторое пространство впереди своего фронта, приблизившіе ихъ къ противнику. Гвардѣйская артиллерія продолжала черезъ головы посылать туркамъ губительныя снаряды. Около полудня

оба бригадныя командира 2-й пѣхотной гвардѣйской дивизіи, Свиты Его Величества генералъ-маіоры Зеддлеръ и Розенбахъ, были тяжело ранены, оба въ животъ пулями. Для штурмующихъ это было понятно чувствительная потеря, тѣмъ не менѣе подъ начальствомъ старшихъ полковыхъ командировъ, замѣнившихъ собою мѣсто убитыхъ бригадныхъ начальниковъ, войска повторили въ третій разъ приступъ. Часть лейбъ-гвардіи Павловскаго полка успѣла взобраться на брустверъ; штурмованнаго этимъ полкомъ редута, но была отбита. Раздосадованные этою новою неудачею павловцы не хотѣли отойти назадъ и засѣли въ самомъ рву редута. Между тѣмъ часть нашей артиллеріи, расположенная съ противоположной стороны селенія не зная, что павловцы и лейбъ-гренадеры дѣлаютъ новую попытку, продолжали осыпать Горный Дубнякъ снарядами. Такимъ образомъ одна изъ нашихъ гранатъ, случайно попавшая въ тотъ самый ровъ гдѣ засѣли павловцы, смертельно ранила флигель-адъютанта полковника Рупова и штабсъ-капитана Шармина. Нѣсколько человѣкъ нижнихъ чи-

повъ также поплатились болѣе или менѣе серьезными ранами. Трудно было вынести на ближайшій перевязочный пунктъ изо рва этихъ офицеровъ, но молодцы солдаты, послѣ нѣсколькихъ попытокъ, успѣли, наконецъ преодолѣть всѣ затрудненія и сами, подвергаясь смертельной опасности, доставили таки къ санитарамъ обоихъ своихъ начальниковъ.

Не смотря на осеннюю пору, день былъ ясенъ и солнечные лучи припекали сильно. Люди уже утомились и потому около 3-хъ часовъ пополудни имъ данъ былъ короткій отдыхъ. Къ этому времени между высшими начальствующими лицами отряда было уже рѣшено, чтобы по протествіи двадцати минутъ возобновить штурмъ, сигналъ къ которому подать тремя орудейными залпами. Такъ и было передано во всѣ штурмовавшія части, на помощь коимъ прибылъ Измайловскій полкъ и батальонъ гвардѣйскихъ саперовъ, но далеко не успѣлъ еще пройти условный срокъ, какъ вдругъ раздались три залпа. Въ послѣдствіи оказалось, что они были даны одною изъ батарей, по недоразумѣнію. Войска тотчасъ же двинулись на новый приступъ и

снова свинцовый дождь захлесталъ по ихъ колоннамъ.

Лейбъ-гренадеры наступали съ музыкою и распущенными знаменами. Въ это время съ противоположной стороны деревни, на одномъ изъ брустверовъ неожиданно появился бѣлый флагъ, какъ правозвѣстникъ того, что противникъ сдается. Понятно, что ни лейбъ гренадеры, ни турки, бывшіе противъ нихъ, не могли видѣть этого знака, а потому здѣсь продолжался еще упорный бой и огонь, въ то время, какъ въ другихъ мѣстахъ, откуда флагъ былъ хорошо видѣнъ, пальба уже прекратилась. Между тѣмъ, слыша, что гдѣ-то позади и въ сторонѣ все еще дерутся, турки, не смотря на флагъ, открыли снова огонь. Это обстоятельство, бывшее простымъ недоразумѣніемъ и послужило поводомъ, что между нашими войсками распространился слухъ, будто непріятель злоупотребилъ бѣлымъ флагомъ. Тѣмъ не менѣе, вслѣдствіи этого вольнаго или не вольнаго недоразумѣнія, штурмъ и на этотъ разъ оказался ошибочнымъ. Но войска наши, считая этотъ фактъ за измѣну основнымъ правиломъ воинской чести, прин-

ли въ остервенепіе и предпочитали лучше умереть на мѣстѣ, чѣмъ отступить хоть на шагъ. То, что могло быть дѣломъ недоразумѣнія, казалось имъ умышленнымъ коварствомъ. И не мудрено, такъ какъ турки позволили себѣ на Шипкѣ злоупотребить бѣлымъ флагомъ, а это хорошо извѣстно каждому русскому солдату. Гвардѣйцы засѣли частію во рвахъ редута, частію же залегли на ближайшей къ нему мѣстности.

Генералъ Гурко послалъ ординарца просить къ себѣ графа Шувалова. Совѣщаніе между ними еще не было окончено, какъ вдругъ лейбъ-гренадеры съ музыкой и распущенными знаменами, по собственному увлеченію, отчаянно ринулись на ловкій приступъ.

Удержать ихъ не было никакой возможности: доблестный полкъ съ неумолкаемыми криками „ура“ стремился впередъ, какъ не удержумый потокъ, какъ огненная лава. Не прошло и минуты, а передовые люди его уже карабкались на брустверъ въ направленіи одного изъ находящихъ угловъ редута. Еще мгновеніе — и они были уже тамъ, вну-

три. Турки опять выкинули бѣлый флагъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и стрѣльбу продолжали: безпорядочный бѣглый огонь мѣстами мѣшался у нихъ съ совершенно правильными ружейными залпами. Здѣсь уже произошла какая-то путаница: одни изъ турецкихъ офицеровъ кидались въ ряды и кучки, убѣждали своихъ солдатъ прекратить огонь и бросать оружіе, тогда какъ другіе настойчиво и грозно приказывали стрѣлять, и всѣ грозили имъ за ослушаніе саблями и револьверами, били ихъ и плашмя, били и кулаками, рубили и лезвіемъ. Очевидно, это была уже паника и какое-то опьяненіе, угаръ. Всѣ они что называется ошалѣли. А между тѣмъ внутри редута пошла отчаянная штыковая работа.. Почти одновременно съ лейбъ-гренадерами ворвались въ селеніе павловцы, измаиловцы и другіе. Бой холоднымъ оружіемъ былъ ужасенъ. Въ нѣсколько минутъ груда непріятельскихъ труповъ, одинъ на другомъ уже валялись во рвахъ, на брустверахъ и внутри укрѣпленій. Соломенныя шалаши турецкихъ солдатъ пылали, зажженные еще ранѣе послѣдняго штурма нашими

гранатами. Черезъ нѣсколько времени лейбъ-гренадерское знамя побѣдоносно развивалось на гребнѣ взятаго укрѣпленія.

Начальствовавшій въ Горномъ-Дубнякѣ Ахметъ-Хивзи паша, видя, что вопреки его желанію сдаться, бой все еще продолжается, самъ взялъ въ руки бѣлый флагъ и вышелъ съ нимъ впередъ на брустверъ. Когда это было усмотрѣно, съ нашей, стороны тотъ часъ же подали сигналъ „слушайте всѣ“, затѣмъ „отбой“—и послѣ этого дѣло прекратилось во всѣхъ линіяхъ. Какая радость, какое торжество охватило всѣ воинскія части, когда узнали онѣ, что Горный-Дубнякъ взятъ и гарнизонъ сдается военно-плѣннымъ! Тысячи шапокъ полетѣли вверхъ, или очутились на штыкахъ высоко поднятыхъ ружей; „ура“ какъ буря, носилось по всей окрѣстности; гвардейцы привѣтствовали, поздравляли другъ друга съ первымъ своимъ боемъ и первою гвардѣйскою побѣдою въ нынѣшнюю войну. Когда генералъ Гурко въѣхалъ въ толпу, кишавшую въ редутѣ, солдаты словно дѣти, въ радостномъ восторгѣ кинулись къ нему и хватали его стремя, колѣни, поводья.

— Скажите Государю, что мы сдержали свое слово!... Пущай не сомнѣвается!... Поддержимъ старую славу!—кричали они со всѣхъ сторонъ генералу.

Вдругъ появляется какой-то павловскій дѣтина, верхомъ на сѣрой, маленькой лошадкѣ, ноги чуть не по землѣ волочатся шапка на затылкѣ, курносое лицо ослабленно широчайшею улыбкою, мундиръ изорванъ въ клочья, въ рукѣ окрававленный штыкъ.

— Урра, ваше превосходительство, урра! — кричалъ онъ, потрясая своимъ штыкомъ, въ то время какъ маленькая лошадка, упрямится, брыкается подъ нимъ, бьетъ передомъ и задомъ, тщетно стараясь сбросить съ себя рослаго дѣтину.

— Ты что?—откуда?—спрашиваютъ его.

— А я, ваше превосходительство, я, значитъ шабашевалъ.

— Какъ шабашевалъ?

— А все его-же! Тѣхъ, значитъ, которые сдаваться не желали и стрѣляли въ нашихъ...Я ихъ сначала прикладомъ—ну раскололся... Сейчасъ этотъ отолкнулъ штыкъ

и пошелъ имъ шабашевать... Остались очень довольны!

Общій веселый смѣхъ и „ура“ товарищей привѣтствовали этого молодчину.

Вотъ гурьба измаиловцевъ и впереди ихъ кучка офицеровъ—они подводятъ къ генералу кокого-то рядоваго, въ рукахъ котораго развивается турецкое знамя—розовое съ бахромою, кистями и золотыми надписями изъ корана; — докладываютъ, что этотъ рядовой съ боя взялъ у непріятеля знамя.

— Какъ зовутъ? — спрашиваетъ генералъ.

— Лейбъ-гвардіи Измаиловскаго полка 2-й роты Иванъ Овчинниковъ.

— Молодецъ, спасибо! доложу главнокомандующему и Государю Императору—сказалъ генералъ Гурко.

И опять побѣдное „ура“ гремитъ въ воздухѣ и толпы гвардейцевъ заранѣе поздравляютъ будущаго георгіевскаго ковалера.

Когда подвели плѣннаго пашу, генералъ Гурко протянулъ ему руку, черезъ переводчика выразилъ, что ему пріятно пожать руку противника, который защищался столь рѣшительно и храбро. Въ отвѣтъ на это Ах-

метъ-Хивзи-паша сначала слегка развелъ руками и нѣсколько грустно улыбнулся. Онъ видимо былъ взволнованъ и подавленъ горемъ. Вслѣдъ за пашою былъ представленъ начальникъ его штаба, назвавшійся австрійцемъ, но происхожденіе его казалось сомнительнымъ—вѣрнѣе всего, что онъ былъ изъ евреевъ.

Вмѣстѣ съ пашою сдались до восьмидесяти офицеровъ, цѣлый кавалерійскій полкъ и до трехъ тысячъ пѣхотинцевъ. Взято 4 орудія, знамя, свыше пяти тысячъ ружей и множество патроновъ. Чтобы судить до какой степени изобиліе доходитъ у турокъ снабженіе патронами, достаточно сказать, что большіе коробки и ящики, наполненные ими, мы находили повсюду: и въ ложементахъ и въ землянкахъ, домахъ, сараяхъ и на улицахъ, кромѣ того на всѣхъ ближайшихъ дорогахъ они были растеряны и просыпаны цѣлыми кучами, словно щебень, такъ что двигаться между ними верхомъ, было даже не безопасно до нѣкоторой степени для лошадей. На всѣхъ патронахъ англійскія клейма. Большинство плѣнныхъ народъ очень видный,

бравый; одѣтый довольно порядочно, хотя и очень легко относительно осенняго времени, впрочемъ въ средѣ ихъ является немалая смѣсь: есть шестнадцатилѣтніе мальчики, есть и старики, чуть не шестидесяти лѣтъ и таковыхъ не мало. Эскадронъ лейбъ-гвардіи Уланскаго полка окружилъ всю эту толпу турокъ и повелъ ее изъ Горнаго-Дубняка.

Какъ только штурмъ укрѣпленной позиціи увѣнчался успѣхомъ, полки лейбъ-гвардіи Пріображенскій и Семеновскій тотъ-часъ были двинуты изъ резерва на Софійское шоссе и стали по обѣимъ сторонамъ, верстахъ въ трехъ отъ взятой позиціи, фронтомъ къ Дольнему Дубняку то есть по направленію къ Плевнѣ, и немедленно стали окапываться траншеями и возводить брустверы для полевыхъ орудій Такимъ образомъ обладаніе Горнымъ-Дубнякомъ было еще болѣе обезпечено за нами со стороны Плевны.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Разгромъ арміи Мухтара паши.

Съ половины августа мѣсяца русская кавказская армія приняла наступательное положеніе и побѣды слѣдовали за побѣдами. Главныя силы наши стояли лагеремъ на Караянѣ. Вечеромъ съ 2-го на 3-е октября никто не подозрѣвалъ что на утро начнется бой и что на слѣдующую ночь будемъ мы бивакировать на позиціяхъ непріятеля. Всѣ улеглись въ обычное время и пообыкновенію спали крѣпкимъ сномъ. Между тѣмъ близился роковой день для арміи Мухтара-паши и для весьма многихъ послѣдній день въ

жизни. Настало тихое, свѣтлое утро третьяго октября. Въ лагерѣ у насъ началась возня; слышались крики адъютантовъ „сѣдлай поскорѣе лошадей, сейчасъ корпусный командиръ ѣдетъ“ хотя о вчерашнемъ удачномъ обходѣ генерала Лазарева не было еще ничего извѣстно въ нашемъ лагерѣ и диспозицій къ бою держались въ строжайшемъ секретѣ, однакожь всѣ догадались, что Лазаревъ обошелъ и что рѣшено сегодня дѣйствовать и съ нашей стороны, то есть отъ Корояна. Въ седьмомъ часу выѣхалъ корпусный командиръ со своимъ штабомъ по дорогѣ къ Суботану, а вслѣдъ за нимъ и Его Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, чрезъ Караяльскія укрѣпленія на гору Кизиль-Тапу. По дорогѣ къ Суботану видны были слѣды недавняго боя: поля были изборождены снарядами, валялись осколки и цѣлыя не разорвавшіяся гранаты; убитыя лошади, тамъ и сямъ чернѣли полосами траншеи; возлѣ оврага были видны слѣды ужаснаго варварства турокъ: одного нашего раненаго они добили и завалили камнями, у него все тѣло было покрыто синяками и

черепъ пробитъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ; съ другого трупа была содрана кожа.

Въ лагерѣ генерала Роопа солдаты доканчивали ранній обѣдъ; нѣкоторыя роты уже строились, палатки были сняты, тяжести свозились въ суботанскій укрѣпленный вагенбургъ. Корпусный командиръ генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ остановился въ суботовскомъ лагерѣ у ставки генерала Геймана. Этотъ безстрашный генералъ, типъ кавказскаго закала, выражалъ въ голосѣ, движеніяхъ и жестахъ полнѣйшую рѣшимость. Его воинственная осанка внушала полное къ нему довѣріе. Его колоннѣ выпала самая трудная задача—взять штурмомъ Авліаръ, ключъ непріятельскихъ позицій, сильно укрѣпленный. Колонна его была уже въ движеніи. Дальнобойная наша баттарея обстрѣливала Авліаръ. Корпусный командиръ отдавъ Гейману послѣднія приказанія, простился съ нимъ и сказалъ, въ то время, когда онъ садился на лошадь: „съ Богомъ!“

Согласно диспозиціи войска наши для боя были расположены такъ: колоннѣ генералъ-маіора Фонъ-Шака, удерживая большую Ягны

и охраняя ее отъ возможныхъ аттакъ со стороны малой Ягны и Карса, дѣйствовать артиллерійскимъ огнемъ по визинкевской дорогѣ. Колоннѣ генерала Геймана наступать осмотрительно на Авліаръ или въ обходъ его съ правой и лѣвой стороны. Войскамъ генералъ-маіора Кузьминскаго, слѣдуя на Керъ Ханы и Шамши, тѣснить непріятеля съ его Аладжинскихъ позицій къ верхне-аладжинской дорогѣ. Войскамъ генералъ-лейтенанта Роопа, выдвинувъ не большую часть войскъ, для связи между колоннами Геймана и Кузьминскаго, слѣдовать въ резервномъ порядкѣ. Кавалеріи генерала Геймана дѣйствовать на Визинкевъ, а кавалеріи генерала Роопа. за удержаніемъ драгунъ въ резервѣ, дѣйствовать въ обходъ праваго фланга непріятеля. Отряду полковника Бѣлинскаго, расположенному на Кабахъ-Тапе, притянувъ кавалерію изъ Торчета, выдвинуть ее по дорогѣ на Карсъ и къ сторонѣ малой Ягны для наблюденія за непріятелемъ.

По свѣдѣніямъ, добытымъ отъ лазучиковъ армія Мухтара-паши была въ такомъ составѣ: на Аладжинскихъ высотахъ 26 табаровъ,

400 всадниковъ и 18 орудій и Визинкева 11 таборовъ, 6 эскадроновъ и 11 орудій, на южномъ склонѣ Аладжи 15 таборовъ, на Авліарѣ 4 табара и 4 орудія, на фортѣ Илахъ-Тепеси одинъ таборъ и 4 орудія, на малой Ягнѣ 8 табаровъ и 14 орудій. Всего 65 табаровъ и 52 орудія. Сверхъ того 2 го октября изъ корпуса Измаила-паши прибыло 6 таборовъ и въ Карсѣ находилось 8 таборовъ.

Численность таборовъ значительно была уменьшена предшествовавшими битвами и дезертирствомъ солдатъ, особенно редифа.

Генералъ Гейманъ направилъ свои войска слѣдующимъ образомъ: Ростовскій гренадерскій полкъ на деревню Буланахъ, Грузинскій полкъ между Буланахъ и Авліаромъ, а лейбъ Эриванскій съ фронта на это укрѣпленіе; за эриванцами два батальона Пятигорскаго полка для первой поддержки, въ резервѣ одинъ стрѣлковый и одинъ саперный кавказскій батальоны. Войска наступали разсыпнымъ строемъ, тонкими линіями. Турки тотчасъ же открыли перекрестный огонь съ фронта (Авліара) и съ лѣваго фланга Аладжи.

Въ 9 часовъ 8 баттарей Геймана выѣхали

на позицію и стали громить Авліаръ изъ 64 девятифунтовыхъ орудій. Эриванцы подошли къ подошвѣ Авліара и залегли за неровностями мѣстности. Съ Авліара на атакующихъ полилась масса огня. Линія авліарскихъ траншей и ложементовъ покрылись дымчатою завѣсою. Надъ вершиной Авліара тоже стояли облака густого дыма отъ разрыва нашихъ картечныхъ гранатъ. Мѣткость артиллеріи нашей была поразительна: всѣ снаряды разрывались подъ траншеями; но и стойкость турокъ заслуживала удивленія: они, не смотря на эту адскую артиллерійскую аттаку, оставались въ траншеяхъ и не уменьшали огня.

Трудность фронтальной аттаки была столь очевидна, что невольно у многихъ рождалась мысль о возможномъ неуспѣхѣ. Доблестный Эриванскій полкъ въ теченіи $2^1/_2$ вѣковъ всегда съ побѣдой выходилъ изъ боя. Онъ баловень счастія. Неужели оно на этотъ разъ измѣнитъ ему? Въ мужествѣ этого полка всѣ были убѣждены и знали, что эриванцы скорѣе всѣ лягутъ на склонахъ Авліара, чѣмъ отступятъ и тѣмъ омрачатъ исконн

заслуженную славу полка. Преданіе о геройскихъ подвигахъ эриванцевъ въ битвахъ при Башѣ-Кадыкъ-Лорѣ и Кюрюнь-Дара изъ устъ одного полка переходило неизмѣнно къ другому.

Между тѣмъ среди страшной борьбы за Авліаръ, семь турецкихъ таборовъ стали заходить во флангъ первому батальону эриванцевъ. Командиръ этого батальона флигель-адъютантъ фонъ-деръ-Нонне, замѣтивъ появленіе у себя турецкихъ колоннъ, оттянулъ свой правый флангъ отъ Авліара и, поставивъ его параллельно къ непріятелю, бросился къ нему на встрѣчу и смѣло выдвинулся далеко впередъ. Турки, разсыпавъ густую цѣпь, наступали, но вскорѣ мѣткій, бѣглый огонь 1-го батальона остановилъ въ нѣсколько разъ превосходившаго силами непріятеля. Батальонъ упорно удерживалъ за собою. занятую позицію, ни шагу неподвигаясь назадъ. Однако, вскорѣ обнаружился у насъ недостатокъ въ патронахъ, а турки все болѣе усиливали боевую линію. Положеніе батальона было критическое. Нонне сталъ разыскивать патронные ящики, но ихъ вблизи

не оказалось; къ счастію онъ замѣтилъ въ лощинахъ 1-й стрѣлковый кавказскій батальонъ, стоявшій въ резервѣ. Стрѣлки по просьбѣ Нонне, не ожидая приказанія свыше, почти бѣгомъ бросились на выручку своимъ. Вслѣдъ затѣмъ высланъ еще въ подкрѣпленіе 1-й кавказскій саперный батальонъ. Эти три батальона дружнымъ натискомъ заставили семь непріятельскихъ таборовъ отступить. Въ данномъ случаѣ особенно отличилась Государева рота; она, предводимая своимъ молодымъ офицеромъ поручикомъ Вольскимъ, бросилась на „ура“ сбила турокъ съ холма и открыла огонь во флангъ непріятелю. Дорого обошелся 1 батальону этотъ, далеко не равный бой. Маіоръ Нонне, раненный въ руку, оставался въ бою, пока непріятель не дрогнулъ и не отступилъ.

Эпизодъ съ эриванскимъ батальономъ, обнаружившій возможность перехода непріятеля въ наступленіе, побудилъ генерала Гейманна поспѣшить развязкой на Авліарѣ. Не сомнѣваясь въ результатахъ, произведенныхъ огнемъ нашей артиллеріи генералъ Гейманъ въ полдень отдалъ приказаніе идти

Взятіе Плевны.

на штурмъ, тѣмъ болѣе, что огонь турецкихъ траншей сталъ видимо ослабѣвать.

Густая цѣпь трехъ батальоновъ эриванцевъ стала подниматься на Авліаръ, а Грузинскій полкъ лѣвѣе его на нижнія траншеи. Огонь нашихъ баттарей разомъ затихъ, за то непріятельскіе ложементы и траншеи покрылись мгновенно сильнымъ дымомъ ружейнаго огня, но наши кавказскіе гренадеры, не колеблясь, лезли впередъ, теряя по дорогѣ многихъ своихъ храбрыхъ товарищей. Болѣе получаса наши молодцы шли въ сферѣ ужаснаго огня, наконецъ передніе ряды, предводимые достойными офицерами, бросились на „ура“ и овладѣли траншеями. Чрезъ полчаса всѣ скаты Авліара были очищены молодецкими штыками нашихъ солдатъ и пять знаменъ: три Эриванскаго и два Пятигорскаго полковъ развѣвались на вершинѣ горы.

Первыми вошли на Авліарскую баттарею штабсъ-капитанъ Соболіусъ и капитанъ Яковлевъ со своими стрѣлковыми ротами Эриванскаго полка. Честь и слава героямъ Авліара! Съ переходомъ этого пункта, ключа всей непріятельской позиціи въ наши руки,

турки окончательно были поражены и путь отступленія къ Карсу былъ отрѣзанъ заступникамъ Аладжи.

По взятіи Авліара бой на минуту, какъ бы пріостановился и восторженное русское „ура“ пронеслось по всей линіи въ честь побѣды. Давившее какъ кошмаръ, сомнѣніе въ нашемъ успѣхѣ исчезло; всѣ повеселѣли.

При штурмѣ Авліара убитъ штабсъ-капитанъ Рославлевъ, только что поступившій въ Эриванскій полкъ. Офицеры зная, что онъ человѣкъ богатый, дѣйствительный статскій совѣтникъ и камергеръ двора Его Величества, спрашивали: зачѣмъ онъ поступилъ въ строй на старости лѣтъ? Рославлевъ отвѣтилъ: хочу съ эриванцами заслужить георгіевскій крестъ или умрѣть. Послѣднее его желаніе сбылось. Онъ палъ впереди роты.

Турки въ Авліарѣ бросили три орудія и множество боевыхъ запасовъ. Резервы ихъ быстро стали отступать къ Орлокско Визинкевскимъ высотамъ, преслѣдуемые войсками Гейманна, которыя были усилены двумя гренадерскими полками 1-й дивизіей: несвижскимъ и перновскимъ.

Едва эти войска двинулись впередъ, какъ съ западныхъ высотъ стали тоже раздаваться крики „ура:“ то были передовыя колонны Лазарева. Услыхавъ съ утра канонаду подъ Авліаромъ, Лазаревъ приказалъ колоннамъ Шелковникова и Цитовича атаковать Визинкевскія высоты съ тыла. Артилерія наша открыла мѣткій огонь изъ 20 орудій, а штурмующія колонны, предводимые своими храбрыми генералами смѣло двинулись на нижній рядъ траншей и выбили оттуда турокъ штыками. Въ это время Нижегородскій драгунскій и Кизляро-гребенскій полки, выдвинутые впередъ на высоту, взяли непріятеля во флангъ и окончательно обратили въ бѣгство по высотамъ къ селенію Визинкевъ. Нижегородцы и казаки молодецки врубились въ массы турокъ, множество изрубили и до 300 человѣкъ взяли въ плѣнъ. Здѣсь же взяты брошенные непріятелемъ 4 орудія и знамя взводомъ Нижегородскаго полка поручика Панчулидзе.

Въ минуту збитія турокъ съ Визинкевскихъ высотъ и встрѣчи колонны Геймана съ войсками Лазарева, къ нимъ прибылъ корпус-

ный командиръ. Осмотрѣвъ положеніе дѣлъ, и, увидѣвъ, что центръ непріятеля прорванъ, но Аладжа и малыя Янлы еще держатся, онъ приказалъ Гейману наступленіе на Визинкевскій лагерь, войскамъ Лазарева окружить высоты Чифтъ-Тенеси съ западной стороны, а задними своими эшалонами занять безарджикскія укрѣпленія и всѣ пути, по которымъ непріятель могъ отступить къ Аладжѣ. Кавалеріи князя Щербатова ставилось задачей до прибытія пѣхоты окружить Малыя Янлы и пресѣчь отступленіе къ Карсу. Операція эта была исполнена такъ: пока развозились приказанія, кавалерія, поддерживаемая Дербентскимъ пѣхотнымъ полкомъ, ворвалась въ визинкевскій, сильно укрѣпленный лагерь. Турки, объятые паникой, бѣжали къ Карсу, преслѣдуемые нашей кавалеріей, почти до карскаго укрѣпленія Хафизъ-паша, съ которою былъ открытъ огонь, причинившій болѣе вреда своимъ, чѣмъ нашей кавалеріи. При этомъ взято въ плѣнъ еще 500 человѣкъ и все пространство отъ Визинкева до укрѣпленія Хафизъ-паши было усѣяно тру-

пами, ружьями и патронами бѣгущаго непріятеля.

Въ Визинкевскомъ лагерѣ найдены большіе запасы патроновъ, фуража, пшеницы и галетъ, а равно весь лагерь, болѣе 150 палатокъ.

Дѣйствія наши противъ Аладжи начались одновременно съ движеніемъ на Авліаръ. Турки съ утра очистили фортъ Инахъ-Типу и перешли на Аладжу, гдѣ ихъ войска до того скрыто размѣстились по траншеямъ, что одно время показалось, будто Аладжа ими брошена, нигдѣ ни одного человѣка не было видно. Однако вскорѣ обнаружилось противное. Лишь только наша цѣпь двинулась съ фронта на Аладжу, какъ они разомъ открыли бѣглый ружейный огонь и тѣмъ обнаружили, что позиція занята большими силами. Цѣпи приказано остановиться. При такихъ условіяхъ рѣшительный натискъ двумя полками былъ бы несвоевременный; нужно было до поры до времени ограничиться перестрѣлкой. Артиллерія турецкая дѣйствовала противъ нашей 3-й баттареи 38-й бригады и по выдающимся частямъ пѣхоты; нѣсколько сна-

рядовъ были пущены по свитѣ командующаго корпусомъ, когда онъ выѣхалъ впередъ Субота на.

Со взятіемъ Авліара наши дѣйствія противъ Аладжи сдѣлались энергичнѣе. Генералъ Роопъ, выдвинувъ изъ резерва лейбъ-екатеринославскій полкъ и двѣ баттареи, ударилъ бой къ аттакѣ. Турки, напрягая послѣднія усилія, участили огонь до высшей степени, но уже было поздно: владикавказскій полкъ и часть кавалеріи, подъ начальствомъ Чавчавадзе, охватили ихъ правый флангъ, а съ другой стороны стали обходить траншеи екатеринославцы и дивизіонъ сѣверскихъ драгунъ съ четырьмя полными орудіями. Артиллерія же наша прошла турецкія позиціи съ фронта. Вскорѣ вся линія подвинулась на непріятеля и обратила его въ безпорядочное бѣгство. Елисаветпольскимъ и владикавказскимъ полками отрѣзали часть турецкой пѣхоты и взяли въ плѣнъ, а остальная спѣшила укрыться въ южныхъ склонахъ Аладжи, преслѣдуемая нашей кавалеріей.

Битва близилась къ развязкѣ: по всему полю сраженія разрозненная часть арміи

Мухтара, выбитыя изъ своихъ крѣпкихъ позицей находились въ бѣгствѣ или полномъ отступленіи. Наши войска повсемѣстно докапчивали пораженія турокъ и все тѣснѣе окружали ихъ на Чифтъ-Тепеси и Базарджикскихъ высотахъ. На штурмъ Базарджикскихъ высотъ, послѣдняго турецкаго оплота, были направлены колонны: генералъ-лейтенанта Шатилова, свиты его Величества генерала Гурчина и полковника Панкратьева. Гурчинъ открылъ огонь изъ 16 орудій лишь только наши колонны стали подыматься по крутому скату, занятой турками возвышенности, турки, видя грозныя силы нашихъ войскъ, готовыя двинуться на штурмъ, перестали стрѣлять и выставили бѣлый флагъ, а вскорѣ прибылъ къ Гурчину турецкій офицеръ генеральнаго штаба съ предложеніемъ отъ старшаго паши о сдачѣ. Гурчинъ предложилъ имъ безусловную сдачу и для этого потребовалъ немедленно свезти орудія и обезоруженные батальоны свести на равнину. Предложеніе было принято безъ отговорокъ. Радостная вѣсть эта мгновенно облетѣла наши войска.

Вѣчерѣло. На Визинкевскія высоты прибылъ Великій Князь Михаилъ Николаевичъ и, получивъ здѣсь извѣстіе оготовности Омера-паши къ здачѣ, приказалъ состоящему при немъ полковнику Петерсу войти въ соглашеніе относительно капитуляціи.

И такъ, армія Мухтара-паши понесла полнѣйшій погромъ. 7 пашей, 23, штабъ-офицера 264 оберъ-офицера и 6084 нижнихъ чиновъ сдались военно-плѣнными, 35 орудій, множество ружей и снарядовъ были нашими трофеями.

Послѣдствіемъ этого погрома было бѣгство Мухтара изъ подъ Карса на Сагамугскія высоты.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Взятіе Карса.

Съ разгромомъ арміи Мухтара паши задача штурма крѣпости Карса значительно облегчилась и никто почти не сомнѣвался что представляется возможность взять его. Штурмъ былъ назначенъ съ 1-го на 2-е ноября ночью. Мысль о штурмѣ ночью, а не днемъ всецѣло принадлежитъ генералу Лорисъ-Меликову, но этотъ штурмъ не состоялся. Какъ нарочно нѣсколько дней шелъ дождикъ и снѣгъ, таившій весьма скоро. Грязь развело такую, что положительно не было возможности, взбираться на какую-либо покатость; а вѣдь

спуски рвовъ и скаты валовъ турецкихъ укрѣпленій, конечно подновлены и стало быть весьма круты. Штурмъ отложили по этому до утра 2-го числа, потомъ отложили еще разъ, къ большому горю солдатъ, выступившихъ уже изъ лагерей на сборные пункты и неспавшихъ почти всю ночь.

Черезъ два дня пріударилъ порядочный таки морозецъ и заковалъ всю грязь; на слѣдующій день еще сильнѣе. Значитъ въ сутки не оттаитъ. Окончательно штурмъ назначенъ съ 5-го на 6 е ноября.

Первоначальная диспозиція заключалась въ слѣдующемъ: главная атака ведется на нижніе форты Сувари, Каплы-Хавозъ; здѣсь наши войска дѣйствуютъ подъ непосредственнымъ руководствомъ генералъ-лейтенанта Лазарева; съ востока на Арабъ-таби и Карадахъ ведется демонстрація колонною генералъ-лейтенанта Шатилова со стороны Мацры; съ запада же и сѣвера, гдѣ построены. Токмасъ, Тикъ-тепеси, Лазъ-тепеси Блюмъ-табія, Нигизъ-табея, Вени-паша.

— Мухлисъ, демонстрируетъ колонна генералъ-лейтенанта Роопа. Въ случаѣ успѣха

штурма всѣхъ трехъ фортовъ, колонны Шаталова и Роопа переходятъ отъ демонстраціи къ настоящей атакѣ и стараются овладѣть Арабомъ, Кародагомъ и Лазъ-тенеси.

На каждый изъ нижнихъ фортовъ было назначено по 5 батальоновъ и столько же назначено въ общій резервъ:

На Сувари шли: три батальона перновцевъ, 1-й стрѣлковый батальонъ и батальонъ севастопольцевъ, подъ начальствомъ графа Граббе.

На Канлы назначались: три батальона севастопольцевъ и два имеритинскихъ, подъ начальствомъ полковника Вождарина.

На Хафисъ посылались: три батальона кутаисцевъ и по батальону ладикавказцевъ и имеритинцевъ, подъ начальствомъ полковника Фадѣева.

За этой послѣднею колонною долженъ былъ держаться резервъ, изъ трехъ батальоновъ владикавказцевъ и двухъ батальоновъ несвижцевъ подъ начальствомъ свиты Его Величества генералъ-маіора Гурчина.

Такъ какъ одною изъ неудачь муравьескаго штурма были собаки, бѣжавшіе приротахъ и лаемъ своимъ предупреждавшіе турокъ о нападеніи, то собакъ строжайше строжайше запрещено брать съ собою. Дѣло 20 сентября указало также, что не только солдаты, но и нѣкоторые офицеры, рѣшительно не понимаютъ, что зажиганіе спичекъ и куренія папиросъ могутъ выдать наше движеніе туркамъ и послужить намъ во вредъ. Поэтому штурмовымъ колоннамъ запрещено было и куреніе.

Опытъ предыдущихъ случайныхъ атакъ указалъ, также, при каждой колоннѣ должны быть артиллеристы, которыя умѣли бы дѣйствовать по туркамъ изъ захваченыхъ турецкихъ орудій, а въ случаѣ отступленія успѣли бы испортить эти орудія или вынуть замки. Затѣмъ, на случай необходимости разбить ворота, двери, пробить стѣну, крышу и тому подобное, надобно придать и команду саперъ съ динамитными патронами. А что бы колонна могла сообщить о ходѣ своей работы въ резервъ и по начальству— необходимо придать ей нѣсколько казаковъ.

Для большей же скорости передачи главнаго и болѣе существеннаго обстоятельства, что такой-то фортъ взятъ, необходимо было установить систему сигналовъ ночныхъ. Единственнымъ, возможнымъ для насъ сигналомъ могли служить только ракеты, такъ какъ ни морскихъ фонарей Шпаковскаго, ни фальмфееровъ у насъ не было. Поэтому къ каждой колоннѣ приданы были ракетныя команды. Самые сигналы установлены были слѣдующіе: если взятъ фортъ-Сувари — пускаютъ съ него двѣ ракеты; если взятъ Канлы — то съ него пускаютъ три ракеты, а если Хафизъ — то четыре. Когда руководитель штурмомъ увидитъ по ракетамъ, что всѣ три форта уже взяты, онъ пускаетъ четыре ракеты разомъ, что и служитъ сигналомъ — для Шатилова и Роопа — начинать наступленіе. Если эти генералы замѣтили этотъ сигналъ и поняли его — они должны отвѣтить двумя ракетами, пущеные также разомъ; а когда начнется штурмъ Карадача съ Горжи, то пускаютъ шесть ракетъ разомъ.

Послѣ отмѣны штурма, въ диспозиціи произведены были нѣкоторыя измѣненія въ со-

ставѣ колоннъ и направленіи ихъ. Такъ напримѣръ, колонна Граббе шла уже не на Сувари, а на Каплы, помѣнявшись Вожданиымъ. Затѣмъ колоннѣ генералъ-маіора Комарова приказано было демонстрировать Токмасъ и Лазъ, и брать Чимъ.

Въ заключеніе обзора диспозиціи слѣдуетъ сказать, что колоннамъ приказано было взять по 18 штурмовыхъ лѣстницъ для спуска въ ровъ и взлезанія на брустверъ или валъ и по нѣсколько досокъ для перекидыванія чрезъ волчьи ямы и рвы. Идти велено безъ шума и выстрѣла, не смотря на огонь непріятеля.

Его Высочество Михаилъ Николаевичъ предоставилъ всѣ распоряженія по штурму Лорисъ-Меликову, а ближайшее руководствованіе генералъ-лейтенанту Лазареву.

Въ въ 7 часовъ вечера войско уже тронулось со сборныхъ пунктовъ. Корпусный командиръ въ Караджуранѣ привѣтствовалъ войско. При свѣтѣ луны видны были колонны ротъ и батальоновъ, за ними команды съ досками и санитары съ носилками. Не

смотря на запрещеніе довольно много собакъ проскользнуло къ своимъ ротамъ.

Впрочемъ псы какъ бы понимали, что они должны вести себя тише воды, ниже травы и скромно сидѣли въ ожиданіи похода.

Отъ Караджурана до ближайшихъ турецкихъ фортовъ было 6 верстъ и значитъ при условіи ночнаго движенія, съ соблюденіемъ всякихъ предосторожностей, надо было считать до начала дѣла не менѣе двухъ часовъ. Въ Караждуранѣ помѣщался лагерь генерала Лазарева, тутъ же была и его ставка. Въ ожиданіи дѣла сюда собралось нѣсколько генераловъ. Штабные разбились на группы и разговариваютъ, кто шопотомъ, кто громко. Видно было, что мысли всѣхъ были сосредоточены на предстоящемъ дѣлѣ. Томительное ожиданіе, неизвѣстность близкаго будущаго, тысячи безпокойныхъ вопросовъ, надъ которыми выплываетъ одинъ главный: удача или неудача? Это было настроеніемъ каждаго.

Вѣстовые казаки засуетились. Корпусный командиръ вышелъ изъ палатки Лазарева и сѣлъ на лошадь. Было уже около девяти

часовъ вечера съ Канлы показались огни, черезъ нѣсколько секундъ послышалась и трескотня, это проснулись турки, черезъ четверть часа загорѣлась такая же иллюминація на Ховизѣ. Надъ головами русскихъ уже пролетали гранаты. Турки конечно не могли видѣть русскія колонны и кидали снаряды на угадъ по направленію къ Корадджурану, въ разсчетѣ, что штабъ и резервы должны подходить оттуда. Разсчетъ былъ вѣренъ и гранаты падали довольно близко къ лагерю Лазарева.

Черезъ часъ фортъ Канлы замолкъ. Это случилось въ $10^1/_2$ часовъ вечера. Послышалось продолжительное „ура“ и выстрѣлы смолкли сразу.

Корпусный командиръ послалъ въ разныя стороны своихъ ординарцевъ узнать, какъ идутъ дѣла? Черезъ минутъ десять Канлы снова началъ стрѣлять, но уже не въ ту сторону. Очевидно было что наши стрѣляютъ въ турокъ, которые хотятъ отнять фортъ назадъ у русскихъ. Линія турецкихъ огоньковъ вспыхававшая, какъ по зажигательной

нитка, видѣлась съ правой стороны форта. Вотъ она колыхнулась назадъ и чрезъ минуту совсѣмъ потухла. Со стороны взятаго форта Каплы подъѣхали два всадника. Это пріѣхалъ штабсъ-ротмистръ Бибиковъ увѣдомившій корпуснаго командира, что Каплы взятъ и что генералъ Граббе убитъ. Пуля попала несчастному въ грудь и кровь разомъ хлынула изъ горла, затѣмъ послѣдовала мгновенная смерть.

Въ это время шла перестрѣлка и на фортѣ Хофизъ. Карадагъ и Арабъ-Табія приняли также участіе въ бою. Наши осадныя пушки молчали, а полевая артиллерія была сосредоточена въ резервѣ.

Въ скоромъ времени отъ Лазарева было получено Лорисъ-Меликовымъ извѣстіе, что Хофизъ взятъ. Еще черезъ четверть часа получено извѣстіе о взятіи Сувари.

Лѣвые верхніе форты на Шарахскихъ высотахъ: Токмасъ, Тикъ и Лазъ, стрѣлявшіе первое время изъ пушекъ, также одѣлись ружейными огнями. По временамъ вылетали блестящіе, бѣлые шары. — Это свѣтящіяся

ядра, которыя дѣлаются изъ пакли, пропитанной смѣсью изъ смолы, сала и пороховой мякоти. Онѣ имѣютъ своимъ назначеніемъ освѣщать мѣстность въ ночное время, съ другой стороны въ этой паклѣ были гранаты, которыя разрывались.

Спустя нѣкоторое время взятъ былъ и грозный фортъ Карадагъ кутаисцами, тѣми самыми, которые уже взяли Хафизъ, отъ нихъ онъ отстоялъ ближе всѣхъ и дорогу къ нему они хорошо знали. Теперь уже не было сомнѣнія, что Карсъ будетъ взятъ. Такъ оно и случилось. Карсъ былъ сданъ. Передъ выходомъ изъ фортовъ турки ломали свои ружья, а не то зарывали ихъ въ откосы земляныхъ окоповъ. Захваченные въ полѣ турки кидали свои ружья въ овраги.

На разсвѣтѣ турецкая конница въ количествѣ 500 человѣкъ прорвалась чрезъ наши аванпосты на Самоватъ, то есть къ сторонѣ Ольты и Эрзерума. Это было началомъ всеобщаго бѣгства. Говорятъ, что самъ комендантъ Гуссейнъ Али убѣжалъ еще ранѣе

чрезъ Мухлисъ и всего только съ 30 всадниками, чтобы не возбудить нашихъ аванпостовъ.

На другой день послѣдовалъ торжественный въѣздъ въ Карсъ Его Высочества Михаила Николаевича, гдѣ его радостно встрѣтили жители города.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Паденіе Плевны.

Когда получена была въ главной квартирѣ вѣсть о паденіи Карса, это обстоятельство привело всѣхъ въ восторгъ, начиная отъ Государя Императора.

Въ тотъ же вечеръ генералъ Скобелевъ приказалъ сдѣлать большой транспарантъ съ подписью „Карсъ“ и приказалъ его поднять надъ своими траншеями, такъ, чтобы въ Плевнѣ узнали о паденіи этой крѣпости, считавшейся неприступной. Едва только поднялся этотъ транспорантъ, какъ на него

изъ Плевны посыпались тучи пуль, которыя мгновенно изрѣшетили его.

Наконецъ пришелъ послѣдній часъ и для Плевны. Положеніе Османа паши становилось день ото дня все хуже и хуже и онъ рѣшился или прорваться изъ Плевны или умерѣть.

Положеніе арміи Османа паши въ Плевнѣ было гораздо хуже, чѣмъ писали въ газетахъ и перебѣжчики были правы, когда говорили, что положеніе турокъ отчаянное. Теперь стало извѣстно, что турки голодали въ Плевнѣ около мѣсяца. Въ послѣднюю недѣлю они собрали муку съ болгаръ и испекли изъ нее 47,000 хлѣбовъ. Это были послѣднія средства. Мясо раздавали только низаму и то въ небольшихъ порціяхъ. На это войско особенно разсчитывалъ Османъ-паша, собираясь прорваться. Взятіе Карса обезкуражило защитниковъ Плевны, но Османъ не переставалъ разчитывать на помощь ему до 20-го ноября, когда онъ узналъ о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ по направленію къ Орханіи, всякая надежда исчезла. Въ войскѣ начался

ропотъ, настолько сильный, что Османъ принужденъ былъ ночевать въ разныхъ палаткахъ, боясь убійцъ. Оставалось прорваться. Днемъ выступленія было назначено 27 е ноября, воскресенье. Каждому солдату данъ былъ шестидневный запасъ сухарей и сто пятьдесятъ патроновъ. Запасныя пушки были увезены въ городъ. Турецкія баттареи замолчали, потому что хотѣли замаскировать движеніе и совершить его въ возможной тайнѣ. Больные и раненые, которые не могли слѣдовать за войсками, были оставлены на мѣстѣ, но легко раненые выступали вмѣстѣ съ войсками. Вечеромъ 27 го ноября армія Османа паши сосредоточилась подъ Видомъ. Лишнее оружіе было сложено въ церкви. Нѣкоторыя баттареи бросили свои пушки, чтобы облегчить самое движеніе отъ другихъ баттарей провели траншеи, чтобы по нимъ отвозить, въ случаѣ надобности, орудія. Ночь прошла въ дѣятельной работѣ, въ приготовленіяхъ къ бою. До разсвѣта турки успѣли навести два моста, употребивъ на это телѣги и доски. Но и русскіе тоже не дремали. Ла-

зутчики узнали объ этомъ движеніи и предупредили русскаго Главнокомандующаго. Тотчасъ же приняты были необходимыя мѣры предосторожности. Съ зарею турки перешли рѣку Видъ въ количествѣ около 40 тысячъ человѣкъ и обрушались на 3 гренадерскую дивизію съ цѣлью прорваться на Берковицу, гдѣ у насъ образуется сильная позиція. Бой самый ожесточенный длился сряду четыре часа. Укрѣпленіе переходитъ изъ рукъ въ руки. Торжествующее „ура“ смѣняется торжествующимъ „аллахъ“. Сначала бой принятъ Сибирскимъ гренадерскимъ полкомъ, который бился мужественно и немедленно былъ усиленъ резервами. Турки наконецъ смяты, резервы ихъ бросились назадъ. Но въ это время Скобелевъ уже наступалъ и запялъ тылыные турецкіе редуты, за которыми турки разсчитывали имѣть прикрытіе для новой обороны. Ихъ окружаютъ болѣе и болѣе. Геройскій бой идетъ съ обѣихъ сторонъ. Въ девять часовъ въ Плевну, оставленную турками въѣзжаютъ русскіе. Турки все еще борятся. Османъ-паша пробуетъ упо-

требить послѣднее усиліе—бросается впередъ, увлекая за собою войска, но получаетъ рану. Дружная аттака нашихъ войскъ приводитъ турокъ въ отчаянье. Они видятъ, что прорваться нѣтъ возможности и выбрасываютъ бѣлый флагъ, но за туманомъ флага не было видно и русскіе продолжаютъ наступать. Во второй и третій разъ турки выбрасываютъ бѣлый флагъ; ни одинъ солдатъ турецкій не можетъ прорваться сквозь наступающую цѣпь русскихъ. Между тѣмъ Османъ-паша отправился на телеграфную станцію и приказалъ поднять бѣлый флагъ въ четвертый разъ. Тогда бой былъ оконченъ, Османъ-паша объявилъ, что онъ безусловно сдается на милость Государя Русскаго со всею своею арміею, и только проситъ сохранить имущество офицеровъ, Государь Императоръ былъ въ это время въ двадцать седьмомъ редутѣ, откуда слѣдилъ за массами войскъ группировавшимися между Опанцемъ и Медвеномъ. Великій Князь Главнокомандующій отправился за Видъ и благодарилъ гренадеровъ, къ нему подвели Османа-пашу, котораго онъ

принялъ благосклонно и выразилъ свое уваженіе къ его мужеству, а свита его рукоплескала доблестному защитнику Плевны и кричала ему „браво“. Великій Князь позволилъ Осману перепочивать въ Плевнѣ, чтобы онъ могъ хорошо и покойно перевязать свою рану. Начальникъ его штаба Теверіь-паша ночевалъ у генерала Скобелева.

29 го ноября Государь Императоръ и Великій Князь Николай Николаевичъ слушали благодарственный молебенъ въ турецкомъ редутѣ № 5. Потомъ провозглашена была вѣчная память павшимъ на полѣ брани и переданы награды Георгія 1 й степени Великому Князю Главнокомандующему. Георгія 2-й степени: Тотлебену, Милютину и Непокойчицкому. Георгія 3-й степени: Имеретинскому и Гопецкому и 4-й степени; Левицкому и начальникамъ гренадерскихъ дивизій Свѣчину и Данилову. Вслѣдъ затѣмъ Государь Императоръ поѣхалъ въ Плевну. Отслуживъ молебенъ въ Плевненскомъ соборѣ, Государь завтракалъ въ одномъ болгарскомъ домѣ. Во время завтрака Государь потребо-

валъ къ себѣ Османа пашу. Когда его привели, онъ встрѣченъ былъ общимъ вниманіемъ—офицеры отдали ему честь, а Государь возвратилъ ему саблю, сказавъ при этомъ, что онъ можетъ носить и въ Россіи. Когда Османъ паша выходилъ отъ Государя, раздалось общее „браво“ присутотвовавшихъ и крики привѣтствія. Болгарскіе дома и имущество были въ Плевнѣ цѣлы. Скобелевъ назначенъ губернаторомъ Плевны, а командиръ Суздальскаго полка Пашютинъ—комендантомъ оной.

Потери наши въ этомъ бою были слѣдующія, убито: штабъ офицеровъ 2, оберъ офицеровъ 18, нижнихъ чиновъ 562, ранено: штабъ-офицеровъ 40, а нижнихъ чиновъ 1207 человѣкъ. Потери турокъ по показаніямъ Тевернъ-паши болѣе 4хъ тысячъ. Трофеи наши: плѣнныхъ пашей 10, штабъ-офицеровъ 128, оберъ-офицеровъ 2 тысячи человѣкъ, нижнихъ чиновъ 36 тысячъ, кавалеріи 1200 человѣкъ, орудій 77.

Императоръ Александръ II 28 ноября телеграфировалъ въ Петербургъ къ Государынѣ Императрицѣ слѣдующее:

„Ура! Полная побѣда! Османъ-паша сдѣлалъ сегодня утромъ попытку прорваться сквозь наши линіи по направленію къ Видину, но былъ отброшенъ въ занятую уже нами Плевну и вынужденъ былъ сдаться безъ всякихъ условій со всею своею арміею. Тебѣ понятны моя радость и наполняющая мое сердце благодарность къ Богу. Я только въ 6 часовъ вернулся съ нашихъ баттарей. Желалъ бы, чтобы въ большой церкви былъ отслуженъ благодарственный молебенъ“.

Вѣсть о взятіи Плевны русскими восторжено была встрѣчена во всей широкой землѣ русской. Въ Берлинѣ по полученіи объ этомъ происшествіи телеграммы въ 12 часовъ 29-го ноября вѣсть уже распространилась по всей столицѣ. Во всѣхъ общественныхъ мѣстахъ, концертныхъ залахъ, ресторанахъ пѣли русскій гимнъ. Хоры музыки исполняли русскій гимнъ нѣсколько разъ по требованію публики. Шампанское лилось рѣкой въ ознаменованіе торжественнаго событія.

Въ этой достопамятной битвѣ войска наши покрыли себя неувядаемой исторической славой.

Сдача Плевны имѣла нравственные и стратегическіе результаты. Подъ начальствомъ Османа была лучшая армія Порты, закаленная въ битвахъ съ сербами и русскими добровольцами и въ которой считалось довольно много европейцевъ. Самъ Османъ, командовавшій ею отличался энергіею и осторожностію; хорошо зная характеръ русскихъ войскъ, неспособныхъ маневрировать въ открытомъ полѣ, онъ не отваживался преслѣдовать корпусъ Криденера, послѣ отраженія нашего штурма 19-го іюля, онъ предпочелъ не рисковать, добиваясь рѣшительнаго успѣха, а выжидать новыхъ аттакъ за стѣнами Плевны и, такимъ образомъ, парализовать наши главныя силы. Ошибка его состояла въ томъ, что онъ не отступилъ на Софію, когда еще это было возможно. Но онъ вѣроятно не зналъ о полученныхъ русскими новыхъ подкрѣпленій, какъ равно надѣялся на совокупное дѣйствіе Сулеймана и Мехети-Али.

Взятіе Плевны позволило русскимъ отправить значительныя силы противъ Сулеймана Махмета-Али.

Сулейманъ не оставался въ бездѣйствіи.

Полагая, что лѣвый флангъ русской рущукской арміи ослабленъ, онъ рѣшился аттаковать съ силами болѣе превосходными тѣхъ, съ которыми онъ уже находился 14-го ноября. Но планъ его былъ раскрытъ ранѣе аттаки, благодаря удачнымъ рекгносцировкамъ нашихъ войскъ, произведенныхъ по всему восточному фронту. Одна изъ рекгносцировочныхъ колоннъ выяснила, что турки начинаютъ переправляться черезъ Ломъ; это сообщеніе дало возможность 15 корпусу приготовиться къ отпору непріятеля, который, послѣ нѣсколькихъ жаркихъ схватокъ принужденъ былъ отступить съ громадными потерями. Это обстоятельство заставило Сулеймана отступить отъ Елены безъ бол, тѣмъ болѣе, что послѣ паденія Плевны, всякое наступленіе къ Тырнову теряло всякое значеніе, равно какъ и защита Еленинскаго прохода.

Потери наши въ этомъ бою были: убитыхъ и раненыхъ офицеровъ 25, нижнихъ чиновъ убитыхъ 90 и раненыхъ 600 человѣкъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Зимній походъ за Балканы.

Съ паденіемъ Плевны русскіе войска двинулись за Балканы. Передовой отрядъ состоялъ подъ начальствомъ генерала Гурко. Этотъ переходъ, сопряженный съ неимовѣрными трудностями въ борьбѣ не столько съ непріятелемъ, сколько съ природой, удивилъ всю Европу и еще разъ доказалъ на сколько выносливъ русскій воинъ.

Утвердившись подъ Арабъ конакомъ, турки никакъ не ожидали, чтобы русскіе въ такое

время года рискнули переходъ чрезъ Балканы. Жестокіе морозы, начавшіеся въ половинѣ ноября, продолжались и принудили армію Гурко оставаться нѣкоторое время въ бездѣйствіи. Впрочемъ затишье продолжалось недолго, съ прибытіемъ подкрѣпленій къ отряду, Гурко возобновилъ наступленіе, но такъ какъ нападеніе съ фронта на сильныя позиціи у Арабъ-Колага и Шандорнини представляла значительныя затрудненія, то рѣшено было прибѣгнуть къ обходу, съ этою цѣлью было отправлено двѣ колонны; одна изъ Орханіе на Чурьякъ, лежащій верстахъ 18-ти къ западу отъ Арабъ-Сонака, другая— отъ Врачеша чрезъ Умургачъ на Жиляву. Затрудненія, которыя приходилось преодолѣвать отрядамъ русскихъ, были громадны. Дорогъ не было никакихъ, кромѣ нѣсколькихъ горныхъ тропинокъ, недоступныхъ для артиллеріи, ее втаскивали на рукахъ или волахъ. Иногда приходилось разчищать дорогу въ глубокихъ снѣгахъ или прорубать ступеньки во льду, покрывающему горы, чтобы дать пѣхотинцамъ точку опоры. Однимъ словомъ, лишенія и препятствія встрѣ-

чались на каждомъ шагу, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые части двигались безъ обоза. Довольно сказать, что врачешскій отрядъ употребилъ цѣлыхъ три дня на переходъ какихъ нибудь 20 верстъ; такъ какъ приходилось двигаться отчасти по ночамъ, чтобы не обратить на себя вниманія непріятеля. Благодаря этимъ предосторожностямъ саперы проложили дорогу чорезъ перевалъ, достаточно широкую для прохода артиллеріи и 13 декабря авангардъ началъ наступленіе. Непріятель, неожидавшій наступленія, былъ захваченъ врасплохъ и потому уронъ нашъ былъ ничтоженъ, но мы понесли значительныя потери во время движенія, что впрочемъ не мудрено, принимая въ соображеніе трудности, которыя преодолѣли наши войска. Такъ генералу Дандевилю пришлось бороться съ буранами на высотѣ въ 5600 футовъ при морозѣ въ 15 градусовъ. При этомъ четыре орудія совсѣмъ занесены были снѣгомъ и около 800 нижнихъ чиновъ пострадали отъ мороза, а 53 совсѣмъ замерзли.

Вслѣдствіе этого обходнаго движенія турки 17 декабря оставили Лютиново, а наслѣдую-

щій день одна изъ нашихъ колоннъ прибыла къ Черьяку, свернувъ туда съ назначеннаго ей туда пути, потому что узнала о сосредоточеніи турокъ въ укрѣпленной позиціи, лежащей въ 10 верстахъ къ югу-западу отъ Арабъ-Колака. Эту колонну генералъ Гурко выдвинулъ въ видѣ заслона къ Софіи. 19-го декабря орханійская колонна аттаковала таш-кисетскую позицію, направивъ часть пѣхоты и кавалеріи въ обходъ лѣваго фланга и въ тылъ непріятеля, въ то же время была произведена энергичная демонстрація противъ турецкихъ позицій съ фронта. Послѣ упорнаго боя, продолжавшагося до наступленія темноты, русскіе овладѣли всѣми укрѣпленными пунктами непріятеля. Лишенные главнаго пути отступленія, турки бросили Арабъ-Конакъ, Шандоринкъ и Дольніе-Комарцы, и разбѣжались по горнымъ тропинкамъ, оставивъ намъ множество ружей, патроновъ, провіанта и десять стальныхъ орудій. Отправивъ кавалерію въ обходъ на Петричево и, преслѣдуя пѣхотою по пятамъ отступающаго непріятеля генералъ Гурко сдѣлалъ распоряженіе о направленіи войскъ нашихъ изъ

Эгрополя и Челонечи тоже на Петричево на перерѣзъ туркамъ. Къ сожалѣнію дурныя дороги и крайнее истощеніе нашихъ войскъ, не позволили намъ предупредить непріятеля въ этомъ пунктѣ. Тѣмъ не менѣе 34 табора, охватываемые русскими со всѣхъ сторонъ, бросились спасаться въ разсыпную, но большая часть бѣглецовъ была взята въ плѣнъ.

Весьма много способствовалъ успѣху дѣла отрядъ генерала Вельяминова, выдвинутый къ сторонѣ Софіи. Онъ привлекъ на себя часть непріятельскихъ силъ и позволилъ подать помощь турецкимъ войскамъ аттакованнымъ при Ташкисенѣ и потомъ преслѣдуемымъ 21-го декабря турки аттаковали 5 батальоновъ Вельяминова двѣнадцатью таборами своими съ артиллерію, но потеряли при этомъ около тысячи человѣкъ и одно знамя.

По занятіи Софійскаго шоссе, генералъ Гурко двинулся къ Софіи и, производя рекогносцировку города убѣдился, что онъ защищенъ только съ восточной стороны. Направивъ генерала Вельяминова на сѣверо-западную сторону какъ самую доступную, онъ заставилъ непріятеля отступить и занялъ

городъ Софію безъ сопротивленія. Затѣмъ были высланы два отряда: одинъ для соединенія съ Сербами къ Проту, другой къ Ускюбу для преслѣдованія непріятеля.

Въ теченіе этого времени генералъ Дандевиль, перейдя съ неимовѣрными затрудненіями Баба-гору, вступилъ 21-го декабря въ Златицу, а 3 пѣхотная гвардейская дивизія отбросила непріятельскій аріергардъ отъ Миркова къ Петричеву, но при этомъ, къ несчастію, погибъ доблестный генералъ Каталей, и бригадный командиръ генералъ Философовъ смертельно раненъ. Съ другой стороны войска наши продолжали наступленіе по Софійскому шоссе и заняли Мечку, Пойбренъ и Ихтилюнъ.

Пока генералъ Гурко преслѣдовалъ разбитыхъ имъ турокъ, другія части арміи приступили къ перевалу за Балканы. Генералъ Карцевъ, занимавшій Трояновъ проходъ, видя, что фронтовая аттака сопряжена съ большими потерями, отправилъ въ обходъ праваго фланга турокъ небольшой отрядъ, который рано утромъ 27-го декабря спустился къ деревнѣ Корнаръ и уничтожилъ батальонъ

турецкаго низама, вышелъ около полудня въ тылъ непріятельскаго расположенія; тогда мы аттаковали противника съ фронта и овладѣли главнымъ его укрѣпленіемъ, причемъ захватили одно орудіе и массу боевыхъ припасовъ; разбитые турки разбѣжались по горамъ, а отряды наши соединились у подошвы спуска близъ Теки и Корнара, гдѣ нашли большіе запасы продовольствія.

Эта побѣда была только прилюдіей другой болѣе славной. 28-го декабря турецкая шипкинская армія въ составѣ 41 батальона пѣхоты, 10 баттарей и одного Кавалерійскаго полка положила оружіе. Результатъ этотъ былъ достигнутъ искуснымъ движеніемъ генераловъ русскихъ: Скобелева и Святополкъ-Мирскаго, согласованнымъ съ аттакою генерала Радецкаго: первый двинулся чрезъ Зеленое Дерево, Карадли, и Иметли; второй чрезъ Крестецъ, Гузово и Ялицу. Оба эти отряда шли все время съ боемъ и 28 декабря, въ шесть часовъ утра, произвели нападеніе на непріятеля у деревни Шипки, не смотря на сильный туманъ и вечеръ. Около 11 часовъ генералъ Радецкій спустился съ

горы Св. Николая и овладѣлъ турецкими ложементами. Весель-пашѣ оставалось только сдаться. Такимъ образомъ по занятіи Святополкъ-Мирскимъ Казанлыка, долина Туиджи очутилась въ нашихъ рукахъ, вслѣдствіе чего представилась возможность разбить турецкія войска по частямъ прежде, чѣмъ они успѣютъ соединиться у Адріанополя.

Въ теченіе этого времени другіе русскіе отряды не оставались въ бездѣйствіи., баронъ Деннисгаузень произвелъ демонстраціи на Ахмедли, Твердицу и ханкіой. Одинъ изъ его отрядовъ взялъ съ боя селеніе Ахмедли и дойдя до Старорѣкъ, выслалъ часть войскъ для прерванія сношеніи между Османъ-Базаромъ и Казаномъ; другой перешелъ Твердинкій перевалъ и достигъ до Ени-Загры. Между тѣмъ были очищены отъ баши-бузуковъ мѣстности, лежащія въ окрестности Беброво и Старорѣки.

Трофеями этихъ побѣдъ были: плѣнныхъ нижнихъ чиновъ 32 тысячи, орудій взято 110, оберъ офицеровъ 280, штабъ офицеровъ 80 и генераловъ 3.

8-го генваря по утру авангардъ русскій подъ начальствомъ генерала Струкова, вступилъ въ Адріанополь. Эгюбъ-паша командовавшій турецкими силами въ Адріанополѣ, бѣжалъ, уничтоживъ пороховой складъ, арсеналъ и старый султанскій дворецъ; тѣмъ не менѣе добычею нашей были множество ружей и нѣсколько орудій. Быстрое вступленіе генерала Струкова спасло городъ отъ разграбленія шайками баши-бузуковъ и черкесовъ, начавшихъ свирѣпствовать въ окрестныхъ деревняхъ. Успокоивъ взволнованныхъ жителей, Струковъ учредилъ для управленія Адріанополемъ особую коммиссію изъ представителей разныхъ націй подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго архіепископа. Генералъ Скобелевъ 2-й по прибытіи въ Адріанополь 10 генваря одобрилъ всѣ, сдѣланныя Струковымъ распоряженія и двинулъ его съ кавалеріей къ Корикилису и Люне-Бургасу, о гвардейскую кавалерію на Демотику, поручивъ общее начальство надъ этими отрядами генералу Дохтурову.

Такимъ образомъ черезъ 48 лѣтъ русскимъ войскамъ пришлось опять побывать въ Адріа-

нополѣ, но достиженіе его стоило намъ гораздо дороже, чѣмъ первый разъ. Тогда Россія владѣла моремъ и переходъ чрезъ Балканы совершился лѣтомъ, послѣ взятія Варны и Шумлы, теперь же пришлось переходить Балканы зимою, при вьюгахъ и морозахъ, удивлявшихъ даже мѣстныхъ старожилъ. Турки господствовали на морѣ, были превосходно вооружены и дожидались насъ въ укрѣпленныхъ позиціяхъ искусно выбранныхъ. Мало того, мы должны были оставить громадный корпусъ для наблюденія за знаменитымъ турецкимъ четыреугольникомъ и Добруджею, не говоря уже о войскахъ, находившихся на берегахъ Чернаго моря и и въ Крыму, для защиты ихъ отъ непріятельскихъ высадокъ.

Этимъ эпизодомъ заканчивается рядъ битвъ. Русская армія расположилась въ Санъ-Стефано, вблизи Константинополя. Но 19-е февраля былъ заключенъ мирный договоръ между Россіею и Портою.

Конецъ.

2007111348